

**Международная безопасность
Нераспространение оружия массового уничтожения
Контроль над вооружениями**

**Журнал ПИР-Центра
политических исследований (Россия)**

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

№ 5

Сентябрь – Октябрь 2001

Том 7

Москва

Ядерный Контроль. № 5. Сентябрь – Октябрь 2001

Содержание

Редакционная статья	3
Необычная война	
Горячая тема	4
Владимир Орлов, Роланд Тимербаев. Время налаживать сотрудничество по широкому спектру проблем безопасности	
Информация и оценки (по материалам печати)	
В России. Из ядерного и ракетного досье	11
В России. Из досье по обычным вооружениям	27
В России. Из досье по химическому и биологическому оружию	28
В мире	29
Дума и контроль над вооружениями	32
Интервью	40
Сергей Загидуллин: «Российский ядерный комплекс и Государственная Дума: проблемы и перспективы»	
Анализ	
Анатолий Шевцов, Алексей Ижак. Циклы расширения НАТО	43
Игорь Рыбальченко. Контроль за нераспространением химического оружия: Международный межлабораторный квалификационный эксперимент	56
Комментарий	61
Валерий Семин. О международном финансовом и техническом содействии Российской Федерации в области укрепления режима нераспространения	
Обзор	66
Евгений Горьковский. Образование в области разоружения: требуется активизация усилий	
Страницы истории	72
Фидель Кастро Диас-Баларт. Ядерный путь Кубы	
Сообщения	
Об общей конференции Европейского консорциума политических исследований	81
О международной конференции «Интернет для всех – равные возможности в сети»	81
О ежегодной сессии Генеральной конференции МАГАТЭ	81
Перспективы развития ГНЦ ВВ <i>Вектор</i>	82
Новости ПИР-Центра	85
Summary	88
Об авторах	91

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ**Международная безопасность. Нераспространение оружия массового уничтожения.****Контроль над вооружениями.****Журнал ПИР-Центра политических исследований (Россия)****ISSN 1026-9878****№ 5 (59), Том 7****Сентябрь – Октябрь 2001****Издается с ноября 1994 года****Выходит шесть раз в год****Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати****Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.****Редакционная коллегия:**

Дмитрий Евстафьев

Василий Лата

Евгений Маслин

Владимир Орлов

Роланд Тимербаев

Юрий Федоров

Редакция:

Владимир Орлов, главный редактор

Карина Фуралева, технический редактор

Дмитрий Поликанов, редактор английского издания

Дмитрий Ковчегин, корреспондент

Елена Полидва, секретарь редакции

Людмила Контява, корректор

Вячеслав Зайцев – бухгалтерия

Виктор Меримсон – производство

Олег Кулаков – компьютерное обеспечение

Наталья Харченко – распространение

Адрес для писем: Россия, 103001, Москва,

Трехпрудный пер., д.9,

редакция *Ядерного Контроля***Телефон редакции:** +7-095-234-0525

(многоканальный)

Факс: +7-503-234-9558**Представительство в Интернет****и электронная версия журнала (сокращенная):**<http://www.pircenter.org>**Электронная почта:**info@pircenter.org (общие запросы)orlov@pircenter.org (письма редактору)fedorov@pircenter.org (полемика)kovchegin@pircenter.org (информация)

Распространяется в Москве, Астане, Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Вильносе, Душанбе, Ереване, Киеве, Минске, Риге, Таллине, Ташкенте, Тбилиси, Архангельске, Брянске, Владивостоке, Волгограде, Вольске, Воронеже, Дзержинском, Димитровграде, Днепропетровске, Долгопрудном, Дубне, Екатеринбурге, Железногорске, Заречном, Звездном Городке, Зеленогорске, Ижевске, Иркутске, Казани, Камбарке, Кирове, Королеве, Краснообске, Красноярске, Кургане, Лесном, Миассе, Мурманске, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Новоуральске, Обнинске, Одинцово, Озерске, Пензе, Перми, Подольске, Реутове, Санкт-Петербурге, Саратове, Сарове, Северодвинске, Североморске, Северске, Сергиевом Посаде, Снежинске, Твери, Томске, Трехгорном, Химках, Чапаевске, Челябинске, Шиханах, Щучьем, Электростали, Юбилейном, Ярославле, Арлингтоне, Атланте, Афинах, Бирмингеме, Бонне, Бостоне, Брюсселе, Вашингтоне, Вене, Женеве, Иерусалиме, Лондоне, Лос-Аламосе, Кембридже, Монтерее, Нью-Йорке, Осло, Париже, Пекине, Праге, Санта-Монике, Сан-Франциско, Стокгольме, Тель-Авиве, Токио, Франкфурте, Чикаго и Шарлотсвиле

Распространяется **бесплатно** для организаций и лиц в России, профессионально занимающихся проблематикой, освещаемой в журнале. Заявки следует направлять по указанному адресу или факсу на бланке организации. Бесплатная подписка ограничена. **Подписку** можно оформить в редакции за наличный или безналичный расчет. Отдельные номера журнала можно приобрести там же. В розничную продажу не поступает. Тел. для справок: +7-095-335-1955. Subscription overseas (Russian and English editions): please, send requests to Vladimir Siluyanov +7-503-234-9558 (fax) or siluyanov@pircenter.org.

Тираж: 2500 экз.**Подписано в печать:** 25 октября 2001**Отпечатано в России**

- Материалы «Ядерного Контроля» не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде, иначе как с письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения ПИР-Центра и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществлено благодаря поддержке Фонда Форда, Фонда У. Олтона Джоунса, Фонда Джона Мерка, Фонда Макартуров, Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Центра по изучению проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, Фонда Плаушер и др.

Издатель: ПИР-Центр политических исследований

Роланд М. Тимербаев, председатель Совета

Владимир А. Орлов, директор и член Совета

Владимир А. Мау, член Совета

Юрий Е. Федоров, член Совета

Юрий А. Рыжов, член Совета

© ПИР-Центр, 2001

Ядерный Контроль. № 5. Сентябрь – Октябрь 2001

Редакционная статья**НЕОБЫЧНАЯ ВОЙНА**

Широко развернувшаяся война против терроризма обещает быть тяжелой, длительной и во многом необычной. Бомбардировки военных объектов и высадки американского спецназа в Афганистане – лишь минимальная часть усилий по борьбе с экстремистами и фанатиками, избравшими террор, в том числе массовый, своим орудием. Подлинные истоки этой войны и, следовательно, ее смысл, цели, формы и методы намного сложнее, чем это можно предположить, судя по текущим сообщениям средств массовой информации.

Председатель британского Королевского института оборонных исследований сэра Майкл Александер, в частности, писал: «Эта война, помимо всего прочего, будет борьбой между имущими и неимущими, между теми сообществами и молодыми поколениями, которые чувствуют себя политически и экономически обделенными, с одной стороны, и теми, кто, выигрывая от существующего статус-кво, защищает свои традиции, принципы и удобства, с другой. [...] Напряженность, порождающая террористов в странах третьего мира, причем не только на Ближнем Востоке, подстегивается информационной революцией, которая делает для обездоленных еще менее возможным смириться со своим неравным положением».

И, действительно, война с терроризмом – это, по сути дела, гражданская война эпохи глобализации. Полями ее сражений являются не только ущелья и плоскогорья Афганистана или других регионов Юга, но и городские джунгли крупнейших метрополий Севера, в том числе российских. Победить терроризм военными и полицейскими методами невозможно. Для этого требуется ликвидировать порождающие его причины, в том числе преодолеть массовый разрыв между ценностями доиндустриального и постиндустриального миров, перспектива чего пока не просматривается. Более того, этот разрыв в ряде случаев углубляется. А потому, реальная цель сегодня – сдержать и заставить отступить экстремизм, максимально ограничить его преступные посягательства.

В борьбе с терроризмом не может быть двойных стандартов и исключений. Нельзя вести войну с Аль-Каидой и, одновременно, закрывать глаза на действия ирландских, колумбийских, палестинских, чеченских и иных террористов любой политической окраски – кроваво-красной, зеленой или черной. В этой войне не может быть компромиссов, ибо культура политического компромисса несовместима с культурой политического экстремизма, лозунг которого «победа или смерть».

Недвусмысленно поддержав американскую антитеррористическую операцию, президент Владимир Путин сделал очень простой выбор. Он поставил общие с США интересы выше имеющихся разногласий, сколь бы значимыми последние не казались еще несколько месяцев назад. Но самое важное заключается в том, что он, по сути дела, обозначил место России на геополитической карте мира. Это означает разрыв с предыдущей внешнеполитической концепцией, предполагавшей, в частности, солидарность со всеми силами, борющимися с «формированием однополярного мира».

Однако вопрос, насколько устойчивой и длительной будет такая политика, пока что остается открытым. Антиамериканские настроения части российской элиты имеют достаточно глубокие корни. Среди них не только укоренившиеся в сознании идеологические мифы коммунистической эпохи, но и ностальгия тех групп, привилегированный статус которых был обусловлен конфронтацией, типичной для холодной войны. И если такого рода взгляды и интересы вновь станут доминировать в российской политике, она скатится к бесперспективному и беспринципному балансированию между экстремистами и фанатиками, с одной стороны, и противостоящими им силами, с другой. При этом она окажется чуждой и той, и другой стороне глобального конфликта. Более опасную ситуацию представить себе просто невозможно.

И, наконец, противостояние между терроризмом и современной цивилизацией – это, помимо всего прочего, противостояние между демократией и новыми версиями тоталитаризма. И поэтому абсолютно недопустимо жертвовать демократическими свободами и правами личности во имя безопасности и победы над террористами.

Горячая тема**ВРЕМЯ НАЛАЖИВАТЬ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ШИРОКОМУ СПЕКТРУ ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ**

**Владимир Орлов
Роланд Тимербаев**

Образование широкой военно-политической коалиции по борьбе с международным терроризмом вносит качественно новый элемент во многие сферы международных отношений, позволяет, более того делает императивным, поиск путей решения тех проблем поддержания безопасности и стабильности, которые продолжают отягощать отношения между Россией и Соединенными Штатами, несмотря на объявленное еще более десяти лет назад прекращение *холодной войны* между ними. На редкость стремительное сплочение усилий государств по противодействию терроризму создает небывалые доселе возможности для того, чтобы столь же оперативно приступить к расчистке тех завалов, которые накопились в области стратегических вооружений. И упустить возникший сейчас уникальный шанс было бы просто непростительно.

Но для этого следовало бы учитывать следующее. В течение более трех десятилетий, с самого начала переговоров по стратегическим вооружениям, и США, и СССР/Россия исходили из неразрывной связи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями, справедливо считая, что стратегическая стабильность определяется необходимым балансом между теми и другими. Концепция эта была первоначально разработана в недрах американского военно-политического истеблишмента, и ее стали по разным каналам подбрасывать советскому руководству начиная с 1965–1966 годов. Но оно далеко не сразу – только примерно в 1970 году стало ее воспринимать всерьез. Это и позволило договориться в 1972 году о соглашениях ОСВ-1, включавших Договор по ограничению систем ПРО, Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений, Соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны и Соглашение о мерах по усовершенствованию линии прямой связи СССР–США.

В 1983 году позиция США изменилась после того, как президент США Рональд Рейган

выступил со Стратегической оборонной инициативой (СОИ). Идея ракетонепробиваемого щита была скорректирована, когда в 1989 году президент Джордж Буш трансформировал СОИ в значительно более скромную программу – «Глобальную защиту от ограниченных ударов». Тем не менее, создание оборонительной системы даже ограниченного характера повлияло бы на стратегическое соотношение сил, так как такая система могла бы нейтрализовать какую-то часть межконтинентальных баллистических ракет другой стороны.

И, тем не менее, до начала нынешнего столетия обе стороны в целом придерживались парадигмы взаимосвязи. Хотя при Билле Клинтоне в США уже вновь стали строить планы развертывания *ограниченной* НПРО, договор по ПРО во всех основополагающих двусторонних документах по-прежнему продолжал провозглашаться «краеугольным камнем стратегической стабильности». Да и в первых заявлениях Джорджа Уокера Буша, еще в бытность его кандидатом в президенты, и после избрания на этот пост, хотя и говорилось о целесообразности «продвигаться за рамки договора по ПРО» и важности разработки «нового стратегического формата» (*framework*), одновременно подчеркивалась «приверженность сокращению уровней стратегических ядерных вооружений до как можно более низких потолков». В этих заявлениях определенный элемент взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений, следовательно, присутствовал.

В то же время г-н Буш объявил о стремлении «избежать длительных переговоров по заключению договоров», высказавшись за сокращение наступательных вооружений путем односторонних инициатив. И с российской стороны было заявлено, что хотя гораздо более предпочтительным является традиционный путь заключения юридически обязывающих и контролируемых договоров, Россия готова, как заявил президент Владимир

Путин, осуществлять сокращения «совместно или параллельно», при этом называлась цифра в 1500 единиц или даже более низкая.

В целях содействия администрациям обеих стран по разработке «нового стратегического формата» в условиях окончания *холодной войны* и перехода к подлинному партнерству в этой сфере международных отношений две неправительственные организации – Фонд Карнеги за международный мир (США)¹ и ПИР-Центр политических исследований (Россия) предприняли попытку, с участием двусторонней группы экспертов, выработать рекомендации для представления правительствам РФ и США.

Предложения по указанным вопросам явились итогом серии обсуждений, проведенных в Москве, Лондоне, Вашингтоне и еще раз в Москве в январе–июле нынешнего года, в которых в целом приняли участие более восьмидесяти российских и американских правительственных и неправительственных экспертов. Они были высказаны в ходе обстоятельного диалога, состоявшегося на этих семинарах, но они не являются рекомендациями, основанными на консенсусе.

Участники согласились, что Соединенным Штатам и России следует работать над новым форматом стратегического сотрудничества, как это обсуждалось в ходе встреч между президентом Джорджем Бушем и президентом Владимиром Путиным. Однако участники также подчеркнули, что обе стороны должны «сохранить те аспекты нынешней системы, которые гарантируют стабильность в процессе перехода к новому стратегическому формату». С учетом этого они говорили о необходимости *поэтапного* подхода. Возможная структура этих этапов основывалась бы на следующих подходах:

Во-первых, хотя новые ядерные сокращения и необязательно будут основаны на немедленном начале переговорного процесса, они должны быть скоординированы и заранее обсуждены между обеими сторонами и, по возможности, совместно объявлены обоими президентами. Это придаст уверенность международному сообществу, что новые сокращения укрепят позитивные отношения между обеими державами. Подобные скоординированные односторонние сокращения ядерных вооружений должны быть закреплены в течение разумного периода времени юридически обязывающим

соглашением, пусть даже и весьма кратким и простым по содержанию.

Во-вторых, обеим сторонам следует приступить к постоянному диалогу с целью выработки нового формата стратегических отношений. Этот диалог должен проводиться на высоком, но экспертном уровне, включая как официальных, так и, возможно, неофициальных представителей обеих сторон. Предметы обсуждения могут включать:

- возможную дальнейшую судьбу договора по ПРО;
- будущее действующих соглашений по сокращению стратегических вооружений и цели СНВ-3;
- ядерные доктрины и политику обеих стран, включая создание, модернизацию и эксплуатацию вооружений.

В-третьих, начальная точка перехода к новым стратегическим отношениям – нынешняя ситуация, когда отношения стратегической стабильности регулируются формальными соглашениями по контролю над вооружениями. Конечной точкой является будущее, когда стратегическое ядерное сдерживание и контроль над вооружениями все еще могут оказывать какое-то остаточное влияние на отношения, но акцент будет в гораздо большей степени делаться на *сотрудничество* в стратегических вопросах. Подобное сотрудничество может включать совместную работу над ПРО, управление и контроль над ядерными вооружениями, а также более широкие усилия, направленные на предотвращение распространения оружия массового уничтожения (ОМУ). Именно условная конечная точка должна будет представлять собой новый формат стратегического сотрудничества. Однако промежуточные остановки на пути достижения этого формата будут также иметь существенное значение, и они будут определять, будет ли весь процесс иметь успех. Можно было бы рассмотреть следующие этапы переходного периода.

Этап 1:

- Совместное заявление президентов о том, что стратегические наступательные вооружения и противоракетная оборона не должны угрожать стратегическим силам другой стороны. Обе державы будут совместно работать с целью поэтапного продвижения к отношениям, когда они не будут более угрожать друг другу.

- Скоординированные односторонние сокращения стратегических ядерных сил, которые позволили бы ускорить переговорный процесс СНВ. Хотя президент Джордж Буш пока не принял решения об уровнях сил США, эти сокращения могут достичь уровня в 1500 боезарядов, или даже ниже – как это и предлагал президент Владимир Путин.
  - Более энергичные усилия по отходу от вызывающей озабоченность практики, сохранившейся с времен *холодной войны*, включающей развертывание стратегических ядерных вооружений в состоянии высокой боеготовности. Уже в скором времени можно было бы добиться успеха посредством деактивации стратегических систем и создания совместного центра раннего предупреждения. Следовало бы рассмотреть и дополнительные шаги по дальнейшему расширению сотрудничества в области раннего предупреждения и понижения уровня боеготовности на стартовых позициях.
  - Сотрудничество в области противоракетной обороны позволило бы приступить к процессу укрепления доверия между обеими сторонами в том, что система ПРО одной из сторон не угрожает стратегическим наступательным силам другой стороны. Подобное сотрудничество, начавшееся с упомянутого выше совместного заявления президентов, может быть продолжено на первом этапе посредством совместного рассмотрения угроз. Оно может включать обсуждение технологий ПРО театра военных действий (ТВД), как это было предложено президентом Владимиром Путиным в его инициативе, адресованной НАТО. Кроме того, возможно и совместное рассмотрение отдельных предлагаемых технологий.
  - Скорейшее рассмотрение вопроса о том, каким образом договор по ПРО может быть адаптирован с тем, чтобы обе стороны могли быть по-прежнему уверены в том, что их стратегические наступательные вооружения не находятся под угрозой. Поскольку пока неизвестно, какие именно системы ПРО будут развернуты, всеобъемлющее обсуждение будущего договора по ПРО будет пока невозможно, однако можно рассмотреть внесение отдельных поправок с целью разрешить некоторые виды деятельности. Кроме того, потенциальное использование договора в качестве инструмента укрепления совместного доверия в процессе развертывания противоракетной обороны следует обсудить уже сейчас.
- Некоторые эксперты высказали мнение, что многие элементы первого этапа могут быть реализованы до конца 2002 года.
- Этап 2:
- Соглашение о юридически обязывающих мерах, имеющее целью укрепить и гарантировать беспрепятственное выполнение односторонних сокращений, которые должны начаться в ходе первого этапа. Хотя на ранних стадиях переходного процесса важные изменения в стратегических отношениях будут реализовываться, в основном, в одностороннем порядке, уже вскоре после начала их осуществления эти изменения было бы полезно закрепить юридически обязательным документом. Это не должно потребовать проведения сложных переговоров. Юридически обязательный документ может представлять собой адаптированный вариант действующего соглашения (например, упрощенный Протокол по инспекциям договора СНВ-1), или новое соглашение, которое также следует сделать максимально простым (например, *облегченный* договор СНВ-3).
  - Создание совместного механизма военного и военно-промышленного планирования с целью обеспечения взаимного доступа к теориям и программам каждой стороны в данных областях. Такой подход позволит сконцентрироваться на расширении роли совместного военного и военно-промышленного планирования, а также приступить к более широкому обмену оценками характера угроз, технологиями и т.д. Здесь было бы необходимо рассматривать как наступательные, так и оборонительные технологии.
  - Продолжение использования механизма диалога на высоком уровне с целью урегулирования долгосрочных озабоченностей в области стратегических отношений. В ходе этого диалога могут рассматриваться вопросы, связанные с возвратным потенциалом и обратимостью сокращений, статусом нестратегических ядерных вооружений, распространением ОМУ, угрозами, которые некоторые системы (высокоточное оружие или крылатые ракеты морского базирования)

создают для национальных сил, а также опасения по поводу *случайной войны*. Эти вопросы можно было бы разрешить либо посредством расширения мер транспарентности и укрепления доверия (для сил, по-прежнему развернутых в боевом составе), либо путем прекращения выполнения ими боевых задач и уничтожения вооружений, либо методом принятия определенных политических решений (например, совершенствование законодательства в сфере экспортного контроля).

- Начало реализации совместного проекта в области технологий ПРО. Это может быть проектом, детально рассматривающим, каким образом современная технология может быть эффективно развернута (например, развертывание С-300 как элемента системы ПРО ТВД НАТО). Возможен и альтернативный вариант – реализация проекта, предусматривающего совместную разработку технологий, которые были определены в качестве перспективной на первом этапе.
- Определение характера процесса адаптации договора по ПРО. По мере того, как станет более ясной эффективность различных технологий ПРО, и будут приняты решения о развертывании, стороны могут принять решение определить и будущее договора по ПРО. Один из вариантов заключается в том, что документ будет адаптирован таким образом, чтобы по-прежнему обеспечивать уверенность обеих сторон в том, что ПРО не угрожает их стратегическим наступательным вооружениям. Согласно другому варианту, стороны могут решить, что им требуется документ иного типа, например, всеобъемлющее соглашение по сотрудничеству в развертывании противоракетных систем, а не договор, предотвращающий такое развертывание. В третьем варианте оба государства могут принять решение реализовывать свои программы параллельно, при наличии мер транспарентности в отношении программ друг друга.

Многие из элементов второго этапа, по мнению ряда участников обсуждений, могли бы быть реализованы в течение двух лет после завершения выполнения первого этапа (то есть к концу 2004 года). Но реализация некоторых других может продолжаться и на третьем этапе.

Этап 3:

- Дальнейшие сокращения стратегических наступательных вооружений до уровней ниже 1000 боезарядов у каждой из сторон. Этот процесс должен включать согласованные меры транспарентности в отношении ликвидации стратегических и нестратегических боезарядов и средств доставки, хотя на этом этапе юридически обязывающего соглашения может и не потребоваться.
- Вовлечение других стран, проводивших ядерные испытания², в процесс сокращений. Эти страны можно вовлечь в обсуждение данных вопросов на первом и втором этапах, но реальные сокращения их сил могут начаться только после того, как Соединенные Штаты и Россия завершат свои значительные сокращения.
- Постепенная эволюция совместного военного и военно-промышленного планирования в сторону обычного, рутинного элемента двусторонних отношений. Это может включать совместное производство вооружений и широкомасштабное взаимодействие между военной промышленностью России и стран НАТО.
- Широкомасштабный совместный проект или проекты с целью развертывания противоракетной обороны на ТВД или на национальном уровне. К этому времени разногласия относительно договора по ПРО должны быть разрешены.

Вероятно, осуществление третьего этапа могло бы занять четыре–восемь лет после завершения второго этапа (то есть он мог бы быть реализован к 2008–2012 годам).

Меры транспарентности и укрепления доверия должны применяться с целью предоставить постоянный канал наблюдения за деятельностью обеих стран в переходный период, и будут сохранять свое значение на каждом из его этапов. Значительный уровень транспарентности уже существует в рамках процесса верификации и мониторинга соглашений по контролю над вооружениями, а также других программ, как, например, по Совместному уменьшению угрозы (СУУ), которая предоставляет Соединенным Штатам доступ к российскому ядерному комплексу. Особый, не на основе взаимности, доступ к российским ядерным объектам, которым в настоящее время располагают США в результате реализации помощи по программе СУУ, на определенном этапе должен быть

сбалансирован каким-либо *компенсирующим* доступом России к американским ядерным объектам. Согласно одному из вариантов, российские компании могли бы участвовать в процессе работ по уничтожению вооружений на ядерных предприятиях США (по аналогии с деятельностью американских компаний на российских предприятиях в настоящее время).

Возможна выработка дополнительных мер транспарентности по мере того, как будут улучшаться отношения в целом. Это также поможет разрешить такие вопросы длительных разногласий, как ситуация с развертыванием российских и американских нестратегических ядерных вооружений или крылатые системы морского базирования США. Однако в конечном итоге формальная транспарентность будет все менее необходима по мере расширения обоюдного доступа и взаимного сотрудничества.

Хотя по тем или иным частным вопросам между экспертами двух стран полного согласия достигнуто не было, да и задача такая не ставилась, главное в изложенных предложениях это то, что они основаны на принципе обеспечения двустороннего *сотрудничества* в стратегической области и на важности *постепенного* перехода к новому миропорядку в этой сфере. Рекомендации экспертов были переданы высокопоставленным представителям правительств обеих стран, и хотя непосредственной реакции от них не поступило, можно полагать, что они были рассмотрены. Мы убеждены, что нынешняя обстановка и появившиеся в последнее время новые возможности для конструктивного диалога делают это еще более актуальным.

После встречи двух президентов в Генуе в июле с.г., на которой они в совместном заявлении объявили, что наступательные и оборонительные системы являются *взаимосвязанными* вопросами, между сторонами развернулись интенсивные консультации по проблемам оборонительных и наступательных вооружений. Состоялось уже несколько встреч на различных уровнях. Но хотя каких-либо совместных содержательных заявлений о ходе консультаций не появлялось, судя по сообщениям прессы и отрывочным высказываниям отдельных официальных представителей США и России, эти консультации не выявили пока что сближения сторон по обсуждаемым на них вопросам огромной важности, которые не могут не

волновать широкие круги общественности не только в России и Соединенных Штатах, но и в других странах.

Более того, администрация Соединенных Штатов продолжает тянуть время, несмотря на то, что Москва не раз давала понять, что готова проявлять гибкость во имя решения существующих проблем на взаимно конструктивной основе. Если ранее предполагалось, что речь пойдет о некоторых изменениях в договоре по ПРО, не выходящих его существо, и о значительных сокращениях стратегических наступательных вооружений, то после августовского визита в Москву министра обороны США Дональда Рамсфельда и некоторых высказываний президента Джорджа Буша сложилось впечатление, что в американском подходе появились заметные изменения.

Речь, судя по всему, пошла уже о прекращении действия договора по ПРО и даже чуть ли не о возможном одностороннем выходе из него США. Что же касается обещанных г-ном Бушем существенных сокращений наступательных вооружений, то этот вопрос как будто стали вообще задвигать на задний план³. Дональд Рамсфельд предложил Конгрессу США ограничиться весьма скромными сокращениями – демонтировать к 2007 году 50 ракет *Peacekeeper* или *MX*, сократить количество бомбардировщиков *B-1B* с 93 до 60 и перевести на обычные боезаряды две атомные подлодки класса *Ogayo* из действующих 18, которые способны нести по 192 ракеты с ядерными боеголовками⁴. Правда, хорошо осведомленные относительно планов администрации США специалисты все же считают, что Джордж Буш объявит в течение ближайших месяцев об одностороннем сокращении стратегических вооружений до 2500 единиц, а, возможно, и ниже⁵.

Планы администрации Джорджа Буша по испытанию и последующему развертыванию НПРО встречают, однако, далеко не однозначную реакцию в Конгрессе США. Между демократами, получившими большинство в Сенате, и республиканцами развернулась поистине драматическая баталия по поводу планов НПРО. Новый председатель сенатского комитета по иностранным делам демократ Джозеф Байден так выразил отношение к ним свое и своих единомышленников: «Буквально все, включая отношения с Россией и Китаем, и даже

отношения с НАТО, рассматривается через призму противоракетной обороны. Но это опасно и потенциально может привести к катастрофическим последствиям. Это ослабит США, ослабит НАТО, ослабит нашу способность противостоять реальным угрозам»⁶. Однако после трагических событий 11 сентября демократы решили все же на данном этапе не форсировать дебаты по проблеме НПРО и согласились с предложенными администрацией ассигнованиями на работы по противоракетным системам.

Как все же следует понимать угрозу США о выходе из договора по ПРО? Что это – ультиматум, банальный блеф, часто применяемый на дипломатических переговорах, чтобы добиться более выгодных условий, или же просто проявление непрофессионализма неопитов в политике? Совершенно очевидно, что ультиматум вряд ли уместен на переговорах с российской стороной.

Министр обороны России Сергей Иванов подчеркнул в сентябре, что Россия, в принципе, не против модификации договора по ПРО. Таким образом, путь к компромиссу не отсекается. Для России было бы неприемлемым, однако, если бы многочисленные и затягивающиеся двусторонние консультации стали ширмой для *тихого*, но решительного выхода США из договора. Россия не намерена благословлять разрушение договора. Если ситуация начнет разворачиваться именно таким образом, наверное для России вернее было бы не разделять моральную ответственность за похороны договора, четко указав на то, что у него только один могильщик. В таких условиях России придется, конечно, пересмотреть свой взгляд на незыблемость имеющихся соглашений по контролю над вооружениями. И если Договоры о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и СНВ-1, а также Договор об обычных вооруженных силах в Европе, конечно, не будут Россией каким-либо образом ревизованы, то в части недоратифицированного (не Россией!) и не ступившего в силу договора СНВ-2 Россия имеет поле для маневра, в том числе и в вопросе об разделяющихся головных частях на своих межконтинентальных баллистических ракетах. Но такой поворот событий может поставить под вопрос весь комплекс договоренностей по контролю над вооружениями, не говоря уже о том, что будет

поставлен крест на перспективах дальнейшего договорного процесса.

Президент Владимир Путин в интервью немецкой телекомпании *ARD* 19 сентября сказал, что если наши американские партнеры примут решение о выходе из договора по ПРО и проинформируют нас за полгода, как это предусмотрено в самом договоре, «мы в этом случае не будем устраивать никакой истерики». «Но мы полагаем, – продолжал он, – что это было бы ошибочным шагом. И вот почему. Сегодняшняя система международной безопасности в значительной мере базируется на Договоре о противоракетной обороне 1972 года. С ним связан договор СНВ-1, с ним связан договор СНВ-2, который мы ратифицировали. Наши американские партнеры пока, к сожалению, нет. С ним связан целый ряд других международно-правовых обязательств [...] в сфере международной безопасности, примерно 30 договоров и соглашений. Это в одночасье будет разрушено. [...] Мы полагаем, что это ошибка. Нашим собственным национальным интересам большого ущерба от выхода американцев из договора по ПРО не будет, потому что Россия в ближайшие лет 30 точно сможет обеспечить свою безопасность. Мы это знаем, наши американские партнеры это знают. Позиция России защищает, скорее, не свою собственную безопасность, а позиция России исходит из необходимости бережного отношения к международной структуре, к международной архитектуре безопасности, которая сложилась на данный момент».

Как будто стали появляться признаки того, что по ту сторону Атлантического океана стали более внимательно прислушиваться к ритму сегодняшней жизни, к возникающим потребностям и возможностям нынешнего этапа международных отношений. Помощник президента США по национальной безопасности Кондолиза Райс, выступая 4 октября на годовом собрании Американско-российского делового совета, заявила, что США стремятся развивать взаимодействие с Москвой по проблемам безопасности, включая «нарастающую угрозу от баллистических ракет и возможность распространения оружия массового уничтожения». «Думаю, что дискуссии по этим вопросам получат новый импульс», – заявила советник президента. «В то же время, – подчеркнула она, – США хотели бы, чтобы диалог с Россией не ограничивался только темой стратегической стабильности, а носил гораздо более широкий характер». По ее словам, экономика, торговля,

инвестиции могут стать главной составляющей «совершенно иных в своей основе отношений» между двумя странами.

Г-жа Райс подчеркнула, что надежда на установление именно таких отношений появилась после встреч президентов России и США в Любляне и Генуе, где они обсуждали возможность расширения областей сотрудничества в период после *холодной войны*. С того времени они стремятся обновить повестку дня отношений между США и РФ, сказала она, а события 11 сентября придали этому новый импульс⁷.

Определенное движение вперед наметилось на встрече двух президентов в Шанхае 21 октября, в ходе которой Джордж Буш заявил, что США сократят ядерные силы до той степени, которая необходима для сохранения мира, учитывая реалии XXI века⁸. В то же время он повторил, что «договор по ПРО устарел и надо посмотреть, можно ли от него отказаться»⁹.

Владимир Путин, со своей стороны, сказал: «Я полагаю, у нас есть понимание того, что мы сможем достичь договоренности (в вопросе о ПРО) с учетом национальных интересов России и США, а также с учетом необходимости укрепления международной стабильности в этой важнейшей сфере». По его оценке, «в вопросах ПРО мы (Россия и США) продвинулись несколько вперед». Вместе с тем, Владимир Путин подчеркнул, что Россия считает, что это (договор по ПРО) важнейший элемент стабильности в мире»¹⁰.

Новая встреча президентов России и США состоится в Вашингтоне и Кроффорде (штат Техас) 12–14 ноября. Хотелось бы надеяться, что возобладает путь разумного и взаимоприемлемого сотрудничества в обеспечении стабильности в мире, базирующейся на сохранении взаимосвязи между стратегическими оборонительными и наступательными вооружениями и на

неуклонно и необратимо сокращающихся запасах ядерного оружия. Сейчас появилась реальная возможность сделать правильный выбор.■

¹Со стороны Фонда Карнеги координаторами совместного проекта выступали Роуз Геттемюллер, Александр Пикаев и Джон Волфстел.

²На вовлечении в разоруженческий процесс других ядерных держав, в том числе и не признаваемых официально, настаивали некоторые российские участники совместного проекта, в частности, авторы настоящей статьи. Формулировка «проводивших ядерные испытания» включена по просьбе американских участников, для которых «израильский фактор», как известно, является весьма чувствительным. Впрочем, имеются достоверные сведения, что Израиль во всяком случае проводил субкритические эксперименты. Существуют также подозрения, что в 1979 году Израиль, возможно совместно с Южной Африкой, произвел атмосферный ядерный взрыв в южной части Индийского океана. Российские эксперты исходят из того, что Израиль безусловно должен принять участие в процессе ядерного разоружения. Как мы понимаем, и американские участники придерживаются такого же мнения.

³Miscommunication In Moscow. *New York Times*, 15 August 2001

⁴*Arms Control Today*, July/August 2001, p.24

⁵Такое предположение высказали посетившие ПИР-Центр 8 октября бывший министр обороны Роберт Макнамара и президент Союза юристов за глобальную безопасность (Lawyers Alliance for World Security) посол Томас Грэхем.

⁶*Los Angeles Times*, 10 September 2001

⁷*Итаp-Тасс*, 4 октября 2001

⁸Как сообщала *Washington Post* 22 октября, некоторые американские военные «хотят сохранить американский арсенал на уровне 2200–2500 единиц».

⁹РИА *Новости*, 21 октября 2001

¹⁰*Итаp-Тасс*, 21 октября 2001.

Информация и оценки (по материалам печати)

Ниже приведены выборочные материалы российской печати из «ядерного и ракетного досье» ПИР-Центра, опубликованные в октябре 2001 года. Редакция Ядерного Контроля приводит фрагменты из статей дословно или в пересказе, предлагает точки зрения различных изданий и не комментирует их. Размещение материалов в данном разделе не означает, что редакция разделяет ту или иную из них.

В РОССИИ

ИЗ ЯДЕРНОГО И РАКЕТНОГО ДОСЬЕ

• Стратегические ядерные силы

Министерство обороны принимает дополнительные меры по обеспечению безопасности ядерных объектов

25 октября состоялась пресс-конференция начальника 12-го Главного управления Минобороны (ГУМО) РФ генерал-полковника Игоря **Валынкина**.

Г-н Валынкин сообщил, что начался процесс приемки технических баз хранения ядерных боеприпасов от Ракетных войск стратегического назначения в 12-е ГУМО, который завершится в 2003 году.

По его словам, подобное сосредоточение ядерных боеприпасов в ведении только 12-го ГУМО обеспечит централизацию управления ядерными объектами и боеприпасами, их охрану, подготовку кадров и проведение единой технической политики. «Подобная мера никак не скажется на боеготовности Российских Вооруженных сил», – подчеркнул военачальник. (Александр Коновалов. В 2003 году все ядерные боеприпасы, находящиеся на базах хранения РВСН, будут переданы в ведение 12-го Главного управления Минобороны. РИА *Новости*. 25 октября 2001.)

Игорь Валынкин также отметил, что министерство обороны принимает дополнительные меры по обеспечению безопасности и усилению охраны ядерных объектов. Введены «дополнительные штатные мобильные подразделения на объектах хранения ядерных боеприпасов с более усиленным вооружением и лучшей подготовкой», – сказал генерал. По его словам, «эти подразделения сегодня способны противостоять террористическим группам, таким, как те, которые действуют в Чечне».

Он также сообщил, что Минобороны «дополнительно скорректировало планы обеспечения безопасности объектов хранения ядерных боеприпасов с ФСБ, МВД и

командованием военных округов, которые будут оказывать нам помощь в случае нападений террористов».

По словам генерала Валынкина, «усиление мер безопасности и физическая защита самих объектов делают невозможным проникновение на них террористов в короткие сроки».

«На сегодняшний день наши сооружения с нашей охраной вполне надежны и не вызывают опасений за их безопасность», – подчеркнул генерал.

Г-н Валынкин допускает возможность проведения терактов со стороны наземных групп террористов против ядерных объектов. Вместе с тем он подчеркнул, что в Минобороны не опасаются атаки, подобной той, которую террористы совершили в США 11 сентября. Подобной «прямой атаки мы не боимся», – отметил Игорь Валынкин. При этом он заявил, что «сооружения, в которых в России хранятся ядерные боеприпасы, спроектированы таким образом, что выдерживают ядерный удар». (Александр Коновалов. Минобороны принимает дополнительные меры по обеспечению безопасности и усилению охраны ядерных объектов. РИА *Новости*. 25 октября 2001.)

Генерал Валынкин также заявил, что в 2001 году российские военные зафиксировали два случая проведения разведки террористами объектов хранения ядерных боеприпасов. Обе попытки террористов были предотвращены соответствующими службами. Игорь Валынкин заявил, что «попыток непосредственно проникнуть в сооружения, где хранятся боеприпасы не было ни одной». (Павел Коряшкин. В этом году военные зафиксировали два случая разведки террористами объектов хранения ядерных боеприпасов – представитель Минобороны. *Итар-Тасс*. 25 октября 2001.)

Проведен учебно-боевой пуск МБР *Тополь* 3 октября, запущенная с самоходной пусковой установки с космодрома *Плесецк*

межконтинентальная баллистическая ракета (МБР) *Тополь*, поразила учебную цель на полигоне *Кура* на Камчатке. Об этом сообщили в пресс-службе Космических войск.

Как отметили в военном ведомстве, до запуска МБР *Тополь* 15 лет находилась на боевом дежурстве в одном из соединений РВСН. Задачей учебно-боевого пуска являлось подтверждение тактико-технических характеристик и надежности ракетного комплекса при продлении сроков его эксплуатации в войсках.

Непрерывный контроль за стартом и всеми этапами полета *Тополя* осуществлялся через систему предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства, а также наземным командно-измерительным комплексом, – сообщили в пресс-службе Космических войск. (Межконтинентальная баллистическая ракета *Тополь*, запущенная с космодрома *Плесецк*, поразила учебную цель на Камчатке. РИА *Новости*. 3 октября 2001.)

Новая РЛС будет введена в строй в 2002 году

3 октября в пресс-клубе министерства обороны РФ командующий Космическими войсками РФ генерал-полковник Анатолий **Перминов** заявил, что в первой половине 2002 года на боевое дежурство встанет радиолокационная станция (РЛС) в белорусском городе Барановичи. Это повысит эффективность ракетно-космической обороны Союзного государства России и Белоруссии, а также государств СНГ.

РЛС в Барановичах, получившая название *Волга*, способна вести постоянный контроль на западном и северо-западном направлениях территории России и стран СНГ. Летом 2001 года была завершена отладка боевых алгоритмов и программ радара, а затем проведена комплексная проверка локатора. «К концу текущего года РЛС будет введена в опытную эксплуатацию», – подчеркнул генерал.

Как отмечают военные эксперты, радар будет осуществлять радиолокационное наблюдение за космическим пространством вместо демонтированной РЛС в Скрунде (Латвия). На сегодняшний день кольцо постоянного контроля по периметру территории России сохраняется, а на западном и северо-западном направлениях осуществляется за счет резервных средств ракетно-космической обороны.

Белорусская станция представляет собой принципиально новую РЛС, которая способна отслеживать пуски баллистических ракет на всей территории Европы. (Сергей Останин. В первой половине 2002 года на боевое дежурство встанет радиолокационная станция в Белоруссии, которая способна отслеживать пуски баллистических ракет на всей территории Европы. *Итар-Тасс*. 3 октября 2001.)

На Северном флоте произведены учебные пуски баллистических ракет

18 октября Северный флот успешно осуществил два учебно-боевых пуска баллистических ракет морского базирования. Как сообщил начальник пресс-службы ВМФ РФ капитан первого ранга Игорь **Дыгало**, старт ракет произведен с атомного подводного ракетного крейсера из акватории Белого моря.

По словам г-на Дыгало, учебно-боевые пуски ракет осуществлены по плану боевой подготовки ВМФ РФ. Головные части баллистических ракет морского базирования точно поразили учебные цели на боевом поле *Кура* на Камчатке.

Офицер отметил, что запуски ракет произведены с атомного подводного ракетного крейсера стратегического назначения *Северсталь* из подводного положения. «Успешный пуск ракеты показал высокий уровень готовности системы боевого управления и подготовленности экипажа ракетноносца», – подчеркнул он. (Владислав Кузнецов. Северный флот осуществил два учебно-боевых пуска баллистических ракет из Белого моря по плану боевой подготовки. *Итар-Тасс*. 18 октября 2001.)

Средства системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) Космических войск РФ своевременно зафиксировали старт баллистической ракеты из акватории Белого моря. Об этом сообщили в пресс-службе этого рода войск.

Как отмечают эксперты, СПРН сработала безупречно, ракета после обнаружения старта сопровождалась устойчиво радарными и командно-измерительными комплексами, координатная информация траектории ее полета постоянно уточнялась и обрабатывалась вычислительными средствами этой системы и выдавалась на центральный командный пункт Минобороны РФ и других видов Вооруженных сил России.

Российская СПРН предназначена для обнаружения пусков отечественных и иностранных баллистических ракет, ракет-носителей, разведки и контроля за космическим пространством. (Владислав Кузнецов. Старт баллистической ракеты морского базирования из акватории Белого моря зафиксировали средства Космических войск России. *Итар-Тасс*. 18 октября 2001.)

Россия развивает систему предупреждения о ракетном нападении

19 октября в пресс-службе Космических войск РФ сообщили, что на стратегическом объекте Космических войск России в Барановичах (Белоруссия) приступили к государственному испытанию РЛС СПРН. Госиспытание радара продлится до середины декабря 2001 года.

На объекте завершена отладка боевых алгоритмов и программ. В настоящее время РЛС работает в штатном режиме по реальному космическому фону – обнаруживает и сопровождает космические объекты и выдает информацию о них на командный пункт СПРН. В пресс-службе отметили, что после завершения госиспытаний радара *Волга* объект Космических войск РФ в первой половине 2002 года заступит на боевое дежурство. С вводом в строй радиолокационной станции в Белоруссии эффективность ракетно-космической обороны России и стран СНГ повысится. (Владислав Кузнецов. На станции раннего обнаружения баллистических ракет в Барановичах (Белоруссия) Космические войска РФ приступили к госиспытаниям. *Итар-Тасс*. 19 октября 2001.)

Россия будет создавать перспективные станции СПРН, которые могут дополнить действующие ныне стационарные станции. Об этом сообщили 19 октября в пресс-службе Космических войск в связи с проходящими государственными испытаниями радиолокационной станции в белорусском городе Барановичи.

«Вопреки утверждениям ряда СМИ, Космические войска России не отказываются от эксплуатации станций, расположенных в Белоруссии, Азербайджане и Казахстане», – отметили в пресс-службе. В частности, станция в Барановичах встанет на боевое дежурство в первой половине 2002 года. Она способна вести постоянный контроль на западном и северо-западном направлениях территории России и стран СНГ. Летом 2001 года была завершена отладка боевых

алгоритмов и программ радара, а затем проведена комплексная проверка локатора.

Как отмечают военные эксперты, радар будет осуществлять радиолокационное наблюдение за космическим пространством вместо демонтированной РЛС в Скрунде (Латвия). На сегодняшний день, кольцо постоянного контроля по периметру территории России сохраняется, а на западном и северо-западном направлениях осуществляется за счет резервных средств ракетно-космической обороны. Белорусская станция представляет собой принципиально новую РЛС, которая способна отслеживать пуски баллистических ракет на всей территории Европы. (Сергей Останин. Россия будет создавать перспективные станции систем предупреждения о ракетном нападении. *Итар-Тасс*. 19 октября 2001.)

• В Минатоме

***Техснабэкспорт* полностью переходит в собственность государства**

Весь пакет акций ОАО *Техснабэкспорт*, которое входит в структуру Минатома, теперь принадлежит государству. **3 октября** генеральный директор ОАО Валерий **Богдан** заявил, что выкуп 49% акций предприятия, находившихся в собственности физических и юридических лиц, завершен, и в течение этого месяца они будут переданы Мингосимуществу [остальные 51% акций уже находятся в собственности государства. – *Время Новостей*].

Решение о переводе акций *Техснабэкспорта* в государственную собственность было принято 27 июня на годовом собрании акционеров компании. Лишь став полностью государственным, предприятие получит юридическое право владеть ядерными материалами, необходимое внешнеэкономическому агенту Минатома. Именно этим обстоятельством обусловлена смена статуса. В частности, именно *Техснабэкспорт* реализует российско-американский контракт ВОУ-НОУ стоимостью около 12 млрд долл.

После приобретения 49% акций *Техснабэкспорта* Мингосимуществом, согласно российскому законодательству, получит право назначить новых представителей государства в совет директоров. Впрочем, по мнению источников газеты *Время Новостей*, изменение статуса предприятия не окажет серьезного влияния на

кадровую политику. (Анна Сурикова. Государство возвращает атомные активы. *Время Новостей*. 4 октября 2001.)

- **Сокращение ядерных вооружений**

Президенты России и США провели переговоры в Шанхае

21 октября в Шанхае (Китай) состоялась встреча президентов России и США Владимира **Путина** и Джорджа **Буша**.

Президент США Джордж Буш не подтвердил намерение Соединенных Штатов к концу 2001 года выйти из договора по ПРО.

Выступая на совместной пресс-конференции с Владимиром Путиным, американский лидер отрицательно ответил на вопрос сообщил ли он своему российскому коллеге о том, что США к концу года выйдут из этого договора.

По словам г-на Буша, он сообщил Владимиру Путину, что США «находятся в процессе анализа арсеналов». Американский лидер подчеркнул, что он хочет выполнить данное в ходе избирательной кампании обещание: «мы должны сократить наши ядерные силы до той степени, которая необходима для сохранения мира, учитывая реалии XXI века».

В то же время Джордж Буш, по его словам, «повторил то, о чем говорил в Словении – договор по ПРО устарел, и надо посмотреть, можно ли от него отказаться».

Президент США отметил, что договор был подписан, когда наши страны «ненавидели друг друга». «Но мы же больше не испытываем ненависти друг к другу», – сказал Джордж Буш. По его словам, «ничто не мешает миролюбивым государствам разрабатывать те системы, которые им представляются необходимыми». (Джордж Буш не подтверждает намерение США к концу года выйти из договора по ПРО. *РИА Новости*. 21 октября 2001.)

Президент России Владимир Путин выразил надежду, что в вопросе договора по ПРО РФ и США смогут достичь договоренности. Об этом он заявил в Шанхае на совместной пресс-конференции с президентом США Джорджем Бушем.

«Я полагаю, у нас есть понимание того, что мы сможем достичь договоренности (в вопросе по ПРО) с учетом национальных интересов России и США, а также с учетом

необходимости укрепления международной стабильности в этой важнейшей сфере», – подчеркнул Владимир Путин.

По его оценке, «в вопросах ПРО мы (Россия и США) продвинулись несколько вперед».

«Мы согласны, что мы должны думать о будущем и должны адекватно реагировать на возможные угрозы будущего, – сказал президент России. – Мы готовы обсуждать это с нашими американскими партнерами в том случае, если нам будут предоставлены определенные параметры для этого обсуждения».

Вместе с тем Владимир Путин особо подчеркнул, что Россия «считает, что это (договор по ПРО) важнейший элемент стабильности в мире». По его словам, стороны разделяют многие подходы к этой проблеме, хотя «нам трудно согласиться с тем, что следует опасаться того, что террористы могли бы захватить стратегическую межконтинентальную ракету». (Путин выразил надежду, что в вопросе договора по ПРО РФ и США смогут договориться. *Итар-Тасс*. 21 октября 2001.)

Лидеры России и США договорились на встрече в Шанхае «значительно снизить наступательные ядерные вооружения». Об этом президент США Джордж Буш заявил, выступая на совместной пресс-конференции с Владимиром Путиным.

Говоря о встрече с российским лидером, Джордж Буш подчеркнул, что у них «состоялся теплый и серьезный разговор». (Лидеры России и США договорились на встрече в Шанхае «значительно снизить наступательные ядерные вооружения». *РИА Новости*. 21 октября 2001.)

Президенты России и США приняли совместное заявление о борьбе с терроризмом.

«Президенты подчеркивают, – говорится в документе, – что варварские террористические акты, совершенные в США 11 сентября, являются преступлением против всего человечества. Президенты отмечают, что терроризм угрожает безопасности не только России и США, но и всего мирового сообщества, а также миру и международной безопасности».

Лидеры двух стран считают, что «терроризм является прямой угрозой верховенству закона,

правам человека и демократическим ценностям». «Для него нет основы ни в одной из религий, в национальных или культурных традициях, и он использует их исключительно для прикрытия своих преступных целей. Президенты согласны с тем, что должны быть предприняты все усилия для того, чтобы привлечь к ответственности виновных в совершении террористических актов, обеспечив при этом права и благополучие гражданского населения. Они подчеркивают, что борьба с терроризмом требует объединения всего мирового сообщества для противодействия новым вызовам и угрозам на основе международного права и полного использования ООН и других международных организаций».

«Страны должны использовать дипломатические, политические, финансовые и военные средства, а также меры по линии правоохранительных органов и спецслужб для того, чтобы искоренить терроризм и террористов, а также их спонсоров и привлечь их к ответственности».

«Президенты, – говорится далее в заявлении, – подчеркивают, что нынешняя ситуация в Афганистане является прямым следствием политики, проводимой талибами, превратившими эту страну в международный центр терроризма и экстремизма». Президенты «подтверждают готовность России и США тесно сотрудничать с ООН в целях содействия постконфликтному урегулированию в Афганистане, которое предусматривало бы формирование представительного, имеющего широкую основу правительства, способного обеспечить восстановление мирного Афганистана, поддерживающего хорошие отношения с государствами региона и за его пределами».

«Президенты России и США согласны с тем, что сети финансирования, коммуникаций и организационно-технической поддержки террористических организаций должны быть уничтожены», – указывается в документе. Лидеры двух стран «призывают все без исключения государства принять меры по пресечению доступа террористических организаций к финансовым ресурсам». Владимир Путин и Джордж Буш подчеркнули, «важность скорейшей ратификации и скорейшего выполнения существующих международных антитеррористических конвенций».

«Президенты двух стран полны решимости наращивать сотрудничество в борьбе с новыми террористическими угрозами – ядерной, химической, биологической, а также в компьютерном пространстве», – отмечается в заявлении. Владимир Путин и Джордж Буш договорились наращивать двусторонние и многосторонние действия по пресечению экспорта и распространения ядерных, химических и биологических материалов, связанных с ними технологий и средств доставки в качестве критически важного элемента борьбы, имеющей целью нанести поражение международному терроризму.

Рассматривая российско-американское сотрудничество как «ключевой элемент в глобальных усилиях по борьбе с терроризмом», президенты подтвердили «свою личную приверженность и приверженность своих двух стран в борьбе с этим смертоносным вызовом». Владимир Путин и Джордж Буш с удовлетворением отметили «плодотворное сотрудничество между Россией и США в рамках ООН и ее Совета Безопасности, Совместного постоянного совета Россия-НАТО и *восемьмерки*». Они поручили своим правительствам укреплять двустороннее сотрудничество в рамках российско-американской Рабочей группы по противодействию террористической и иным угрозам, исходящим из Афганистана. (Путин и Буш призвали «все без исключения государства принять меры по пресечению доступа террористических организаций к финансовым ресурсам». *Итап-Тасс*. 21 октября 2001.)

В администрации США с оптимизмом восприняли высказывания президента России Владимира Путина относительно договора по ПРО, прозвучавшие по итогам его встречи с Джорджем Бушем. Это дал понять госсекретарь США Колин Пауэлл, сопровождавший главу администрации на саммите АТЭС в Шанхае. «Я рад был услышать слова Владимира Путина о том, что наступила новая эра, о том, что есть некоторые новые идеи и параметры, которые мы должны изучить», – сказал глава американской дипломатии.

Г-н Пауэлл сообщил, что ему, «министру иностранных дел РФ Игорю Иванову, а также главам военных ведомств Дональду Рамсфельду и Сергею Иванову предстоит напряженная работа в преддверии ноябрьской

встречи президентов с тем, чтобы посмотреть, как нам вместе продвигаться вперед».

Одновременно госсекретарь повторил, что если Москва и Вашингтон «не сумеют достичь договоренности, которая бы позволила нам продвигаться вперед в соответствии с новыми стратегическими рамками, то президент США готов в одностороннем порядке выйти из договора по ПРО». Как заметил Колин Пауэлл, Джордж Буш дал ясно понять во время встречи с Владимиром Путиным, что он решительно настроен в отношении создания системы противоракетной обороны. (Андрей Суржанский. В администрации США с оптимизмом восприняли высказывания Владимира Путина относительно договора по ПРО. *Итар-Тасс*. 22 октября 2001.)

Россия и США получили возможность для развития принципиально новых отношений 4 октября помощник президента США по национальной безопасности Кондолиза Райс заявила на годовом собрании Американо-российского делового совета, что развитие отношений между Соединенными Штатами и Россией получило *новый импульс* после беспрецедентных терактов в американских городах. Она напомнила, что в день трагедии 11 сентября президент РФ Владимир Путин первым из зарубежных лидеров позвонил своему американскому коллеге Джорджу Бушу, чтобы выразить соболезнования и предложить помощь. По мнению г-жи Райс, это стало еще одним свидетельством окончания *холодной войны* и появления возможностей для развития принципиально новых отношений между двумя странами.

«Россия стала одним из первых и наиболее активных участников антитеррористической коалиции», – продолжила помощник президента, выразив уверенность в том, что Вашингтон и Москва будут активно сотрудничать в борьбе с общей угрозой. При этом Кондолиза Райс отметила, что «разные страны, безусловно, внесут различный вклад в войну с терроризмом, которая будет идти на многих фронтах». Некоторые из них сконцентрируют внимание на военных аспектах кампании, хотя не менее важным будет обмен разведывательной информацией и блокирование каналов финансовой подпитки террористов. «Это – именно те области, в которых мы надеемся широко сотрудничать с Россией», – сказала г-жа Райс.

Она также сообщила, что США стремятся развивать взаимодействие с Москвой по

другим проблемам безопасности, включая «нарастающую угрозу от баллистических ракет и возможность распространения оружия массового уничтожения». «Думаю, что дискуссии по этим вопросам получат новый импульс», – заявила советник президента. «В то же время, – подчеркнула она, – США хотели бы, чтобы диалог с Россией не ограничивался только темой стратегической стабильности, а носил гораздо более широкий характер». По ее словам, экономика, торговля, инвестиции могут стать главной составляющей «совершенно иных в своей основе отношений» между двумя странами.

Г-жа Райс подчеркнула, что надежда на установление именно таких отношений появилась после встреч президентов России и США в Любляне и Генуе, где они обсуждали возможность расширения областей сотрудничества в период после *холодной войны*. С того времени они стремятся обновить повестку дня отношений между США и РФ, сказала она, а события 11 сентября придали этому новый импульс. (Иван Лебедев. Развитие отношений между США и Россией получило *новый импульс* после 11 сентября, заявила Кондолиза Райс. *Итар-Тасс*. 4 октября 2001.)

Помощник президента США по национальной безопасности Кондолиза Райс высказалась за развитие широкого сотрудничества с Россией и заявила, что со временем РФ может стать одним из главных экономических центров в мире наряду с Соединенными Штатами, Западной Европой и Японией. Однако, отметила она, выступая 3 октября на годовом собрании Американо-российского делового совета в Вашингтоне, для достижения этой цели правительству страны предстоит выполнить три основные задачи.

По мнению г-жи Райс, *во-первых*, Россия должна своими силами создать благоприятный климат для экономической деятельности и притока иностранных инвестиций. *Во-вторых*, ей следует развивать современные отрасли промышленного производства и технологии, а не полагаться лишь на разработку богатых природных ресурсов. Кроме того, российские власти должны продолжить укрепление демократии во всех регионах страны, обеспечивая защиту прав человека и поддерживая независимые СМИ.

Подчеркнув, что администрация Джорджа Буша намерена поддерживать «реалистичные» отношения с Россией, помощник президента указала не только на области совпадения

интересов двух стран, но и на сохраняющиеся между ними разногласия. К числу последних относятся проблемы ПРО, расширения НАТО, нераспространения ракетных и ядерных технологий, ситуация в Чечне.

В то же время она выразила уверенность в том, что Вашингтон и Москва смогут установить «новые стратегические отношения», и отметила, что их общая повестка дня гораздо шире, чем вопросы СНВ и ПРО. В связи с этим, обращаясь к представителям американских и российских деловых кругов, она поддержала развитие торговых и экономических связей между двумя странами. «Мы должны изучать, что мы можем сделать вместе, поскольку это хорошо не только для России, но и для всего мира», – сказала Кондолиза Райс. (Иван Лебедев. Кондолиза Райс считает, что со временем Россия может стать одним из главных экономических центров в мире наряду с США, Европой и Японией. *Итаp-Тасс*. 4 октября 2001.)

Россия выводит военные базы с Кубы и из Вьетнама

17 октября, подводя итоги совещанию в Минобороны, президент России заявил, что принято решение о выводе российского военного контингента с базы *Камрань* во Вьетнаме. Министерству обороны поручено с 1 января 2002 года приступить к реализации этого решения.

Кроме того, Владимир Путин сообщил, что принято решение о выводе российского радиоэлектронного центра, расположенного в местечке Лурдес на Кубе.

По словам президента России, вывод военного контингента с базы *Камрань* во Вьетнаме и радиоэлектронного центра на Кубе «разумеется, не означает снижение уровня взаимодействия» России с этими странами. Как подчеркнул г-н Путин, Россия всегда выступала и далее будет выступать за полное снятие экономической блокады с Кубы.

Говоря о базе *Камрань*, глава государства отметил, что у России с Вьетнамом активно развивается экономическое сотрудничество. Что же касается планов коммерциализации базы *Камрань*, то ее вполне в состоянии провести сами вьетнамцы, сказал Владимир Путин.

Он сообщил, что кубинское правительство поставлено в известность о планах по выводу радиоэлектронного центра из Лурдеса.

Начальник Генерального штаба ВС России Анатолий **Квашнин** заявил журналистам после совещания, что сэкономленные от вывода двух российских военных объектов средства могут быть направлены на военное оснащение Вооруженных сил современной военной техникой.

По данным генерала, аренда радиоэлектронного центра на Кубе составляет порядка 200 млн долл. в год. На эти деньги, отметил г-н Квашнин, можно приобрести 20 разведывательных и информационных спутников, а также закупить примерно 100 современных РЛС.

Расходы на базу *Камрань* во Вьетнаме сопоставимы с содержанием атомной подводной лодки с современным оборудованием, отметил Анатолий Квашнин.

Генерал заверил, что вывод упомянутых военных объектов не отразится на уровне обороноспособности России.

Говоря о радиоэлектронном центре на Кубе, начальник Генштаба напомнил, что построенный в 1964 году центр «успешно решал задачи по обеспечению обороноспособности страны в период *холодной войны*». Сегодня, продолжил он, в мире изменилась обстановка, а, кроме того, в развитии военной техники произошли «качественные скачки». Деятельность центра «компенсируется возможностями других средств», – отметил Анатолий Квашнин. (Владимир Путин объявляет о выводе двух российских военных объектов из Вьетнама и Кубы. РИА *Новости*. 17 октября 2001.)

Официальный представитель МИД РФ Александр **Яковенко** отметил, что Россия приветствует заявление президента США Джорджа Буша о том, что закрытие радиоэлектронного центра на Кубе является еще одним свидетельством окончания *холодной войны*.

Г-н Яковенко заявил, что характер угроз, с которыми сталкивается мировое сообщество меняется, и необходимы совместные усилия для их устранения.

Александр Яковенко также сказал, что в ответ на вывод РЛС с Кубы Россия ожидает встречных шагов со стороны США. В частности, у России «есть серьезные вопросы в отношении станции в Варде (Норвегия)». (Ответ официального представителя МИД

России Александра Яковенко на вопрос российских СМИ в связи с высказываниями президента США Джорджа Буша по поводу объявления о выводе российского радиоэлектронного центра из Лурдеса (Куба). *Департамент информации и печати МИД РФ*. 18 октября 2001.)

Взаимное сдерживание сохранится в ближайшем будущем

Взаимное сдерживание России и США и соглашения, которые его кодифицируют, должны оставаться важным фактором российско-американских отношений в ближайшем будущем. Ни США, ни Россия окончательно не отказались от ядерного оружия, что требовалось бы для отказа от сдерживания.

Несмотря на планируемые значительные сокращения, оставшиеся ядерные арсеналы России и США все еще будут более чем достаточны для уничтожения противоположной стороны. Принцип взаимно гарантированного уничтожения совсем не теряет своего смысла.

Ядерное сдерживание является функцией взаимоотношений двух государств, которые являются потенциальными врагами. Для того чтобы можно было говорить о том, что принцип ядерного сдерживания действительно устарел, необходимо, чтобы российско-американские отношения стали похожими на взаимоотношения между США и Великобританией, что не случится ранее, чем через несколько десятилетий.

В ближайшем же будущем Россия и США будут оставаться потенциальными противниками, что подтверждается заявлениями Владимира Путина о том, что в ответ на развал договора по ПРО Россия будет вынуждена увеличить свою ядерную мощь.

США может выбирать, что делать для предотвращения ядерной атаки со стороны России: либо разместить систему ПРО, способную перехватить любое количество ракет, что невозможно в ближайшие десятилетия; либо сохранить возможность нанести неприемлемый ущерб в ответ на ядерную атаку России, что является единственным реальным вариантом в ближайшее время. Это означает сохранение взаимного сдерживания.

Поддержание взаимного сдерживания подразумевает сохранение системы

кодифицирующих его соглашений. Сдерживание без договоров, в особенности без возможности верификации возможностей друг друга, значительно менее надежно. (Robert S. McNamara, Thomas Graham Jr. Nuclear Arm Still Keep the Peace. *New York Times*. 15 July 2001.)

Карл Левин: односторонний выход из договора по ПРО недопустим

22 октября председатель сенатского комитета по делам вооруженных сил Конгресса США Карл Левин (демократ от штата Мичиган) высказал мнение, что Соединенным Штатам следует переходить от политики сдерживания к созданию ПРО, если это отвечает требованиям времени, но осуществлять данный процесс они должны вместе с Россией.

«Если мы не будем этого делать совместно, мы можем создать для себя очень опасную ситуацию», – заявил он, выступая перед представителями Американского еврейского конгресса.

По мнению сенатора, в случае одностороннего выхода США из договора по ПРО, Россия может остановить процесс сокращения своего ядерного арсенала и даже перейти к его наращиванию в качестве контрмеры против создаваемой американской системы ПРО. Аналогичным образом, сказал он, на такой шаг Вашингтона может отреагировать и Пекин.

По мнению Карла Левина, односторонний выход Вашингтона из договора по ПРО не будет способствовать укреплению безопасности США. Он также выразил надежду на то, что к приезду в США президента России Владимира Путина в ноябре между двумя странами будет достигнут прогресс по поводу модификации договора по ПРО. Но даже если этого не произойдет, сказал г-н Левин, администрации следует воздержаться от односторонних шагов в данной области, по крайней мере до тех пор, пока не будет уверенности в том, что такие действия укрепят, а не ослабят безопасность страны.

«У нас гораздо больше шансов ожидать от России желательных для нас действий, если мы ей не угрожаем, если мы можем что-то совместно разработать с Россией, если мы поймем, что наша безопасность в определенной степени зависит от их чувства безопасности, что мы не можем действовать в одиночку, идет ли речь о борьбе с

терроризмом или о ядерном оружии», – заявил сенатор.

«Если мы в одностороннем порядке пойдем на слом договора по контролю над вооружениями, именуемом договор по ПРО, если мы его не модифицируем и разрушим, мы тем самым значительно осложним для себя отношения с Россией, обеспечивающие нам безопасность в такой же степени, как и им», – подчеркнул председатель сенатского комитета по делам вооруженных сил. (Сергей Хаботин. США должны совместно с Россией переходить от политики сдерживания к новой системе безопасности, считает представитель американского сената. *Итаp-Тасс*. 23 октября 2001.)

Между Россией и США сохраняются серьезные противоречия в области ПРО

23 октября газета *Washington Post* приводит мнение представителя американской администрации, попросившего не упоминать его имени в печати, что Соединенные Штаты сейчас «ближе, чем когда-либо на протяжении длительного времени», к объявлению об одностороннем выходе из договора по ПРО от 1972 года. Положения договора по ПРО, который, по мнению России, остается основной системы стратегической стабильности в мире, противоречат планам Вашингтона по созданию национальной системы ПРО.

По мнению представителя администрации, несмотря на заявления о прогрессе, достигнутом по вопросам ПРО и сокращения ядерных арсеналов, президенты США и РФ Джордж Буш и Владимир Путин по-прежнему разделены серьезными противоречиями.

В соответствии с договором по ПРО, о выходе из соглашения сторона обязана уведомить своего партнера за шесть месяцев. Несмотря на то, что г-н Буш не называл президенту России конкретной даты выхода Вашингтона из договора, «он дал понять, что это произойдет», возможно, уже в январе 2002 года, заявил представитель администрации. «Речь идет об очень коротком периоде времени, в течение которого мы либо добьемся прогресса, либо выйдем из договора», – отметил он.

Отсутствие продвижения на консультациях между Москвой и Вашингтоном, по его мнению, связано с непониманием российской стороной того, что Джордж Буш уже принял решение относительно создания системы ПРО.

В то же время, считает американский представитель, администрация США также осложнила ход этих встреч, не приняв решения о том, в какой мере она намерена сократить американский арсенал ядерных боеголовок.

Джордж Буш в ходе совместной с Владимиром Путиным пресс-конференции в Шанхае, где проходил саммит АТЭС, заявил, что США не планируют в этом году заявлять России о намерении выйти в одностороннем порядке из договора по ПРО. Г-н Буш вновь подчеркнул, что, по его мнению, договор по ПРО устарел. (США сейчас «ближе, чем когда-либо» к одностороннему выходу из договора по ПРО, заявил представитель администрации Буша. *Итаp-Тасс*. 23 октября 2001.)

На Алтае возобновилось уничтожение шахтных пусковых установок

После длительного перерыва на Алтае вновь началась ликвидация шахтных пусковых установок (ШПУ), где размещались межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) с ядерными боеголовками. Как сообщили **24 октября** в администрации края, перерыв в работе по уничтожению ШПУ был связан с согласованием вопроса рекультивации (восстановления) земель на местах уничтоженных пусковых установок.

Побывавшие на Алтае представители Росавиакосмоса и Минобороны РФ урегулировали спорные вопросы, и ликвидационные работы возобновились. Эти работы проводятся в несколько этапов: подрыв стартовых площадок, экологическое обследование, разрушение сооружений, разборка металлоконструкций и рекультивация земель.

В Центре организации реализации договоров Ракетных войск стратегического назначения в Москве пояснили, что из тридцати установок уже уничтожены 27, осталось ликвидировать еще три ракетных шахты. Утилизация МБР РС-20 с разделяющимися головными частями индивидуального наведения и подрыв ШПУ осуществляются в рамках Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1). Этот договор, вступивший в силу в декабре 1994 года, предписывает сократить суммарное число развернутых МБР, баллистических ракет на подводных лодках и тяжелых бомбардировщиках до уровня не более 1600 единиц и не более 6000 единиц боезарядов.

Подрыв пусковых установок начался 2 ноября 2000 года. Планируется завершить эти работы к 5 декабря 2001 года. Рекультивация земель на 12 ликвидированных шахтах предусмотрена в 2001 году, на остальных – до 1 ноября 2002 года. В соответствии с договором, у России в итоге должно остаться не более 154 ШПУ МБР РС-20. (Валентин Павлов. На Алтае возобновилось уничтожение шахтных пусковых установок, где размещались межконтинентальные баллистические ракеты. *Итар-Тасс*. 24 октября 2001.)

- **Экспорт и экспортный контроль**

В Москве завершились российско-иранские переговоры

Россия в четко установленные сроки ведет строительство атомной станции в Иране. В ноябре 2001 года будет доставлен реактор первого блока. Как рассказали в министерстве РФ по атомной энергии, в начале 2002 года в Иран прибудет все основное оборудование первого блока АЭС. К настоящему времени из России уже поставлено в Бушер 80% необходимого реакторного оборудования. Уникальность этого объекта в том, что проектирование ведется параллельно со строительством. Общей сметной стоимости не существует, расчеты ведутся на каждый объект станции. Строительство блока должно завершиться в 2003 году. Однако это не означает начала эксплуатации. Еще около полугодия потребуются на загрузку топливом, пробные пуски. Сейчас в Бушере трудятся более одной тысячи российских специалистов. В планах Минатома РФ – переговоры о строительстве новых блоков АЭС в Бушере. Возможно обсуждение этого вопроса произойдет еще в этом году. (Анна Баженова. В ноябре 2001 года Россия поставит в Иран реактор первого блока атомной станции в Бушере, сообщили в Минатоме РФ. *Итар-Тасс*. 2 октября 2001.)

2 октября министры обороны России и Ирана Сергей **Иванов** и Али **Шамхани** по поручению правительств стран подписали соглашение о военно-техническом сотрудничестве.

Как подчеркнул в беседе с журналистами Сергей Иванов, соглашение «не является секретным, соответствует всем нормам международного права, всем стандартам, и практически идентично тем соглашениям, которые Россия имеет с другими странами».

Г-н Иванов напомнил, что принципиальная договоренность о подписании такого соглашения достигнута в марте 2001 года во время визита президента Ирана **Хатами** в Москву.

Министр обороны Ирана Али **Шамхани** высоко оценил достигнутое соглашение. Он подчеркнул, что оно не направлено против третьих стран, а содействует «укреплению мира, стратегической стабильности в регионе, а также сотрудничеству в других областях». (Ольга Семенова. Министры обороны России и Ирана подписали соглашение о военно-техническом сотрудничестве. РИА *Новости*. 2 октября 2001.)

Иран намерен оборудовать ирано-афганскую границу протяженностью 800 км российской системой охраны. Вопрос о возможной поставке такой системы будет затронут в ходе переговоров главы военного ведомства Ирана адмирала Али **Шамхани** с российскими официальными лицами. Об этом 2 октября сообщил представитель оборонно-промышленного комплекса. По его словам, система охраны границы фигурирует в общем пакете тех оборонительных видов вооружения и военной техники, в которых заинтересована иранская сторона и которые разрешены к экспорту.

По данным военно-дипломатического источника, иранское руководство полагает, что развертывание российской системы охраны границы позволит перекрыть канал транспортировки наркотиков из Афганистана и предотвратить потери иранских пограничников, пытающихся блокировать маршруты вооруженных наркоторговцев. Для принятия окончательного решения по выбору системы охраны Тегеран планирует сначала закупить в России два специальных стационарных комплекса защиты и развернуть их на участке границы протяженностью 40 км. Однако этому намерению иранского руководства препятствуют определенные силы в меджлисе, заинтересованные в том, чтобы ирано-афганская граница оставалась открытой, отметил источник.

Как стало известно от представителя Минатома России, на предприятиях которого производят системы охраны границы, экспортные варианты подобных систем намереваются приобрести Индия и еще ряд стран. Поэтому в ближайшие три–пять лет мощности по их производству могут быть полностью загружены. (Николай Новичков.

Иран намерен приобрести российскую систему охраны для защиты ирано-афганской границы. *Итар-Тасс*. 2 октября 2001.)

- **Международное сотрудничество**

Техническая помощь освобождается от таможенных сборов

11 сентября были подписаны распоряжения Государственного таможенного комитета России, в соответствии с которыми товары, ввозимые в соответствии с определенными контрактами Минатомом РФ для СНПО *Элерон* и ПО *Маяк* на основании «Соглашения между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки относительно безопасных и надежных перевозки, хранения и уничтожения оружия и предотвращения распространения оружия» от 17 июня 1992 года и протокола к нему от 15 и 16 июня 1999 года, освобождаются от взимания таможенных сборов за таможенное оформление.

Также предписывается обеспечить осуществление таможенного контроля за использованием ввозимых товаров в целях, в связи с которыми предоставлена льгота по уплате таможенных платежей, а при обнаружении использования товаров в иных целях требовать уплаты условно начисленных сумм таможенных платежей и выполнения иных требований, установленных таможенным законодательством Российской Федерации, а также обеспечить в случае неуплаты взыскание указанных сумм в бесспорном порядке. (Об освобождении товаров, ввозимых Минатомом России для СНПО *Элерон*, от таможенных сборов за таможенное оформление; Об освобождении товаров, ввозимых Минатомом России для ПО *Маяк*, от таможенных сборов за таможенное оформление. Информационное агентство *Интегрум*. 11 сентября 2001.)

- **ОМУ-терроризм**

Россия поддерживает резолюцию ООН о борьбе с терроризмом

28 сентября Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию 1373 о борьбе с международным терроризмом. Это решение призвано придать дополнительный мощный импульс наращиванию многостороннего сотрудничества в противодействии террористической угрозе при центральной координирующей роли ООН.

Резолюция, развивая ранее принятые Советом Безопасности ООН антитеррористические решения, сфокусирована на комплексном пресечении внешней подпитки международного терроризма. Предусматривается широкий набор конкретных мер на национальном, региональном и международном уровнях, выполнение которых обязательно для всех государств. В случае их несоблюдения, Совет Безопасности ООН может ввести санкции против нарушителей. Это связано с тем, что Совет Безопасности квалифицировал акты международного терроризма как угрозу международному миру и безопасности.

Среди зафиксированных в резолюции 1373 практических мер особую важность имеют, в частности: запрет на финансирование террористических действий; объявление преступной любой деятельности, связанной со сбором средств на территории любого государства с целью поддержки терроризма; требование к государствам положить конец любой деятельности по вербовке террористов и их вооружению; усиление мер пограничного контроля для пресечения незаконного проникновения террористов; обмен информацией и сотрудничество между всеми государствами по вопросам координации борьбы с терроризмом; скорейшее присоединение всех государств к действующим международным конвенциям ООН по борьбе с терроризмом и их полное осуществление.

По инициативе России Совет Безопасности выразил озабоченность тесной связью международного терроризма с транснациональной организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, отмыванием денег, а также незаконной торговлей оружием, ядерными, химическими, биологическими и другими потенциально смертоносными материалами.

Принципиально важно, что Совет Безопасности ООН будет надежно контролировать осуществление данной резолюции с помощью создаваемого специального комитета. Тем самым вновь подтверждается главная ответственность Совета Безопасности в соответствии с Уставом ООН за поддержание международного мира и безопасности. Принятие резолюции 1373 имеет большую важность не только в практическом, но и в политическом отношении. Это решение укрепляет политико-правовую основу формирования широкой

международной антитеррористической коалиции, призванной решительно противодействовать этому острейшему глобальному вызову с опорой на Устав ООН и общепризнанные нормы международного права. Россия, непосредственно сталкиваясь с угрозой терроризма, продолжит вносить активный практический вклад в наращивание и повышение эффективности международного антитеррористического сотрудничества под эгидой ООН. (Заявление МИД России в связи с принятием Советом Безопасности ООН резолюции 1373 о борьбе с международным терроризмом. *Департамент информации и печати МИД РФ*. 29 сентября 2001.)

Генеральный секретарь ООН поддерживает инициативу России

Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан дал высокую оценку выдвинутому Российской Федерацией предложению по разработке в рамках ООН Конвенции по борьбе с ядерным терроризмом. Генеральный секретарь ООН выступил 11 октября в ходе телеконференции, организованной по прошествии месяца со дня кровавых террористических актов в США, и ответил на вопросы американской общественности о роли Объединенных Наций в деле борьбы с международным терроризмом. Говоря об инициативе России, он указал, что она «особенно актуальна сейчас, когда мировое сообщество должно приложить все усилия, чтобы оружие массового уничтожения не попало в руки террористов».

В настоящее время выдвинутый российской делегацией на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН проект Конвенции по борьбе с ядерным терроризмом активно обсуждается представителями государств-членов Объединенных Наций, отметил генеральный секретарь. «Я думаю, что происшедшие 11 сентября террористические акты подтолкнули международное сообщество сделать все возможное, чтобы оружие массового уничтожения не могло быть использовано террористами», – сказал он.

Вместе с тем г-н Аннан напомнил, что в ООН уже существует двенадцать конвенций по борьбе с терроризмом. По его мнению, очень важно, чтобы все государства как можно скорее подписали и ратифицировали эти, а также другие международные документы, гарантирующие нераспространение в мире оружия массового уничтожения, включая Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). (Вадим Полищук. Мировому сообществу необходимо

ускорить работу над российским проектом Конвенции по борьбе с ядерным терроризмом, заявил Генсек ООН. *Итаp-Тасс*. 12 октября 2001.)

• Утилизация ядерных материалов

Пауза в российско-американских переговорах

9 октября министр РФ по атомной энергии Александр Румянцев сообщил, что Минатому РФ пришлось сделать *политическую паузу* в переговорах с США по ввозу в Россию зарубежного облученного ядерного топлива (ОЯТ) из-за «последних трагических событий». Но в дальнейшем эти переговоры будут обязательно возобновлены.

По его словам, Россия может рассчитывать на заключение контрактов на переработку и хранение зарубежного ОЯТ через полтора-два года. «За этот рынок надо биться, так как он сверхприбыльный – себестоимость проекта составляет не более 10%», – подчеркнул г-н Румянцев.

Министр сказал, что переговоры будут вестись в первую очередь с США, так как 70% мирового объема ОЯТ имеет американское происхождение, и без разрешения США не может перевозиться в другие страны. Тем не менее Минатом возлагает большие надежды на прием ОЯТ также из стран Европы и Тихоокеанского региона.

По мнению Александра Румянцева, изменения в российском законодательстве позволили поддержать отечественного товаропроизводителя и «легализовать строительство Россией АЭС в Китае и Иране», куда будет поставляться свежее топливо и забираться облученное. (Вероника Воскобойникова. Минатому РФ пришлось сделать *политическую паузу* в переговорах с США по ввозу в Россию облученного ядерного топлива. *Итаp-Тасс*. 9 октября 2001.)

«Минатом пока не начинал переговоры с США о ввозе в Россию ОЯТ», – заявил начальник управления Минатома по связям с общественностью Николай Шенгирев. Как разъяснил г-н Шенгирев, сейчас проводить переговоры с поставщиками ОЯТ нельзя, даже несмотря на подписанный президентом закон, – не готовы подзаконные акты, которые определяют условия сделок. Все официальные контакты с американцами по этому поводу ограничились тем, что в феврале 2001 года госдепартамент США прислал в российский

МИД ноту. Госдепартамент выразил обеспокоенность планами Минатома перерабатывать ОЯТ, 70% мировых запасов которого принадлежат США. Вашингтон тогда заявил, что разрешит импортировать принадлежащие ему ОЯТ в Россию только в том случае, если Москва прекратит строительство атомных станций в Иране и Китае.

Но переговоры с американцами Александр Румянцев вел, и на этой неделе действительно прервал. Только договаривался он не об импорте ОЯТ, а об утилизации оружейного плутония.

В сентябре 2000 года российский премьер Михаил **Касьянов** и вице-президент США Альберт **Гор** подписали соглашение об утилизации оружейного плутония – по 34 т в каждой стране. Условия этого соглашения таковы: США не просто утилизируют свой плутоний за семь миллиардов долларов, но и заплатит России за утилизацию ее плутония 200 млн долл. Кроме того, Вашингтон обещал найти Минатому два миллиарда долларов для этого проекта. Переговоры о получении этих двух миллиардов долларов Александр Румянцев и проводил все последнее время. Однако американцы давать деньги на переработку русского плутония передумали. А заодно после террористических атак 11 сентября отказались уничтожать и собственные боеголовки. Их можно понять: США пока не до разоруженческих инициатив. Можно понять и г-на Румянцева – ему ничего не оставалось, как только объявить, что он сделал *политическую паузу* в переговорах с США. (Петр Нетреба. Ядерный перерыв. *Коммерсант*. 11 октября 2001.)

• СФЗУК ЯМ

Николай Патрушев: охрана объектов ядерного комплекса усилена

В спецслужбах России вполне серьезно отнеслись к обещанию Шамиля **Басаева** «устроить России новый Чернобыль». По словам директора ФСБ Николая **Патрушева**, «в рамках проводимой операции *Вихрь-Антитеррор* усилена охрана всех объектов ядерного комплекса». Но особое внимание – АЭС.

Почему именно им? Ведь в стране гораздо больше хранилищ с атомными бомбами, ядерными зарядами к ракетам. Ветеран подразделений особого риска Сергей **Алексеев** пояснил, что военные склады

боеприпасов с *ядерной начинкой* еще со времен Лаврентия Берии укрыты в специальных казематах. Они построены на века и могут выдержать даже попадание ядерной бомбы мощностью в 40 кт. К тому же все эти особо важные объекты не только тщательно охраняются на земле, но и прикрыты надежной системой противовоздушной обороны. А вот ПВО АЭС никто толком раньше не занимался. В зону заражения может превратиться весь юг России. Потому что под особым прицелом смертников-ваххабитов Ростовская атомная электростанция – самая ближняя к Чечне.

Она строится с 1979 года. Но лишь недавно в Волгодонске запустили первую очередь. Естественно, на новой, да еще строящейся АЭС всегда больше проблем с охраной, чем на уже давно действующей. Поэтому Федеральная комиссия по антитеррору именно в Волгодонске решила провести заключительный этап оперативно-тактических учений *Атом-2001*. Состоялись они 12 сентября, на второй день после американской трагедии.

Специалисты из министерства по атомной энергии в беседах со мной уверяли: наши АЭС террористам не по зубам. Да к тому же у боевиков нет пилотов, способных управлять большими пассажирскими лайнерами.

Другое мнение у работников спецслужб. Офицеры спецназа рассказывали, что в тайниках боевиков не раз находили не только оружие и ваххабитскую литературу, но и компьютерные дискеты. А в них – подробные инструкции по управлению самолетом. По некоторым данным, среди наемников с Ближнего Востока, воюющих в Чечне, есть люди, закончившие на Западе школы пилотов. Нельзя также сбрасывать со счетов и летчиков – друзей Джохара Дудаева. Погибший президент Ичкерии, создавая свою авиацию, смог собрать в Грозном несколько десятков пилотов. Среди них могут найтись фанатики-смертники.

Офицеры антитеррористических подразделений опасаются комбинированных ударов по Ростовской АЭС. Атаку с воздуха могут поддержать с земли.

По оперативной информации, к такому рейду уже идет самая активная подготовка. Так, только за две недели из Турции через грузинский погранпост *Вале* семь грузовиков совершили четыре рейса со взрывчаткой,

якобы для угольных разрезов Грузии. Но до места груз не дошел.

К повторению трагедии в Чернобыле террористы готовят не только взрывчатку, но и весьма необычные средства доставки. Например, в Аргуне были арестованы три сварщика из Курчалоя. Именно они занимались подготовкой *машин смерти*. В кузове обычных грузовиков устанавливались наклонные плоскости со стороны кабины. На них помещались двухсотлитровые бочки с взрывчаткой и горючей смесью. При лобовом столкновении с препятствием они по инерции выбрасываются на 25–30 м по ходу движения машины и взрываются. И таких ноу-хау довольно много.

Поэтому сейчас спецслужбы, что называется, *стоят на ушах*. Конечно, и раньше АЭС сторожили не бабушки с берданками, а особый *атомный спецназ*.

Первый заместитель министра по атомной энергии Валентин **Иванов** успокаивает: мол ядерный реактор так защищен, что способен выдержать и падение на него самолета, и землетрясение любой силы. А против диверсантов есть многослойное кольцо охраны и обороны. За последнее время эту систему не раз проверяли специалисты антитеррористического центра ФСБ РФ. Так, бойцы знаменитой спецгруппы *Вымпел* на учениях имитировали самые изощренные действия предполагаемых террористов. Однако даже спецназовцы высшей квалификации, которые раньше в рамках своих тренировок все же умудрялись проникать на атомную электростанцию, на этот раз были схвачены на самых дальних подступах к АЭС.

Но успокаиваться не надо. Самое опасное – это недооценивать врага. Когда и где следует ожидать новой вылазки террористов? Все это игра в ядерную рулетку. (Александр Кондрашов. *Живые бомбы* для АЭС. *Аргументы и Факты*. 10 октября 2001.)

Введены дополнительные меры безопасности на строительстве АЭС в Бушере

9 октября министр РФ по атомной энергии Александр **Румянцев** заявил, что Минатом России ввел дополнительные меры безопасности на площадке строящейся в Бушере (Иран) атомной станции в связи с началом военных действий в Афганистане. Однако сооружение станции приостанавливать пока не планируется.

По его словам, Россия выполняет свои контрактные обязательства перед Ираном, и сейчас на объекте работает более 1000 российских специалистов. «Только если возникнет угроза для людей, если очаг военных действий расширится, нам придется отозвать специалистов и внести изменения в контракт, попросив у Ирана отсрочку», – подчеркнул г-н Румянцев. Министр считает, что нынешние меры безопасности в Бушере – охрана конструкций и материалов – достаточны.

По мнению министра, в Бушере, а также на уже действующих АЭС отечественной конструкции совершение терактов практически исключено. «Конструкция выстоит, даже если на блок упадет самолет», – сказал он. Впрочем системы безопасности будут и дальше совершенствоваться. (Вероника Воскобойникова. Минатом России ввел дополнительные меры безопасности на площадке строящейся в Бушере атомной станции в связи с началом военных действий в Афганистане. *Итаp-Тасс*. 9 октября 2001.)

11 октября министр по атомной энергии России Александр Румянцев сообщил, что в связи с обострением международной обстановки, эвакуация российских специалистов-атомщиков, занятых сооружением в Иране атомной электростанции, пока не планируется.

Г-н Румянцев одновременно сообщил, что усилена охрана атомных электростанций, построенных российскими специалистами за рубежом. Это: две атомные станции в Пакистане, три – в Индии, три – в Китае. Повышена также охрана атомных центров в Ташкенте, в Алма-Ате.

«В России все 10 работающих АЭС круглосуточно охраняются войсками МВД, внутренней охраной и используются новейшие физические приборы и охранные системы в зоне расположения этих станций», – сказал Александр Румянцев. (Эдуард Пузырев. Россия пока не планирует эвакуировать российских специалистов-атомщиков, занятых сооружением в Иране атомной электростанции. *РИА Новости*. 11 октября 2001.)

• **ЗАТО**

Российские ЗАТО адаптируются к рынку
Правительством РФ в сентябре утверждены «Программы развития ЗАТО на 2001-2004

годы», которые являются одним из гарантов экономической стабильности *секретных* городов. Их администрации и Минатом России крайне заинтересованы в том, чтобы в ЗАТО реализовывались краткосрочные и долгосрочные программы развития, которые были бы прогнозируемы. Именно такой путь выделения средств на развитие этих городов из федерального бюджета через ежегодные целевые программы социально-экономического развития наиболее эффективен и контролируем со стороны федеральных органов исполнительной власти. Однако средств, выделяемых из федерального бюджета на финансирование этих программ, явно недостаточно. В нынешнем году они должны составить только 613 млн руб., а в будущем и того меньше – 313,3. Всего же, по подсчетам специалистов, ежегодно из различных бюджетов *секретным* городам нужно три–семь миллиардов рублей.

Ключом к решению проблемы является поддержка муниципальной инфраструктуры, обеспечивающей работу градообразующих предприятий, развитие новых технологий и создание рабочих мест в ЗАТО. Именно возможность успешного решения этих задач может привести к созданию бездотационного местного бюджета. На недавнем совещании в одном из них – городе Трехгорный в Челябинской области – министр РФ по атомной энергии Александр Румянцев предложил один из таких проектов: в короткое время создать новые концепции борьбы с терроризмом. Реализация этого и других масштабных международных проектов, консолидация всей деятельности министерства под флагом *Атомпрома* – нового механизма хозяйствования, который бы двигал оборонный, энергетический потенциал, науку и производства, позволит отрасли развиваться эффективно. Но все ли эти проекты дойдут до каждого ЗАТО?

Ждать льгот, дотаций и помощи сверху по нынешним временам дело неблагоприятное. Хотя ЗАТО и адаптировались к рынку, но, по мнению губернатора Челябинской области Петра Сумина, *секретные* города нуждаются не только в реструктуризации ядерного оружейного комплекса (ЯОК), но и в переоснащении производств. Их база физически, морально устарела, и даже конверсионные программы не дают должного экономического эффекта. А гособоронзаказ, от которого зависят модернизация производств, продолжение фундаментальных научных исследований, развитие эффективных

гражданских технологий, постоянно сокращается. Правда, в последнее время возвращены многие долги, но по-прежнему не налажены текущие платежи. Использование кредитов коммерческих банков разорительно. По процентным ставкам теряются десятки миллионов рублей.

Как считает директор федерального ядерного центра ВНИИЭФ Радий Ильяев, лучшее вложение даже небольших средств – полноценные рабочие места на саморазвивающихся производствах. По его наблюдениям, каждое из них в течение нескольких лет обойдется в сумму около 30 тыс. долл. И центру это удастся. Идет научно-техническая работа с *Газпромом*, запущено производство перфораторов и искусственных алмазов.

Еще более энергично развивается Трехгорный. Совсем недавно мало кто в городе разделял затею его мэра Николая Лубенца создать горнолыжный комплекс международного класса *Завьялиха*. А сегодня нет сомнений, что это – перспективный проект, как, впрочем, и другие, рассчитанные на конкретную нишу на рынке, могут принести немалый доход. Такие прорывы среди ЗАТО не исключение, но и правилом они еще не стали.

И сегодня главное открытие глав ЗАТО таково: прибыльные производства, быстро создающие новый продукт от идеи до готового изделия. Чтобы помочь этому процессу, по мнению депутата Госдумы РФ прошлого созыва, президента Центра законодательной поддержки промышленности Степана Сулакшина, нужна корректировка закона о ЗАТО, которая позволит развиваться *секретным* городам более динамично, изменит взаимоотношения местного и федерального бюджетов, повысит социальную защиту населения.

Словом, несмотря на несовершенство законодательства, ЗАТО, интегрируя науку и производство, находят возможность развивать новые технологии. И становятся для всей страны примером того, как в нынешних условиях нужно строить региональную экономическую политику, создавая уникальный рыночный продукт.

Секрет этого в общем довольно прост. Вот как этот секрет формулирует глава администрации Трехгорного, президент Ассоциации ЗАТО Минатома Николай Лубенец: «Необходимо было как можно быстрее освоиться на рынке.

При этом решили, что будем поддерживать только передовые технологии. Основным критерий – осваивать то, что необходимо стране завтра, и то, чего нет сегодня в России, что поставляется по импорту. Мы понимали: если это сделаем, то тогда решим основную задачу по завоеванию рынка». (Владимир Дерновой. Демарш *секретных* городов. *Век*. 12 октября 2001.)

Начата реализация совместного проекта ЭМЗ *Авангард* и американской фирмы *Fresenius*

Одним из важнейших проектов, намеченных к реализации на ЭМЗ *Авангард*, является создание совместного производства расходных материалов для диализа. В России отсутствуют производства кровопроводящих магистралей для гемодиализа и пакетов с раствором для перитониального диализа, в то время как количество нуждающихся в проведении подобных процедур растет с каждым годом.

На пути создания совместного производства имеется ряд сложностей, связанных с необходимостью значительного финансирования и особыми режимными условиями нашего города. Тем не менее, в сентябре в Москве состоялась встреча представителей фирмы *Fresenius* и ЭМЗ *Авангард*, на которой были рассмотрены основные рабочие моменты по созданию совместного предприятия *ФРЕСАР*. Были подписаны основные документы: устав, учредительный договор и другие. Определена последовательность совместных действий.

В настоящее время проводится демонтаж оборудования здания, предназначенного для создания нового производства. Ведутся работы по устройству выгородки. Прорабатываются технологические схемы размещения необходимого оборудования. Предстоит приложить много усилий, с тем чтобы, используя американскую техническую помощь, долевым вкладом фирмы *Fresenius*, сделать замыслы реальностью. Выпуск первой продукции совместного производства намечен на начало 2003 года. (*Городской Курьер* (г. Саров). 11 октября 2001.)

• **Ядерная энергетика**

На севере России планируется сооружать малые атомные электростанции

11 октября первый заместитель министра атомной энергии России Булат **Нигматулин** выступил в Москве на международной

конференции по проблемам развития малой атомной энергетики.

Он сообщил, что в 33 населенных пунктах северных районов страны планируется соорудить атомные тепловые энергоцентрали, которые в этих северных широтах обеспечат население эффективным снабжением тепла и электричества. Соответствующий проект рассчитан до 2010 года.

Г-н Нигматулин подчеркнул, что развитие этого вида энергетики остается единственно эффективным и рентабельным для районов Крайнего Севера. По его словам, доставка туда органического топлива и строительство там теплостанций на основе органического топлива малоэффективны.

«Мы планируем построить там атомные станции малой мощности различных видов – или в виде водных (плавающих), или в виде небольших реакторов, которые устанавливаются на атомных подводных лодках или на ледоколах», – заявил Булат Нигматулин.

Так, по его словам, с 2006 по 2010 годы будет построена плавучая теплоэнергостанция в Северодвинске.

Г-н Нигматулин отметил, что безопасность работы таких станций велика. Это, по его словам, подтверждает пример атомной подводной лодки *Курск*: потерпевшая катастрофу и значительные разрушения первых секций субмарина сохранила в рабочем состоянии свой атомный реактор, причем радиоактивность вокруг него не превысила нормы и естественных фоновых значений. (Эдуард Пузырев. В 33 населенных пунктах северных районов страны планируется соорудить атомные тепловые энергоцентрали. *РИА Новости*. 11 октября 2001.)

Сооружение АЭС в Башкирии возобновится в 2004 году

С 1990 года на бюджете Башкирии висит город Агидель – спутник не построенной Башкирской АЭС проектной мощностью четыре миллиона киловатт. 11 лет назад, под нажимом общественности, Верховный Совет Башкирской АССР постановил: прекратить сооружение станции. Правда, 490 млн долл. было уже *закопано в землю*. Теперь их *выкопают*.

Времена радиофобии, похоже, проходят. В 1998 году Госсобрание Башкирии признало

утратившим силу постановление своего предшественника. За это время Агидель вполне мог превратиться в город-призрак. Но в 1996 году здесь была создана зона экономического благоприятствования. А потерявшие основной объект строители все 11 лет хватались за любую работу: восстановление сгоревшего цеха двигателей на КамАЗе, производство железобетонных конструкций, мебели, даже пошив постельного белья.

В результате удалось сохранить инфраструктуру Агидели и стройбазу Башкирской АЭС. Республике же предоставление налоговых льгот обошлось в пять миллионов долларов. Теперь власти Башкирии рассчитывают на то, что город лет через 10 с лихвой вернет предоставленные в тяжелое время льготы. А Башкирская АЭС – закроет топливно-энергетический баланс республики, который становится дефицитным. И обеспечит промышленное производство, которое уже начало расти: в 2000 году с темпом в шесть процентов, в 2001 году – в девять процентов.

В 2010 году потребность в электроэнергии удвоится. Пока республика закрывает дефицит, выбивая ежегодно из Москвы 15 млрд кубометров дешевого природного газа. Но стоимость этого экологичного топлива будет неуклонно расти. А добыча нефти в Поволжье постепенно падает: если сейчас она составляет 11 млн т, то в 2010 году республика получит не более 5 млн т. Такие аргументы приводит вице-премьер Башкирии Мидхат **Шакиров**, бывший директор строительства атомной электростанции.

Ее сооружение возобновится в 2004 году. До этого времени необходимо провести дополнительные исследования на площадке АЭС и разработать массу документов, главное – получить лицензию на строительство. Наибольшие сложности может вызвать федеральная экологическая экспертиза. Однако г-н Шакиров надеется на то, что Москву убедят аргументы проектантов. *Мосатомэнергопроект* предлагает современный реактор, вероятность аварии на котором в 100 раз ниже по сравнению с нереализованным проектом. А в руководстве республики *зеленых* больше нет, да и настрой населения – благоприятный, заявляет премьер-министр Башкирии Рафаэль **Байдавлетов**.

Правда, уже заложенная на первом энергоблоке фундаментная плита не подходит под реактор нового проекта, хотя номинальная

мощность блока остается прежней – один миллион киловатт. Поэтому предлагается реакторы сместить на одну позицию, благо места хватает, а на фундаментной плите прежнего первого энергоблока разместить вспомогательные корпуса. Да и пруд-охладитель, на дне которого уже выросли деревья, скорее всего, не будет заполнен водой. Проектанты предлагают заменить его, впервые в практике сооружения отечественных атомных станций, градирнями. Они позволят уйти от влияния незаполненного Нижнекамского водохранилища, уровень которого сейчас на 10 м ниже проектной отметки пруда-охладителя, на огромную фильтрацию из последнего. Для компенсации этой фильтрации – закачки воды потребовалась бы чуть ли не половина мощности одного энергоблока.

На 2002 год концерн *Росэнергоатом* после обсуждения ситуации на месте решил выделить Башкирской АЭС из своих доходов 600 млн руб. (если эту сумму утвердит Федеральная энергетическая комиссия). Президент концерна Эрик **Поздышев** призвал проектантов искать самые экономичные решения, чтобы АЭС могла конкурировать со станциями на органическом топливе. *Мосатомэнергопроект* обещал уложиться в 700 долл. за киловатт, с учетом уже вложенных средств. Первый блок намечено ввести в 2010 году. (Михаил Классон. Башкирия ставит на атом. *Время-МН*. 9 октября 2001.)

ИЗ ДОСЬЕ ПО ОБЫЧНЫМ ВООРУЖЕНИЯМ

Крупный оборонный холдинг сокращает спектр производимой продукции

Холдинг *Новые программы и концепции* (НПК) продал акции завода ЛОМО (г. Санкт-Петербург) и ОАО Завод им. Дегтярева – предприятий, участвующих в технологической цепочке производства зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) *Игла*. Хотя, согласно заявлениям представителей холдинга, НПК и дальше собирается участвовать в производстве ЗРК, по неофициальной информации, его руководство собирается сосредоточить усилия на судостроительных проектах.

АО ЛОМО – старейшее российское оптическое предприятие. Производит перископы и астрокорректоры для субмарин, зенитные и танковые прицелы, малогабаритные блоки самонаведения для ПЗРК и артиллерийских снарядов, медицинскую технику, спектральную

аппаратуру, приборы ночного видения, телескопы.

Холдинг *Новые программы и концепции* объединяет завод *Северная верфь*, Ковровский механический завод, Московский радиотехнический завод, Завод им. В. Дегтярева (г. Ковров), ЛОМО и Северо-Западное пароходство, в которое входят семь портов, три судостроительных и судоремонтных завода.

НПК был создан в 1998 году холдинговой компанией *Интеррос*. Тогда же ему были переданы некоторые интерросовские активы, в том числе и 20% акций ЛОМО. К тому моменту *Интеррос* фактически не занимался ЛОМО, контрольный пакет акций которого находился у структур менеджеров предприятия. Их положение на заводе еще более упрочилось после того, как экс-гендиректор ЛОМО Илья **Клебанов** получил должность вице-премьера.

Презентуя создаваемую компанию, ее глава и совладелец Борис **Кузык** объявил, что намерен построить законченную технологическую цепочку по производству и продаже ПЗРК *Игла*. Для этого у холдинга имелись необходимые активы. ЛОМО изготавливал для используемых в комплексе ракет самонаводящиеся головки, контрольно-измерительные приборы делал Ковровский механический завод, финальную сборку осуществлял Завод им. Дегтярева, а проектантом выступало ГУП *Конструкторское бюро машиностроения* в Коломне, с которым НПК подписал договор о долгосрочном сотрудничестве.

Однако не так давно акции ЛОМО были проданы. Председатель совета директоров ЛОМО Александр **Аронов** отказался назвать имена новых акционеров компании, но сообщил, что среди них нет иностранцев или *русских олигархов*. «Это средний русский капитал, дружественный основным акционерам компании», – сказал он. Как рассказал *Коммерсанту* один из управленцев ЛОМО, пожелавший остаться неизвестным, поскольку не имел права разглашать подобную информацию, акции от НПК перешли к фирмам, контролируемым менеджерами завода.

Почти одновременно с акциями ЛОМО холдинг НПК избавился и от доли в Заводе им. Дегтярева. Про эту сделку пока не распространяется вообще никакой информации. По предположениям фондовых

аналитиков, акции могла купить *Группа МДМ*, проявляющая последнее время интерес к *атомным* активам (завод выпускает помимо *Иглы* оборудование для АЭС). В самой группе наличие подобной сделки опровергают, хотя эксперты группы и подтверждают факт продажи НПК акций завода.

Сброс активов может означать, что НПК планирует сузить поле деятельности, сосредоточившись на одном-двух направлениях. Очевидно, в первую очередь это будут судостроительные проекты. Именно под них последнее время брались кредиты. А г-н Кузык даже объявил во время церемонии закладки теплохода *Святитель Алексей*, что не исключает возможности погашения зарубежных долгов России путем поставок на экспорт судов типа *река-море*. (Елена Коннова. НПК слезает с *Иглы*. *Коммерсант*. 12 октября 2001.)

ИЗ ДОСЬЕ ПО ХИМИЧЕСКОМУ И БИОЛОГИЧЕСКОМУ ОРУЖИЮ

Правительство России одобрило проект соглашения о сотрудничестве в области химического разоружения

27 октября правительство Российской Федерации приняло постановление «О подписании Соглашения между правительством Российской Федерации и правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии об оказании Великобританией содействия в выполнении Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении в Российской Федерации».

В частности, правительство постановило принять предложение Российского агентства по боеприпасам, согласованное с МИД России и другими заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, о подписании соглашения, а также одобрить проект данного соглашения, который был предварительно согласован с Великобританией.

Российскому агентству по боеприпасам поручается провести совместно с МИД России переговоры с Британской стороной и «по достижении договоренности подписать от имени правительства Российской Федерации указанное соглашение, разрешив вносить в прилагаемый проект изменения и дополнения, не имеющие принципиального характера». (*Пресс-центр Правительства Российской Федерации*. 31 октября 2001.)

- **Пакистан**

Ядерное оружие в Пакистане – предмет обеспокоенности мирового сообщества

Исламабад окончательно встал на сторону США в предстоящей битве с терроризмом. Пакистан назвал убедительными представленными Вашингтоном доказательства причастности Усамы бен Ладена к атакам на Америку, а американский Сенат отменил практически все санкции против Пакистана.

Сделанный президентом Первезом Мушаррафом выбор грозит ему непредсказуемыми последствиями у себя дома, ведь значительная часть 140-миллионного населения симпатизируют не американцам, а талибам-единоверцам и для многих – соплеменникам. В Белом Доме прекрасно понимают, что может произойти, если г-н Мушарраф не удержит ситуацию под контролем и его свергнут мусульманские радикалы. Ведь вместе с властью они получают ядерное оружие. Как сообщается, в Вашингтоне прошло несколько совещаний, посвященных тому, как планируемая операция может повлиять на ядерную программу Пакистана и безопасность ее объектов.

Собственные ядерные разработки – предмет особой гордости Исламабада. В 1974 году, когда Индия – заклятый враг – испытала первое ядерное устройство, тогдашний премьер Пакистана Зульфикар Али Бхутто поклялся: «Мы будем есть траву, но сделаем свою бомбу». Военная и мирная ядерные программы стартовали одновременно и поначалу опирались на внешнюю помощь. Технологию обогащения урана отец пакистанской бомбы Ахмад Кадыр Хан выкрал в середине семидесятых годов на немецком заводе, входящем в консорциум *Urenco*, где проходил стажировку. Запад смотрел на развитие ядерной энергетики Пакистана сквозь пальцы – Исламабад был союзником на фронтах *холодной войны*. Более 70 только немецких фирм в нарушение законов поставляли компоненты для реализации программы. Первая пакистанская АЭС в Карачи была построена канадцами, вторая, в Чашме, обязана своим появлением на свет китайцам (на АЭС стоит китайский реактор, персонал прошел подготовку в Поднебесной). Не обошлось и без США: с началом советской военной операции в Афганистане Вашингтон ежегодно выделял

Исламабаду значительные средства, которые тот тратил и на *военный атом*, – чуть ли не до 600 млн долл. в год. О том, что фонды были освоены эффективно, мир узнал в мае 1998 года, когда кабинет Наваза Шарифа ответил на индийские ядерные испытания пятью своими.

Впрочем, вопрос о существовании в Пакистане готового ядерного заряда остается открытым. «Взорвать на полигоне можно что угодно, – полагает эксперт Российского института стратегических исследований, автор книги по военной ядерной программе Пакистана Владимир Новиков. – А боеголовка ракеты – это жесткие требования по размерам и весу. Уверенности, что пакистанские ракеты им удовлетворяют, нет. В любом случае, прежде чем ставить ракеты на боевое дежурство, их надо испытать. Даже у США были проблемы с ядерными боеголовками на крылатых ракетах».

По словам эксперта, возможность захвата пакистанских ядерных объектов экстремистами незначительна. «Все необходимые технические средства физической защиты там стоят. Вокруг таких объектов, как правило, дислоцированы элитные части, защищающие периметр. В случае нарушения они сначала стреляют, а потом разбираются. Так что представить себе прямую атаку трудно».

Заговор с участием сочувствующих демонстрантам военных тоже маловероятен. «Конечно, там есть офицеры, настроенные происламски. Но военные в Пакистане – это особая каста. Их труд хорошо оплачивается, военное образование многие получили на Западе, и это не могло не сказаться. Не могу представить себе их военных, которые хотели бы променять свои условия жизни на те, в которых живут талибы. Если все же начнется гражданская война, которую не сможет подавить даже армия, военные скорее сами демонтируют готовые боеголовки. Так в свое время сделала ЮАР: там разобрали шесть готовых зарядов, испугавшись прихода к власти черного большинства. В любом случае контроль над ядерными боеприпасами пакистанские военные не упустят».

Гораздо более серьезная угроза – случайный запуск ракеты. Для предотвращения этого ядерные боевые части обычно отстыкованы от

ракет. Чтобы пристыковать их, нужен приказ высшего руководства. Тем не менее, после испытаний Пакистан предлагал западным ядерным державам оборудовать ядерные ракеты Исламабада и Дели системой защиты электронным ключом ПАЛ. Она позволяет не допускать боевой взвод ракеты, то есть даже если ракета взлетит, ядерная боеголовка не взорвется. «Часть специалистов относилась к этой идее положительно, но последовал отказ: согласно Договору о нераспространении ядерного оружия передача такой информации третьим странам запрещена», – говорит г-н Новиков. Западные страны и сейчас не хотели бы принимать меры, которые могут тем или иным образом способствовать совершенствованию или легитимизации *не признанной* мировым сообществом ядерной программы. Тем более что сам Исламабад помощи и не просит. Как заявил официальный представитель президента Первеза Мушаррафа, вопрос ядерной безопасности – это пакистанская проблема, и никто другой ее решить не может. Правда, когда эта проблема станет не только пакистанской, решать ее будет уже поздно.

Пакистану удалось создать современную ядерную инфраструктуру, включающую в себя практически все звенья замкнутого ядерного топливного цикла и позволяющую производить ядерные устройства.

В Дера-Гази-Хане залегают месторождения урановой руды, из которой производят урановый концентрат. Из концентрата на расположенном здесь же заводе производится гексафторид урана – ключевой элемент ядерной программы. Именно это сырье потом обогащают, чтобы получить уран оружейного качества. На завод в Дера-Гази-Хане не распространяются гарантии МАГАТЭ.

Производство оружейного урана происходит на уранообогащительном заводе в исследовательском центре в Кахуте – этот объект также не инспектируется МАГАТЭ. Первая линия завода была пущена в 1984 году, ее мощности достаточно для наработки примерно 15 кг оружейного урана в год. Считается, что этого количества хватит для производства одного ядерного устройства. Сборка ядерных боеприпасов скорее всего происходит здесь же, в Кахуте.

Как полагают многие специалисты, в своей военной ядерной программе Пакистан пошел именно по этому – урановому – пути. Тем не

менее возможно, что Исламабад обладает и плутониевым устройством.

Технология наработки оружейного плутония значительно сложнее. Из концентрата урана, получаемого в Дера-Гази-Хане, производится топливо для ядерного реактора *Кхушаб* – именно на этом объекте вырабатывают плутоний-239. Для его создания требуется еще один компонент – тяжелая вода, которая производится на заводе в Мултане. Через один–два года после получения плутония-239 уровень его радиоактивности падает настолько, что с ним можно работать дальше: его направляют на регенерационное производство в Чашме. Там из материала получают плутоний оружейного качества. Реактор в Кхушабе и завод в Мултане не находятся под гарантиями МАГАТЭ. Сборка плутониевых боезарядов, считают специалисты, может опять же происходить в Кахуте.

Наконец, еще одним критическим элементом ядерной инфраструктуры Пакистана является институт ядерных технологий (ПИНСТЕХ) в Равалпинди. Здесь функционирует небольшой исследовательский реактор, проводят научно-исследовательские разработки, готовят специалистов для работы над ядерной программой. (Евгений Антонов. Ядерную кнопку – талибам? *Время Новостей*. 8 октября 2001.)

• США

Военные в США оценивают возможность наличия у террористов оружия массового уничтожения

12 октября на брифинге в Пентагоне высокопоставленный сотрудник министерства обороны США, просивший не называть его имени в печати, заявил, что террористы из организации *Аль-Каида* обладают примитивным химическим и, возможно, биологическим оружием.

Представитель оборонного ведомства указал, что в части химического оружия террористы, вероятно, обладают отравляющими газами, такими, как хлор и фосген. Однако, по его данным, террористы не обладают такими веществами, как зарин. Из биологического оружия у *Аль-Каиды*, вероятно, имеются токсины. Вместе с тем представитель Пентагона не исключил и того, что *Аль-Каида* может иметь и бациллы сибирской язвы.

Источник также выразил мнение, что *Аль-Кауда* может обладать радиологическим оружием, но не имеет ядерного. «При использовании радиологического оружия взрыва не происходит, ущерб наносится только радиацией», – пояснил он.

Вместе с тем представитель Пентагона подчеркнул, что у *Аль-Кауды* нет современных высокотехнологичных систем доставки оружия. Однако, по его словам, террористы могут прибегнуть к нестандартным методам, в частности, использовать сельскохозяйственную авиацию или ручные распылители.

Сотрудник оборонного ведомства США также считает, что террористы могут использовать и такие пути, как направление на борт пассажирского самолета человека, зараженного вирусом, например, оспы. В этом случае к моменту приземления авиалайнера все его пассажиры уже будут заражены опасным заболеванием. (Кирилл Глебов. В министерстве обороны США считают, что террористы *Аль-Кауды* обладают примитивным химическим и, возможно, биологическим оружием. РИА *Новости*. 13 октября 2001.)

США определяют угрозы национальной безопасности

Американские военные определились с друзьями, врагами и угрозами на ближайшие четыре года. В только что вышедшем докладе Пентагона главной задачей вооруженных сил названа защита территории США от неожиданных нападений, подобных терактам 11 сентября. Хотя документ был в спешном порядке подправлен и дополнен в свете последних событий, из него явно следует, что революции в восприятии мира американскими генералами не случилось. И хотя будущий противник США по имени не назван, намек на Китай вполне прозрачен.

По словам министра обороны Дональда **Рамсфелда**, эпохе «ложной экономии» пришел конец, ибо в свете сентябрьской трагедии у нации появилась «новая перспектива в вопросе о том, сколько страна может потратить на свою оборону». Соответственно, кардинальных изменений и сокращений, о возможности которых много говорили еще летом, в армии не будет. Напротив, военные собираются просить увеличить ассигнования на закупку новых вооружений с нынешних 60 до 100–110 млрд долл. в год.

Пентагоновцы пришли к выводу, что в Европе (кроме Балкан) воцарился мир, в условиях которого страны Центральной Европы все больше интегрируются с Западом в политике и экономике. По поводу России в разделе «Текущие геополитические тенденции» сказано мало и двусмысленно. *С одной стороны*, признана возможность сотрудничества. Ведь, как полагают в Пентагоне, Москва разделяет озабоченность США уязвимостью перед баллистическими ракетами региональных агрессоров (это те, кого еще недавно именовали странами-изгоями), а также опасностью случайного или несанкционированного использования стратегического оружия и международным терроризмом. «Но в то же время Россия преследует ряд политических целей, противоречащих интересам США».

Последнюю фразу можно толковать по-разному. Получается, что бурное антитеррористическое сближение Москвы и Вашингтона так и не смогло перевести Кремль в категорию друзей Белого Дома. Хорошо, однако, уже то, что точки взаимопонимания между Россией и США в стратегической сфере прописаны в документе подробно, а расхождения – нет. Это делает упрек в адрес Москвы абстрактным и расплывчатым. Приглушенно звучит и самая горячая тема недавнего прошлого – национальная ПРО США. Американские военные от развертывания не отказываются, но и не выставляют ПРО в качестве главного инструмента обеспечения безопасности страны.

ПРО фигурирует всего лишь как одна из составляющих системы защиты, не превосходящая по важности, например, разведку.

В программном предисловии г-на Рамсфелда подчеркивается: «Мы не можем и не будем знать точно, где и когда интересы Америки будут под угрозой, когда Америка будет атакована, или когда американцы погибнут в результате агрессии. Мы можем знать тенденции, но не события». Из этого вытекает главная задача – наращивание разведывательного потенциала и подготовка армии к враждебным сюрпризам неопределенного свойства. Если раньше в основе военного планирования лежал «учет угрозы» со стороны конкретного потенциального противника, то теперь его сменит «учет возможностей» некоего

среднестатистического противника, которым может оказаться кто угодно.

Хотя конкретный противник в документе не указан, достаточно четко обозначена часть света, откуда вероятнее всего будут исходить угрозы Америке. Это Азия, точнее – «прибрежный регион, простирающийся от юга Японии через Австралию до Бенгальского залива». США не ожидают, что где-либо в мире возникнет равный им по силам конкурент, однако Пентагон признает возможность появления именно в азиатском регионе «военного соперника с мощной ресурсной базой». Нетрудно догадаться, что это прямой намек на Китай. Половинчатый

ответ Пекина на призыв США подключиться к борьбе с терроризмом, судя по всему, только подтвердил уверенность Джорджа Буша в том, что КНР не партнер, а соперник Америки. Исходя из этого, Пентагон планирует усилить присутствие в западной части Тихого океана своих авианосных групп, разместить там дополнительно три–четыре корабля основных классов и подлодки с крылатыми ракетами. На ВВС возложена задача создания еще более развитой структуры снабжения и обслуживания от Тихого океана до Персидского залива. (Александр Ломанов. Имя его неизвестно. *Время Новостей*. 3 октября 2001.)

ДУМА И КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

В данном разделе собраны материалы, освещающие работу парламента в указанной области за сентябрь–октябрь 2001 года. Основными источниками информации являются средства массовой информации, пресс-служба Государственной Думы, собственные источники

Алексей Арбатов: поддержка НПРО в США возрастет

18 сентября на пресс-конференции заместитель председателя комитета Госдумы по обороне Алексей Арбатов высказал мнение, что после терактов в США поддержка планов по созданию системы национальной противоракетной обороны (НПРО) внутри страны возрастет. По его словам, теракты в Вашингтоне и Нью-Йорке показали, что терроризм вышел на качественно новый уровень. Существует вполне реальная угроза, что в руках террористов окажутся баллистические ракеты и оружие массового уничтожения (ОМУ).

Кроме того, отметил г-н Арбатов, в ходе акции возмездия США и их возможные союзники будут наносить удары не по международному терроризму в целом, а по конкретным странам, а многие из этих стран также стремятся к обладанию ОМУ и ракетными технологиями. Таким образом, указал парламентарий, США необходим инструмент для предотвращения угрозы.

Алексей Арбатов подчеркнул, что трагические события в США могут привести к изменению направления программы по созданию НПРО. В частности, если ранее угроза со стороны стран-изгоев рассматривались скорее как предлог для развертывания системы, реальной же целью был Китай, а в последствии, возможно, и Россия, то теперь программа по созданию НПРО будет сосредоточена именно

на странах, которые оказывают поддержку террористам. (Российский парламентарий считает, что после терактов в США поддержка планов по созданию НПРО внутри страны возрастет. РИА *Новости*. 18 сентября 2001.)

Андрей Николаев: в ходе антитеррористической акции возможно применение ядерного оружия США

Прогнозируя возможные действия США по проведению акции возмездия, председатель комитета Государственной Думы по обороне Андрей Николаев сообщил, что «в основу ударов будет положено техническое превосходство США. Удары будут наноситься современным оружием по конкретным местам нахождения террористов и их пособников. Если и будут площадные удары, то по незначительным площадям. Нельзя исключать и того, что американцы применят ядерное оружие сверхмалой мощности».

По словам Андрея Николаева, наиболее значимыми последствиями военной акции США станут два аспекта. Первый аспект: гуманитарная катастрофа, «когда сотни тысяч, а то и миллионы людей, спасаясь, начнут переходить границы сопредельных государств. Если удар нанесут по Афганистану, то беженцы пойдут в Туркмению, Узбекистан, Таджикистан, Иран. Если удар нанесут по Алжиру, то тысячи беженцев могут оказаться в Европе, прежде всего в Испании, Франции и других странах». Что такое сотни тысяч людей

без работы, без крова, потерявших родину, – легко представить, отметил г-н Николаев. Второй аспект: месть. «Мусульманин, потерявший родственника, начинает мстить. Даже если один из тысячи возьмет оружие, то с учетом миллиарда арабов мы получим миллион боевиков. Причем живущих по всему миру. Только во Франции сегодня проживают около миллиона алжирцев. Кто просчитает этот вариант?», – отметил Андрей Николаев. (Председатель комитета Госдумы по обороне не исключает, что США применят по террористам ядерное оружие сверхмалой мощности. *Интерфакс-АВН*. 18 сентября 2001.)

Константин Косачев: мы растеряли стратегических союзников

Заместитель председателя комитета по международным делам Госдумы Константин Косачев в интервью газете *Век* прокомментировал ситуацию в мире после терактов в США.

ВЕК: После терактов в США геополитическая ситуация в мире изменилась. Каковы, на Ваш взгляд, последствия этого для России?

КОСАЧЕВ: Я убежден, что мир не вернется к тому состоянию, в котором он был до 11 сентября. И для России последствия перемен могут оказаться далеко не самыми лучшими. Дело в том, что в последние годы в политике США стала усиливаться тенденция к изоляционизму. Как никогда прежде, они опираются главным образом на собственные силы, не веря в возможности международного сотрудничества или игнорируя их, поэтому и нынешняя коалиция, по сути, таковой не является. Ведь США опять-таки делают ставку лишь на собственные силы, не очень считаясь со своими союзниками. Мне кажется, сейчас у американцев вновь появился соблазн поделить мир на две части: они и остальные. А это будет иметь для России негативные последствия. Американцы начнут решать только собственные проблемы, соотносясь только с собственными интересами. А мы окажемся в роли ведомой стороны, которая лишь наблюдает за тем, как организуется новый мировой порядок.

До сих пор американцы шли на полностью открытое сотрудничество только с теми государствами, которые готовы играть по их правилам и во всем с ними согласны. Такая стратегия подается как «сотрудничество в укреплении общепризнанных норм цивилизованного межгосударственного

общения». Есть и другие красивые термины, которыми обозначались, например, действия НАТО вокруг Югославии – *гуманитарная интервенция* и т.д. Европейцам ведь очень неприятно было наблюдать за тем, что происходит, но деваться им уже было некуда: трансатлантическая солидарность оказалась превыше национальных интересов. То же мы наблюдаем применительно к договору по ПРО: европейцы не могут явно выразить свое мнение, не схожее с мнением США. Нынешняя антитеррористическая коалиция может и должна состояться на новых принципах, но только если американцы будут вести дело к реальному сотрудничеству ее участников на равных, а не ограничиваться обеспечением поддержки своим действиям.

ВЕК: По-вашему, возможны ли другие центры силы, способные противостоять американскому диктату, например, Россия и Китай?

КОСАЧЕВ: *Во-первых*, я не говорю, что политика изоляционизма уже победила. Просто велика вероятность, что развитие событий пойдет по такому сценарию. *Во-вторых*, России сегодня нужно стремиться к нахождению точек соприкосновения с мировым общественным мнением, привлекать на свои позиции и европейские страны, и Японию, и Китай, чтобы вместе удержать США от соблазна самоизоляции. Но выстраивать какие-то комбинации силового характера с кем-либо против кого-либо пагубно для интересов глобальной стабильности. Нам предстоит совместно с США выстроить многоопорную систему безопасности. Альтернативы этому нет, если Россия не хочет оказаться на позициях второстепенной державы.

ВЕК: Остаются только дипломатические методы?

КОСАЧЕВ: И политические. Основная проблема России сегодня в том, что мы растеряли своих стратегических союзников, даже среди государств СНГ. Посмотрите, что сейчас происходит в наших отношениях с Грузией или с Узбекистаном, с Украиной или с Азербайджаном. Где здесь стратегическое партнерство с Россией? Все средства и силы надо направить на поиск таких союзников и установление с ними хороших отношений, в том числе через работу с соотечественниками в этих странах.

ВЕК: США наносят удары по Афганистану. Чем это может обернуться для нас?

КОСАЧЕВ: Силовая акция в Афганистане, которая задумывалась как антитеррористическая операция и именно поэтому была Россией поддержана, на глазах меняет характер. Мы с самого начала говорили, что ковровых бомбардировок быть не должно, потому что так терроризм не подавляют, а стимулируют. Убежден, что терроризм можно победить, только подрубив его корни, а это – расовая и религиозная нетерпимость, социальная несправедливость, отсутствие перспектив развития у стран и народов, не относящихся к так называемому *золотому миллиарду*, а также личные коммерческие интересы лидеров экстремистских организаций.

ВЕК: Не получится ли так, что, используя для удара возмездия аэродромы Узбекистана, американцы так и останутся в этой стране: НАТО зайдет с тыла?

КОСАЧЕВ: Есть риск, что США будут в комплексе решать ряд задач, чтобы закрепиться в той или иной точке земного шара или свергнуть тот или иной неудобный им режим.

ВЕК: Считаете ли вы, что по США возможны и другие удары?

КОСАЧЕВ: Мы не можем этого исключать. Пока не будут вырваны корни терроризма, ни США, ни другие страны не гарантированы от террористических актов, будь то действия камикадзе или распространение спор сибирской язвы. Единственный шанс справиться с подобными угрозами – создать глобальную систему безопасности. Например, всем странам надо бы договориться о создании в рамках ООН некоего антитеррористического объединения с обязательным, а не добровольным, как сейчас в ООН, членством. При этом должны быть четко очерчены критерии, по которым страну можно причислить к странам-изгоям. Например, если государство противопоставляет себя такому глобальному сотрудничеству и отказывается ликвидировать базы подготовки террористов на своей территории или выдавать самих террористов. В этом случае уместны и санкции ООН. Только тогда, я уверен, можно решить проблему борьбы с терроризмом. (Анна Владимировна. «Мы растеряли стратегических союзников». Век. 19 октября 2001.)

Депутаты Госдумы не поддерживают решение президента о выводе российских баз с Кубы и из Вьетнама

Решение президента России о выводе военных баз с Кубы и из Вьетнама вызвало оживленные комментарии российских парламентариев.

Игорь **Родионов**, член комитета по делам ветеранов, экс-министр обороны России (КПРФ): «Разведцентр на Кубе – объект оборонительного характера, благодаря которому Россия могла слушать эфир всего западного полушария и принимать адекватные внутри- и внешнеполитические решения, основанные на достоверной информации. Закрытие этого центра – очередной стратегический удар по безопасности России и ее союзников, совершенный собственными руками в интересах США и НАТО. Вообще с распадом СССР начался процесс односторонних уступок со стороны России: НАТО расширяется, а Варшавского Договора больше нет, свои войска из Восточной Европы мы вывели, НАТО, наоборот, обосновалось на Балканах, в Узбекистане. О диктаторском договоре СНВ-2 и говорить нечего. Сам механизм принятия такого рода решений неясен. А разговоры о 200 млн долл. чистой материальной выгоды не более чем уловка, попытка оправдать это очевидно невыгодное для России решение».

Виктор **Алкенис**, член комитета по делам федерации и региональной политики (*Российские Регионы*): «Решение о выводе нашего центра радиоэлектронной разведки с территории Кубы означает, что руководство США в рамках нынешней войны против терроризма хочет ликвидировать режим Кастро. Можно предположить, что после вывода нашего центра США объявят руководителей Кубы пособниками террористов, и дальше все пойдет по уже известному сценарию. Таким образом, последствия могут быть самые катастрофические. Геополитическое отступление России приняло тотальный характер. А широко растиражированная идея, что нынешний президент государственный патриот, не более чем миф. Он по своим убеждениям западник, и его главная цель – интегрировать Россию в мировое сообщество. А для этого необходимо избавиться от раздражающих факторов, таких, как, например, наши базы во Вьетнаме и на Кубе».

Андрей **Николаев**, председатель комитета по обороне (*Народный Депутат*): «Туда, откуда мы уходим, мы уже никогда не вернемся».

Экономический выигрыш от этого шага несопоставим с тем, что мы теряем, оставляя точки своего политического и военного присутствия. Радиоэлектронный разведцентр *Лурдес* на Кубе (я там был и знаю) дает информацию такого объема и качества, которую невозможно заменить никакими другими источниками, даже за счет увеличения орбитальных спутников. Состояние их плачевное, в том числе и по средствам разведки. Поэтому, на мой взгляд, вывод этой базы нанесет очень серьезный ущерб России. Наверное, у президента были веские причины так поступить».

Алексей **Арбатов**, заместитель председателя комитета по обороне (*Яблоко*): «Во Вьетнаме никаких последствий не будет. База в Камрани нам в принципе не нужна. Денег в свое время на развертывание советского флота в Индийском океане ушло несчитано, а эффекта никакого ни для политики, ни для безопасности нашей не дало. Базу по ненужности и из-за отсутствия ресурсов давно свернули, и на ближайшую перспективу мы не планируем развивать флот в этом регионе. Что касается объекта на Кубе, то сбор информации нужен всегда – и в условиях *холодной войны*, и в условиях мирного времени, и даже партнерства. Но тут встает вопрос чисто экономической, технической целесообразности содержания такого дорогостоящего объекта. Шесть миллиардов рублей улетает каждый год. На эти деньги можно, по словам начальника Генерального штаба Анатолия Квашнина, до 20 спутников разведки закупить. Геополитических позиций мы тоже не теряем. Теперь, когда *холодная война* ушла в прошлое, в геополитическом, геостратегическом плане Куба не представляет для нас никакой ценности. А США на Кубу не нападут, они дали соответствующие обязательства. Кроме того, если бы они решили это сделать, разведывательная станция им бы не помешала. (Светлана Михайлова, Виктор Хамраев. Что думают депутаты о решении президента. *Время Новостей*. 19 октября 2001.)

Виктор **Илюхин**, член комитета по безопасности (КПРФ): «Комитет по обороне должен проанализировать последствия закрытия двух российских объектов во Вьетнаме и на Кубе. По нашим оценкам, это нанесет колоссальный ущерб и в конечном итоге может привести к уходу России с политической арены».

Сергей **Юшенков**, член комитета по безопасности (СПС): «Предложение Виктора Илюхина совершенно не соответствует интересам России, – заметил он. – То, что сделал Владимир Путин – закрытие военной базы, действительно соответствует интересам России. И об этом вчера очень убедительно говорил начальник Генерального штаба Анатолий Квашнин». (Базовый вопрос. *Парламентская Газета*. 19 октября 2001.)

Депутаты Госдумы выступают за повышение расходов на оборону

19 октября в Государственной Думе было распространено обращение к депутатам по финансированию расходов на оборону и безопасность государства, подписанное председателями четырех комитетов: Андреем **Николаевым** (комитет по обороне), Александром **Гуровым** (комитет по безопасности), Виктором **Куликовым** (комитет по делам ветеранов) и Валерием **Сайкиным** (комитет по труду и социальной политике). Аналогичные письма были посланы также и всем лидерам депутатских объединений.

В документе отмечается нынешнее «критически низкое состояние и возможности Вооруженных сил и других войск по всем оценочным показателям». Эти негативные моменты, констатируют главы комитетов, приобретают все более опасный для государственных устоев характер, являясь не чем иным, «как расплатой за многолетнее непринятие и реализацию решений по приведению военной организации государства в соответствие с реальными угрозами». Причем в документе используется даже такая резкая формулировка, как «продолжающаяся деградация силового института государства».

Авторы обращения с сожалением замечают, что бюджетные расходы на следующий год, запланированные на оборону и безопасность, в доле ВВП ниже уровня не только 2001 года, но и 2000. «Проектом бюджета уже предопределено на 2002 год дальнейшее обострение социальной напряженности в войсках и в регионах с высокой концентрацией оборонной промышленности, – пишут авторы, – продолжение развала высокотехнического оборонного промышленного потенциала и, что не менее важно, продолжение дискредитации в обществе и в войсках военно-политического руководства страны».

Среди основных проблем бюджета-2002 авторы прежде всего отмечают лишение военнослужащих, военных пенсионеров и их семей положенных им по закону «О статусе

военнослужащих» статусных льгот и компенсаций. Особо затрагивается ситуация с объявленным «существенным повышением» доходов военных. Первый этап повышения запланирован с 1 июля 2002 года. Но уже с 1 января бюджет не предусматривает компенсации за подоходный налог. Впрочем, если она и будет введена, то попадет в налогооблагаемую базу. Это означает, что в течение первого полугодия военнослужащие станут получать гораздо меньше, чем сейчас. Кроме того, опять же в нарушение закона «О статусе военнослужащих», бюджетом-2002 установлена стоимость компенсации продпайка в 20 рублей, тогда как уже в нынешнем августе он стоил выше 40 рублей. Стоимость продпайка исключена и из расчета пенсий. «Абсурд, когда правительство во всеуслышание объявляет народу, что имеет большой профицит бюджета, и одновременно [...] отбирает льготы», – возмущаются руководители комитетов. Впрочем, не обеспечены финансированием и другие расходы, в частности по оргштатным мероприятиям, обеспеченности горюче-смазочными материалами, жильем и т.п.

В связи с этим, Верховный суд и Генпрокуратура по запросу комитета по обороне уже подтвердили «незаконность и социальную ущербность» подобных решений. В том числе и нарушение статей 55 и 2 Конституции о том, что не должны приниматься законы, отменяющие или ущемляющие права и свободы граждан.

В связи с этим, авторы документа настаивают на том, чтобы привести планируемые расходы на оборону и безопасность в соответствие с потребностями, а также начать повышение денежного содержания военнослужащих хотя бы с 1 декабря или с 1 января и не отменять для них льготы. В противном же случае, если эти требования не будут приняты во внимание, то четыре крупных комитета не станут поддерживать бюджет-2002 во втором чтении. «Мы не вправе допустить, чтобы в 2002 году личный состав ВС и других войск продолжал судиться с государством за свое материальное обеспечение», – отмечается в обращении. (Сергей Трусевич. Бюджет-2002. Караул устал... от безденежья. *Парламентская Газета*. 19 октября 2001.)

Законопроект, ужесточающий наказание за ядерную контрабанду, прошел первое чтение Госдума приняла в первом чтении правительственный законопроект, уточняющий ответственность за незаконные

действия в сфере внешнеэкономической деятельности. 17 октября палата внесла изменения в статьи 188 и 189 Уголовного кодекса РФ, которые расширяют круг предметов преступления за контрабанду, незаконную продажу иностранной организации сырья и материалов, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники.

Представляя законопроект коллегам, заместитель председателя думского комитета по законодательству Валерий **Воротников** отметил его особую актуальность в современных условиях борьбы с терроризмом. Он подчеркнул, что вносимые в Уголовный кодекс новые положения усиливают ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу РФ радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, а также любого вооружения и военной техники, которые могут быть использованы при создании ОМУ и средств его доставки.

Заместитель председателя комитета отметил, что в предлагаемых поправках состав преступления образует не только незаконный экспорт контролируемых технологий, научно-технической информации, но и незаконное выполнение работ или оказание услуг иностранной организации или ее представителю, которые могут быть использованы ими при создании вооружения и военной техники, где бы они ни оказывались.

Законопроект устанавливает также, сказал г-н Воротников, что незаконные экспорт или передача иностранной организации сырья и материалов, оборудования и технологий, которые могут быть использованы при создании ОМУ и средств его доставки, влекут наиболее строгое наказание. Было подчеркнуто, что законопроект не противоречит Конституции РФ и федеральным законам, он не повлечет дополнительных расходов из федерального бюджета. (Иван Новиков. Госдума приняла в первом чтении правительственный законопроект, уточняющий ответственность за незаконные действия в сфере внешнеэкономической деятельности. *Итар-Тасс*. 17 октября 2001.)

Сотрудничество МИД и Госдумы РФ

5 октября в министерстве иностранных дел России состоялось совместное заседание Коллегии МИД с членами комитета по международным делам Госдумы России. В центре внимания находились вопросы о

взаимодействии МИД и Государственной Думы в реализации внешнеполитической линии Российской Федерации на современном этапе.

На заседании было отмечено, что в условиях изменений, происходящих в России и на международной арене, важное значение имеет дальнейшее повышение эффективности международной деятельности Российской Федерации, совершенствование взаимодействия всех ветвей государственной власти во внешнеполитической сфере, поступательное развитие законодательной базы российской внешней политики. Все это должно способствовать в том числе закреплению максимально широкого согласия общественно-политических сил страны на общей внешнеполитической платформе, основывающейся на утвержденной президентом РФ концепции внешней политики.

Министр иностранных дел Игорь **Иванов** и председатель комитета по международным делам Госдумы Дмитрий **Рогозин**, другие выступавшие подчеркивали важность дальнейшего развития конструктивного сотрудничества Государственной Думы и министерства иностранных дел, нацеленного на продвижение российских национальных интересов на международной арене, защиту российских граждан и соотечественников за рубежом.

Особое внимание было уделено объединению усилий законодательной и исполнительной властей, направленных на противодействие современным угрозам и вызовам безопасности России, международной стабильности в целом. В первую очередь речь шла о последовательном продвижении на мировой арене российских подходов в борьбе с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, организованной преступностью.

Полностью сохраняет свою актуальность и ответственная линия России, направленная на сохранение и укрепление стратегической стабильности в мире. Многие еще предстоит сделать для содействия российскому бизнесу за рубежом.

Намечен ряд практических мер по совершенствованию сотрудничества МИД и Госдумы в международных делах. (О совместном заседании Коллегии МИД с членами комитета по международным делам Госдумы России. *Департамент информации и печати МИД РФ*. 6 октября 2001.)

Законопроект о создании специальной комиссии по вопросам ввоза облученного ядерного топлива в Россию подготовлен к рассмотрению

Комитет по промышленности, строительству и наукоемким технологиям Госдумы РФ подготовил к рассмотрению законопроект «О внесении дополнения в федеральный закон «Об использовании атомной энергии», внесенный президентом России.

Предлагается создать специальную комиссию, которая будет давать заключение на ввоз на территорию Российской Федерации облученных тепловыделяющих сборок зарубежного производства. На основании положительного заключения комиссии правительство будет принимать решение и определять порядок указанного ввоза.

Законопроект устанавливает состав образуемой президентом комиссии: председатель и 20 членов (по пять представителей президента, Совета Федерации, Государственной Думы и правительства).

Порядок представления предложений по кандидатурам представителей Совета Федерации и Госдумы определяется соответствующей палатой.

Законопроект обязывает специальную комиссию представлять президенту и палатам Федерального Собрания ежегодные доклады о положении дел с ввозом в РФ облученных тепловыделяющих сборок зарубежного производства. (*Думское Обозрение*. 21 сентября 2001.)

Закон «Об охране окружающей среды» прошел второе чтение

18 октября Государственная Дума РФ во втором чтении приняла проект закона «Об охране окружающей среды», определяющий правовые основы государственной политики в области экологии. За принятие такого решения проголосовало – 308 депутатов, против – 36, не голосовало – 106.

Документ регулирует отношения в сфере взаимодействия общества и природы, возникающие при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, которая связана с воздействием на окружающую среду. Законопроектом предусматривается, в частности, ответственность органов государственной власти и местного самоуправления за обеспечение благоприятной окружающей среды и экологическую

безопасность на соответствующий территориях, платность природопользования и компенсация вреда окружающей среде, презумпция экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности.

В связи с принятыми ранее Госдумой законами, которые разрешают ввоз в Россию для переработки и временного хранения облученного ядерного топлива (ОЯТ), в текст законопроекта внесены соответствующие дополнения. Некоторые депутаты призывали временно отложить включение в документ положений, разрешающих ввоз ОЯТ, учитывая обострение международной обстановки и рост угрозы ядерного терроризма, однако они остались в меньшинстве. (Людмила Александрова. Госдума приняла проект закона «Об охране окружающей среды» во втором чтении. *Итар-Тасс*. 18 октября 2001.)

Как заметил глава комитета по экологии Владимир **Грачев**, проект закона «Об охране окружающей среды» вызвал живейший интерес, и к нему поступило около 700 поправок. Более 90% из них были учтены и нашли свое отражение в тексте.

Уже при обсуждении повестки дня депутат от фракции *Яблоко* Сергей **Митрохин** предложил снять законопроект с рассмотрения. Поскольку, по мнению депутата, изменилась его концепция, и теперь документ разрешает ввоз в страну ОЯТ, против чего выступает *Яблоко*. Но его предложение не прошло. После этого г-н Митрохин предпринял попытку не допустить принятия ряда поправок, разрешающих ввоз ОЯТ. Однако председатель экологического комитета Владимир Грачев заметил, что данные поправки соответствуют тому закону, который одобрен палатами и подписан президентом, поэтому их надо принимать, что и было сделано парламентариями.

В свою очередь Сергей Митрохин заявил, что *Яблоко* теперь с еще большим упорством будет бороться за проведение всероссийского референдума по вопросу ввоза ОЯТ. (Природа обновилась. *Парламентская Газета*. 19 октября 2001.)

Ситуация вокруг *Конверсбанка* обсуждена в Госдуме

Комиссия Госдумы по банкротству, ликвидации и реструктуризации кредитных организаций направит в Банк России письмо с просьбой разъяснить причины нежелания Центробанка зарегистрировать результаты дополнительной эмиссии акций *Конверсбанка*.

По мнению депутатов, неопределенная позиция Центробанка привела к обострению конфликта вокруг опорного банка Минатома, за контроль над которым спорят *МДМ-банк* и отраслевые предприятия. Вторым адресатом комиссия выбрала Верховный суд: туда будет направлено предложение ограничить возможность приема заявлений акционеров-физических лиц судами по месту их жительства.

Борьба между новыми и старыми акционерами *Конверсбанка* идет несколько месяцев. Основной владелец *МДМ-банка* (более 75% акций) Андрей **Мельниченко** в декабре 2000 года стал председателем правления *Конверсбанка*. Оппозицию *МДМ* возглавил первый вице-президент концерна *ТВЭЛ* Виталий **Коновалов**, которого, как считают в *МДМ-банке*, поддерживает *Альфа-банк*, также обслуживающий финансовые потоки предприятий Минатома.

Структуры *МДМ-банка* выкупили блокирующий пакет акций *Конверсбанка* у предприятий Минатома и доэмиссию акций банка, получив в результате около 62% акций. Г-н Коновалов оспаривает эти действия. По его словам, в решении наблюдательного совета *Конверсбанка* о проведении доэмиссии (под структуры *МДМ*) было оговорено, что 51% акций банка останется у государственных унитарных предприятий, входящих в систему Минатома. Кроме того, передачу акций *Конверсбанка*, принадлежащих ГУП *Техснабэкспорт*, нельзя было осуществлять без разрешения Российского фонда федерального имущества.

Несмотря на намерение депутатов рассмотреть в конфликте вокруг *Конверсбанка* только позицию «федеральных органов государственной власти», о чем в самом начале заседания заявил председатель комиссии по банкротству банков Мартин **Шаккум**, удержаться в рамках заданной темы парламентарии не смогли. Одной из основных причин стало отсутствие представителя Центробанка, который, по мнению г-на Шаккума, мог предотвратить конфликт на его ранней стадии, но предпочел его не заметить.

Участники конфликта не смогли доказать свою правоту депутатам. Так, представитель адвокатской фирмы *Юстина* Виктор **Бурбин**, представляющий интересы группы государственных предприятий – акционеров *Конверсбанка*, не смог ответить на вопрос, какому закону противоречит приобретение аффилированными лицами *МДМ-банка* акций,

реализованных в ходе дополнительной эмиссии. Аргумент, что, принимая решение о проведении восьмой допэмиссии, акционеры хотели только привлечь дополнительные средства, а не отдавать контроль частным структурам, депутатов не убедил.

Гораздо более понятны им были доводы советника председателя правления *Конверсбанка* Анастасии **Федотовой**, сообщившей, что акции были куплены после отказа акционеров их приобрести и сейчас, в отсутствие регистрации эмиссии Центробанком, вырученные от продажи акций деньги (более одного миллиарда рублей) лежат на накопительном счете, а банк теряет 0,5 млн руб. в сутки.

Мартин Шаккум резюмировал, что эмиссия размещена, а Центробанк ее не регистрирует и не объясняет почему. Виновным был объявлен зампред Центробанка Владимир **Горюнов** – именно он подписал письмо, приостанавливающее размещение допэмиссии. Впрочем, Мартин Шаккум пообещал, что подготовит *мягкое* решение. В свою очередь Анастасия Федотова сообщила, что в конце октября банк собирается обратиться в суд с жалобой на Центробанк, если к тому времени эмиссия не будет зарегистрирована или не будет представлено аргументированного отказа. (Игорь Моисеев, Светлана Петрова. Депутаты требуют ответа от ЦБ. *Ведомости*. 19 октября 2001.)

Думская комиссия выступила на стороне *МДМ-банка*. «ЦБ должен как можно скорее принять решение относительно результатов допэмиссии, – заявил глава комиссии Мартин Шаккум по окончании заседания. – 18 июня ЦБ дал разрешение на проведение восьмой эмиссии акций, и ее размещение было закончено 2 августа. В соответствии с законодательством, ЦБ должен в течение 14 дней либо зарегистрировать результаты размещения эмиссии, либо дать отказ в регистрации, указав его причины. Однако

усилиями г-на Горюнова до сих пор не сделано ни то, ни другое. Я внимательно изучил все имеющиеся на сегодняшний день судебные решения относительно *Конверсбанка*, и среди них нет ни одного решения, которое бы обязывало ЦБ не регистрировать допэмиссию. В связи с этим мы намерены обратиться к Виктору Геращенко с требованием принять меры в отношении своего заместителя».

В пресс-службе *Альфа-банка* причастность к *серым* судебным технологиям опровергли. «Налицо тенденциозность группы депутатов, возглавляемой депутатом Шаккумом, – заявил руководитель пресс-службы банка Вадим **Юрко**. – К сожалению, он не удосужился пригласить на заседание комиссии нашего представителя. Представитель Минатома там оказался случайно, узнав об этом от своего друга-депутата. Я надеюсь, что не все депутаты разделяют позицию депутата Шаккума».

Владимир Горюнов не скрывал своего раздражения. «Господин Шаккум занимается не своим делом. Если он законодатель, то пусть занимается вопросами законодательной власти и не лезет в исполнительную, – заявил он. – Если его комиссия называется «по реструктуризации и банкротству», то хочу ему сообщить, что никакой реструктуризации или банкротства *Конверсбанка* не происходит, – идет обыкновенная тяжба между акционерами, до которой депутатам не должно быть никакого дела, – это исключительно проблема компетенции ЦБ. Если он не видит разницы между этими понятиями, то это его проблемы. Если он понимает разницу, но тем не менее лезет в это дело, значит он исполняет определенный заказ. Он доиграется, что на это ему будет указано с полной серьезностью. Так что пусть продолжает писать письма – это у нас пока еще не запрещено». (Виталий Буза. Банки донесли скандал до Думы. *Коммерсант*. 19 октября 2001.)

Полная электронная версия бюллетеня «Дума и контроль над вооружениями» находится в интернет-представительстве ПИР-Центра по адресу:
<http://www.pircenter.org/russian/publications/duma/index.htm>.

Бюллетень выпускается при содействии Фонда Плаушер. Для ежемесячного получения бюллетеня по электронной почте направляйте заявки Дмитрию Ковчегину по электронной почте **kovchegin@pircenter.org**.

Интервью**СЕРГЕЙ ЗАГИДУЛЛИН: «РОССИЙСКИЙ ЯДЕРНЫЙ КОМПЛЕКС И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

Сегодня проблема взаимоотношений Центра и субъектов Российской Федерации стала одной из актуальной и интересной, получив новый импульс в рамках президентской реформы укрепления вертикали власти в мае 2000 года.

Наибольший интерес во взаимоотношениях Центра и регионов вызывает такой вопрос, как ядерный фактор. При всех успехах нового президента Владимира Путина и его команды в деле ограничения влияния региональных элит и региональных интересов на федеральные процессы, а также сужения свободы маневра региональных элит в экономических вопросах местного значения, окончательного перелома в данной сфере не наступило.

Своими соображениями по поводу ядерной безопасности в региональном разрезе поделится заместитель председателя комитета Государственной Думы РФ по международным делам Сергей Загидуллин в беседе с корреспондентом журнала Ядерный Контроль Марсалиной Цыренжаповой.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Во взаимоотношениях Центра и субъектов Российской Федерации всегда были какие-то проблемы, связанные с неясной ответственностью, за исключением ряда вопросов, прямо или косвенно связанных с ядерной безопасностью. Не могли бы Вы выделить основные проблемы.

ЗАГИДУЛЛИН: Действительно, во взаимоотношениях Центра и регионов имели место некоторые проблемы. Однако эти проблемы были связаны не с оборотом ядерных материалов или с компонентами ядерного оружия. В данном случае контроль над ситуацией со стороны федеральных властей оставался довольно жестким. А большая часть заявлений относительно кардинального снижения уровня ядерной безопасности и прямой угрозы ядерного терроризма оказывалась либо дезинформацией, либо основывалась на реальной информации, которая раздувалась и неправомерно обобщалась. Это, в частности, касается и вопроса о хищениях ядерных материалов, и постановки некоторыми радикально-националистическими движениями вопроса о контроле властями национальных автономий над ядерной инфраструктурой.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Можно ли констатировать, что ядерный фактор в отношениях Центра и субъектов Федерации

при всех эволюциях политической линии был выражен слабо?

ЗАГИДУЛЛИН: Скорее надо говорить о том, что возникновение вопроса об интерпретации за рубежом проблемы *российского ядерного регионализма* связано с побочными результатами деятельности самого российского ядерного комплекса. В частности, с теми социальными и экологическими проблемами, которые возникли вокруг предприятий Минатома, закрытых городов и военных баз с ядерным оружием. В этом смысле постоянное акцентирование вопроса о ядерном факторе в отношениях между Центром и регионами сыграло позитивную роль, поскольку не дало возможности некоторым адептам концепций неограниченной приватизации решать проблемы с российским ядерным комплексом как с классическим коммерческим предприятием. Это подчеркнуло не только политическую, но и социальную значимость ядерного комплекса и не дало возможность сбросить социальные обязательства, накопленные внутри него, как ненужный балласт.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Не могли бы Вы охарактеризовать основные проблемы во взаимоотношениях Центра и регионов по поводу ядерной инфраструктуры?

ЗАГИДУЛЛИН: Основные проблемы во взаимоотношениях по поводу ядерной

инфраструктуры произрастали из двух принципиальных моментов. *Во-первых*, из попытки некоторых руководителей ядерного комплекса провести форсированную коммерциализацию и частичную приватизацию (в форме конверсии части элементов ядерного комплекса). И таким образом сбросить на баланс региональных властей значительную социальную инфраструктуру. *Во-вторых*, из попытки создать в рамках ядерного комплекса экономический анклав, выведенный из-под контроля руководства соответствующих регионов и действующий в условиях облегченного фискального контроля.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В предыдущем своем ответе Вы упомянули экологические проблемы, которые возникли вокруг предприятий Минатома, закрытых городов и военных баз с ядерным оружием. Какое место во взаимоотношениях Центра и регионов занимает экологический аспект в вопросе о ядерном комплексе?

ЗАГИДУЛЛИН: Безусловно, нельзя отрицать существования значительных экологических аспектов во взаимоотношениях Центра и российских регионов. Было понятно нежелание некоторых общенациональных руководителей брать на себя финансовое бремя реабилитации регионов. В результате неоднозначных процессов удалось добиться не только того, чтобы в федеральном бюджете учитывались расходы на экологическую реабилитацию территорий, пострадавших от ядерных инцидентов в советский период, но и того, чтобы такая работа воспринималась психологически и политически в Москве, как дело федеральной важности. Также удалось сформировать относительно более справедливую систему распределения международной помощи и легитимной экспертизы осуществляемых проектов.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Говоря о процессе перераспределения полномочий между Центром и регионами, можно констатировать, что в настоящий момент этот процесс продолжается, может и в несколько своеобразной форме. Ибо, в конечном счете, главным вопросом в контексте так называемого российского ядерного регионализма является проблема контроля и распределения финансовых потоков, направляемых на реконструкцию и развитие российского ядерного комплекса. Что Вы можете сказать по этому поводу?

ЗАГИДУЛЛИН: В полной мере остроту данной проблемы мы наблюдали в процессе обсуждения вопроса о ввозе в нашу страну облученного ядерного топлива. Также существенной проблемой будет оставаться и объективно существующее нежелание федерального бюджета тратить деньги на широкомасштабную конверсию ядерного комплекса и перераспределение его мощностей. Не секрет и существование среди руководства ядерного комплекса нежелания перераспределять средства от коммерчески удачных проектов в интересах регионов в целом. Вообще в вопросах развития ядерной энергетики можно отметить относительно низкий уровень взаимного доверия между участниками обсуждений.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: По мере происходящей в настоящее время стабилизации отношений Центра и регионов, обозначенных в рамках новой региональной политики Владимира Путина, а также прекращения практики скрытой деятельности государственных монополистов, теряет ли проблема *российского ядерного регионализма* свою политическую остроту?

ЗАГИДУЛЛИН: Этот вопрос превращается в вопрос текущего балансирования интересов различных социальных групп в Центре и регионах. В этом есть определенная опасность, поскольку вопрос может вновь вернуться к уже явно устаревшему пониманию вопроса о развитии российского ядерного комплекса, как коммерческой проблемы. В этом смысле, все – и представители Государственной Думы, и региональные руководители, и представители общественных организаций и движений заинтересованы в сохранении высокого уровня интереса к ситуации в российском ядерном комплексе со стороны федеральных властей.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В связи с процессом общего укрепления российской *вертикали власти*, которая уже не оставляет принципиальных вопросов относительно методов и условий управления и развития российского ядерного комплекса, какова должна быть роль Государственной Думы в решении региональных проблем?

ЗАГИДУЛЛИН: В этих условиях Государственная Дума должна существенно усовершенствовать законодательную базу в том, что касается ликвидации *серых зон* в ответственности федеральных и региональных

властей. При всем том, что в законе об атомной энергии четко отмечается приоритет федерального Центра в ядерных вопросах, там содержится несколько нечетких формулировок относительно роли регионального и муниципального руководства в решении вопросов развития атомной энергетики. Мы уже были свидетелями всплеска популистской риторики в связи с обсуждением вопроса о ввозе облученного ядерного топлива в Россию. Также хотел бы отметить, что Государственная Дума, в

особенности депутаты-одномандатники, могли бы играть роль постоянной *обратной связи* для общественности соответствующих регионов, выявляя озабоченности и снимая социальную и психологическую напряженность вокруг вопросов, так или иначе связанных с ядерной энергией и ядерным фактором. Пора перешагивать через постчернобыльский антиядерный синдром, однако, конечно, на новом уровне ядерной безопасности и с уважением к общественному мнению.

Вышли в свет в сентябре–октябре 2001 года

- *Ядерный Контроль*. Том 7, №4. Июль–Август 2001. В номере: Адам Дольник «Усама бен Ладен и оружие массового уничтожения», Виктор Слипченко, Олег Рожков «Верификационный механизм Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний: процесс создания», Сэм Нанн «Как избежать апокалипсиса», Владимир Рыбаченков «К вопросу о ввозе зарубежного отработавшего ядерного топлива в Россию», Владимир Ермаков, Евгений Зведре «Эволюция экспортно-контрольного законодательства США», Фидель Кастро Диас-Баларт «Ядерный путь Кубы». Цена 1500 руб.
- *Digest of the Russian Nonproliferation Journal Yaderny Kontrol (Nuclear Control)*. Vol.7, №1. Winter 2002. Адам Дольник «Усама бен Ладен и ОМУ: кошмар для Америки», Игорь Сергеев: «Дестабилизирующие процессы могут активизироваться, если не укреплять режим нераспространения», Мэттью Банн «Скептики на холме: администрация Буша и нераспространение», Виктор Слипченко, Олег Рожков «Возникновение и эволюция контрольного механизма ДВЗЯИ», Владимир Орлов «Третий сектор в России – новый игрок в сфере нераспространения и контроля над вооружениями». Цена 1500 руб.

См. также с.65

АнализЦИКЛЫ РАСШИРЕНИЯ НАТО¹

Анатолий Шевцов
Алексей Ижак

В 1999 году, после приема трех новых членов, НАТО завершила длительный цикл своего развития, включавший ее расширение, происходившее, несмотря на сопротивление, как извне, так и изнутри Альянса. После этого возник новый период неопределенности, повторяющий во многом события начала истекшего десятилетия, когда проблемы европейской оборонной интеграции, судьбы американской противоракетной обороны (ПРО) и отношений с Россией поставили перед НАТО крайне сложные вопросы. Новая парадигма развития Альянса пока не сформирована. Тезис о том, что приоритетным направлением его политики должны стать Балканы и Средиземноморье, безусловно, имеет под собой веские основания. Однако деятельность в этом ареале вряд ли способна обеспечить сохранение Альянса в новом десятилетии. Восточное направление остается важным и, при определенных обстоятельствах, решающим для существования НАТО.

Первый цикл расширения

Исследователь истории расширения НАТО неизбежно сталкивается с точкой зрения, что решение о нем было крупнейшей ошибкой Альянса, повлекшей за собой ряд других. На Западе среди противников расширения НАТО было немало политиков, обеспечивших ему победу в *холодной войне*, а на Востоке – сторонников *европейского выбора*, сыгравших видную роль в либеральных реформах в бывших *социалистических* странах. Причина проста: многие до сих пор рассматривают Североатлантический альянс только как инструмент отношений Запада с Россией. Если это действительно так, то решение о расширении НАТО на Восток, принятое в условиях доминирования прозападных настроений в России, было иррациональным. Однако отношения Запада с Россией были, скорее, ценой, но не причиной расширения Альянса.

Система европейской безопасности времен *холодной войны* не была в полной мере симметричной. Главной задачей Организации Варшавского договора (ОВД) было противостояние Западу, в том числе удержание входивших в него стран Центральной и Восточной Европы в

повиновении Советскому Союзу. В функции же НАТО входило не только сдерживание советской экспансии, но и обеспечение американского военно-политического присутствия в Европе, а также включение Германии в жесткую систему институтов, не допускающую возрождения германского экспансионизма. Это было выражено известной формулой «keep the Americans in, the Russians out, and the Germans down». Согласившись с членством в НАТО объединенной Германии, СССР фактически благословил существование НАТО после распада двухполюсной системы. Но сформулировать в начале девяностых годов прошлого века новую концепцию существования для Альянса оказалось непросто.

Американский арбитраж в Западной Европе был опосредствованным, основанным на *советской угрозе*. После прекращения *холодной войны* и сокращения военных расходов у НАТО появились конкуренты, способные выполнять ее остаточные функции. Западноевропейский Союз (ЗЕС) имел опыт контроля над военными программами Германии. Набирающий обороты Европейский Союз (ЕС), добивающийся введения единой валюты и выработки общей политики в сфере безопасности и обороны, казалось, мог полностью заменить НАТО. На первый взгляд, неплохие возможности для решения проблем европейской безопасности после краха ОВД появились также у ООН и ОБСЕ.

Однако самая большая проблема НАТО сразу после окончания *холодной войны* состояла в том, что в США отсутствовало четкое видение дальнейшей стратегии в отношении Европы. *С одной стороны*, миссия НАТО была выполнена. *С другой* – разрушение НАТО означало бы ликвидацию наиболее эффективного механизма вовлечения США в европейские дела, а также привлечения европейцев к действиям Соединенных Штатов в некоторых кризисных ситуациях, как, например, во время войны против Ирака. Другими словами, США должны были решить, в чем истинный смысл их присутствия в Европе в новой стратегической ситуации.

Формирование новых установок дальнейшего развития НАТО в течение прошлого десятилетия было стимулировано:

- усилением роли Германии в Центральной и Восточной Европе, особенно в зоне Вышеградской группы;
- созданием независимого от НАТО *Еврокорпуса*;
- неспособностью ООН, ОБСЕ и ЕС остановить войну на Балканах.

В этих условиях, к Брюссельскому саммиту Альянса в 1994 году стратегия США в отношении Европы и НАТО была обозначена достаточно четко: «Ставка Соединенных Штатов в поддержании влияния на решения и политику европейских правительств и многонациональных организаций будет оставаться большой, [...] критичным аспектом для американских интересов в регионе является поддержание действенности и жизнеспособности НАТО»².

Для предотвращения деградации НАТО в условиях отсутствия масштабной внешней угрозы и намечающейся европейской оборонной интеграции были использованы несколько механизмов: многонациональные объединенные тактические силы (МОТС), Партнерство во имя мира (ПИМ) и расширение Альянса, первоначально на уровне принципиальной возможности. В 1995 году, после завершения соответствующего исследования, принятие в Альянс новых демократий Центральной и Восточной Европы стало вопросом времени.

Основа для нового трансатлантического соглашения между США и Европой была заложена: США получали содействие Европы в сохранении интегрированных структур НАТО, а европейцы – содействие США европейской оборонной интеграции, прежде всего посредством МОТС. Характерно, что решение сохранить НАТО как дееспособную и активную организацию было принято до окончательного формулирования новых военных задач Альянса, которые обосновывали бы поддержание интегрированных военных структур. Для такой проработки просто не было времени: процессы, происходившие в Европе в начале девяностых годов, ставили НАТО перед жестким выбором: либо сохраниться и расширяться, либо обречь себя на постепенную деградацию.

Мотивов расширения НАТО было несколько. Необходимо было исключить поиск Германией новых, альтернативных трансатлантическим, механизмов обеспечения ее восточных интересов, а также не допустить возникновения на континенте отличных от НАТО международных военных структур. Второй мотив не так отчетливо связан с расширением, как первый. Формально проблема Еврокорпуса была решена путем его двойного подчинения: административного – ЗЕС, а оперативного – НАТО. В более широком плане осуществление европейскими государствами самостоятельных от США военных операций, принципиально решалось с помощью концепции многонациональных объединенных тактических сил. Но все же этого было недостаточно.

ЕС, ЗЕС и НАТО имеют несовпадающую систему членства. Совокупность обязательств европейских стран в отношении коллективной обороны по Вашингтонскому и модифицированному Брюссельскому договорам в случае более быстрого, чем НАТО, расширения ЗЕС ставило перед США, как гарантом европейской безопасности, проблему *черного хода*. В случае приема стран Вышеградской группы в ЗЕС, они получали бы гарантии безопасности со стороны европейских членов НАТО, а, следовательно, хотя и косвенно, со стороны США. Хотя эта проблема выглядела несколько надуманной³, тем не менее превращение европейской оборонной интеграции во внутреннее дело НАТО требовало большей географической универсальности последней⁴. НАТО не могла остановить формирование европейской идентичности в области безопасности и обороны, но она могла ее инкорпорировать, прибегнув к внутренним трансформациям и расширению. В этой ситуации страны Вышеградской группы оказались в фокусе расширения НАТО в результате необходимости решать новые проблемы, связанные с интересами Германии, а также стремления сохранить Альянс как единственную в Европе организацию с интегрированной военной структурой.

Кроме того, решение НАТО о расширении связано с ее превращением в ключевой элемент европейской безопасности. Четыре десятилетия *холодной войны* превратили Альянс в *дееспособный инструмент*, однако юридический статус не позволял ему быть *ключевой организацией* европейской безопасности. Единственное неограниченное право НАТО – это право на коллективную

самооборону в случае внешней агрессии⁵, а преобладающее понимание этого права оставляет мало места для интерпретаций. Во всех силовых действиях, отличных от самообороны, НАТО, в соответствии со статьей 103 Устава ООН и статьей 7 Вашингтонского договора, зависит от решений Совета Безопасности ООН. Прецеденты последних лет могут дать иную интерпретацию, однако, формальные положения Устава ООН и Вашингтонского договора именно таковы.

В годы *холодной войны* проблема легитимности действий НАТО не существовала. Постоянное использование права вето США и СССР блокировало деятельность Совета Безопасности в отношении европейской безопасности. По сути дела, принципиальные решения принимались США и СССР, которые затем реализовывались НАТО и ОВД. После распада двухполюсной системы Совета Безопасности ООН теоретически мог бы играть большую роль в решении проблем европейской безопасности. Определенные надежды существовали также в связи с институализацией ОБСЕ⁶. Обсуждался даже вопрос о создании в ее рамках своего рода «Европейского совета безопасности». Возможно, в течение некоторого времени лидеры стран НАТО склонялись к тому, чтобы рассматривать НАТО, как инструмент, действующий под эгидой ООН и ОБСЕ. Однако неэффективность этих организаций при разрешении конфликта в Боснии и Герцеговине заставила НАТО принять на себя более активную роль. Стало очевидно, что новая система безопасности требовала автоматизма выполнения принятых решений. Постепенно тенденция превращения НАТО в центральный институт европейской безопасности, а Североатлантического Совета – в своего рода «Совет Безопасности Европы» стала проявляться все отчетливей.

Легитимизация новой роли НАТО имела два основных направления: усиление *натоцентричности* новой системы европейской безопасности и создание успешных прецедентов решения Североатлантическим Советом ключевых проблем, возникавших в Европе. Поддержание *натоцентричности* новой системы настоятельно требовало от Альянса расширения членства, причем расширения открытого, понимаемого как процесс. Если бы НАТО объявила о разовом, пусть даже более широком расширении, что, собственно,

предлагала Франция, это означало бы новый раздел зон влияния, который ограничил бы географию трансатлантического сообщества. Партнерство во имя мира, лишенное опоры на возможность членства в НАТО, не решало проблему: для большинства государств, стремящихся к интеграции в Европу, оно стало бы не более чем формой вежливого отказа со стороны Запада заниматься их безопасностью, и толкнуло бы их к поиску геополитических альтернатив.

Но самое главное, открытость процесса и отказ от установления принципиальных пределов расширения давали НАТО возможность преодолеть оппозицию со стороны России (раз уж принципиальное решение о приеме новых членов и о повышении статуса Североатлантического Совета было принято по независимым от российского фактора причинам). Россию невозможно было игнорировать, а единственный способ вовлечь ее в конструктивное сотрудничество, лишая при этом права вето в решении проблем европейской безопасности, состоял в том, чтобы не оставлять стратегических альтернатив такому сотрудничеству.

Пока новые независимые страны находились в зоне де-факто признанного российского влияния, Россия, *во-первых*, оставалась самодостаточной, *во-вторых*, она могла консолидировать ресурсы этих стран для блокирования действий НАТО в ее новой роли. Если Россия лишалась доминирующего влияния на страны постсоветского пространства, то по военно-политическим и экономическим причинам ей было бы крайне сложно находиться в оппозиции к НАТО. Таким образом, третий мотив расширения НАТО, причем расширения открытого, понимаемого как процесс, состоял в обеспечении центральной роли НАТО в системе европейской безопасности.

Четвертый мотив расширения не был связан прямо с проблемами европейской безопасности. Он связан с интересами различных групп внутри ведущих членов НАТО, в первую очередь, производителей оружия. Каждый новый член НАТО должен был бы тратить значительную часть своего бюджета на перевооружение своих вооруженных сил техникой западного производства. Эти затраты достаточно велики, чтобы давление внутри западных стран в пользу расширения было существенным⁷.

Рассмотренные выше мотивы дополняли друг друга в фокусировании первой волны расширения на странах Вышеградской группы. Расширение Альянса было вызвано взаимоотношениями внутри самого трансатлантического сообщества. Оно было обусловленным внутренне, и, соответственно, не было направлено против кого бы то ни было. Ценность расширения НАТО для стран Запада оказалась больше затрат на обеспечение этого процесса, что и сделало его неизбежным.

Кризис в Косово

Через десять дней после завершения процедуры приема трех новых членов, НАТО начала военную операцию в Союзной республике Югославия. Этими двумя событиями накануне Вашингтонского саммита организации завершились первая волна расширения и разработка новой Стратегической концепции Альянса.

Польша, Чехия и Венгрия вступили в существенно иную организацию, чем та, в которую они стремились в начале девяностых годов. И НАТО, и новые члены прошли большой путь навстречу друг другу: НАТО в поисках смысла существования, отличного от коллективной обороны, новые члены – в поисках этой самой коллективной обороны. Новая ситуация требовала от Альянса не столько способности защищать территорию своих членов, сколько способности к вмешательству в локальные конфликты. В противном случае теряла во многом смысл своего существования. Но чтобы выполнять новые задачи, нужно было обеспечить легитимность действий НАТО вне зоны ее ответственности. А это требовало как становления НАТО в качестве ключевого института коллективной безопасности в Европе, так и успешных прецедентов. Первое толкало Альянс к расширению, второе – способствовало его вовлеченности на Балканах.

Операция НАТО против Югославии стала, или по крайней мере, должна была стать, типичной для новой роли Альянса. Она полностью соответствовала новой Стратегической концепции, кроме того, предположение о случайном характере этой вовлеченности означает признание иррациональности действий НАТО. В самом деле, Альянс, объединяющий ведущие западные демократии, все более склоняющиеся к необходимости ограничения национального суверенитета, задолго до идентификации

ситуации в Косово как гуманитарной катастрофы, потребовал широкой территориальной автономии края как административной государственной единицы, вместо того, чтобы требовать широкой этнической автономии албанского населения Югославии. Это было эквивалентно замене одной формы суверенитета другой, и вряд ли могло уменьшить напряженность между сербами и албанцами.

НАТО также настаивала на том, чтобы миротворческая операция проводилась под ее эгидой, игнорируя готовность Югославии согласиться с операцией под эгидой ООН. У НАТО не было конкурентов в ее способности принуждения воюющих сторон к миру: ООН принципиально неспособна на эффективные ультиматумы и операции уровня *Союзная сила*. Однако, когда боевые действия остановлены и условия для развертывания миссии созданы, приходит время поддержания мира, а это уже совсем другая задача, в которой у ООН накоплен большой опыт.

В Рамбуйе НАТО требовала от Югославии создать благоприятную среду для размещения миссии по поддержанию мира, и это было вполне обоснованное требование. Однако требование, чтобы после создания таких условий операция проводилась именно под эгидой НАТО, было избыточным, тем более что на миссию под эгидой ООН Югославия соглашалась. Если целью вмешательства было скорейшее урегулирование в отдельном специальном случае, НАТО логичней было повторить опыт Боснии и Герцеговины – принудить воюющие стороны остановить боевые действия и принять миротворческую миссию ООН со сформированным НАТО военным компонентом. В Рамбуйе Альянс потребовал большего статуса и формирования миссии под своей эгидой⁸. Боснийский вариант был отвергнут явно не в виду его неэффективности. Можно предполагать существование дополнительных политических соображений.

Эскалация Косовского кризиса совпала по времени с разработкой новой Стратегической концепции НАТО. Хотя дебаты по концепции были закрытыми, отдельные комментарии позволяли судить, что основной проблемой был поиск формулы большей самостоятельности Альянса в решении проблем европейской безопасности. Принципиально существовало две возможности. *Первая* – трактовать право на индивидуальную и коллективную

самооборону таким образом, чтобы оно распространилось не только на оборону территории, но и на оборону интересов и ценностей. *Вторая* – возведение в норму интервенций на основе самого по себе факта нарушения международного права, в первую очередь гуманитарного, без предварительной санкции Совета Безопасности ООН. Обе эти возможности не были на тот момент нормой и требовали для своей реализации успешных прецедентов.

Попытки классифицировать тогда еще только гипотетические военные акции НАТО в Косово летом 1998 года как акт самообороны, предпринятые госсекретарем и министром обороны США, встретили холодное отношение в Европе. Зато идея гуманитарной интервенции постепенно получила поддержку практически всех членов НАТО.

Критический момент в проверке работоспособности всей новой системы отношений в Европе возник осенью 1998 года, когда НАТО объявила ультиматум Югославии, потребовав размещения миссии ОБСЕ, открытия воздушного пространства края для не боевых самолетов НАТО и начала переговоров с сепаратистами. Помимо собственно балканской проблемы, это решение было также тестом готовности России принять второстепенную роль. Последняя, несмотря на риторику, ничего серьезного не противопоставила и из контактной группы по Югославии не вышла, сохранив, таким образом, конструктивные отношения с Западом. Это значило, что общеевропейский компромисс относительно новой роли НАТО достигнут. НАТО продемонстрировала силу своих механизмов принятия и выполнения решений и способность координировать усилия других европейских институтов.

Ультиматума все же оказалось недостаточно. Окончательное урегулирование не было достигнуто, и ситуация снова начала ухудшаться. НАТО уже не могла отступить и отдать инициативу другим институтам безопасности. Новый ультиматум был подкреплен требованием вывести из Косово югославские войска и разместить там контингент НАТО. Риск был оправданным. Будь урегулирование достигнуто к концу апреля 1999 года и контингент НАТО с участием других стран, в том числе России, размещен в Косово, масштаб юбилейных торжеств, от участия в которых той же России трудно было бы отказаться, стал бы

финальным аккордом построения новой системы европейской безопасности, в которой НАТО играла бы ключевую роль, а Североатлантический Совет был бы признан главным органом, принимающим решения относительно проблем войны и мира в Европе. Но так случилось, что разогнанная машина НАТО натолкнулась на неожиданно жесткое сопротивление небольшого балканского государства и дальнейшая траектория ее движения заметно изменилась.

Была ли операция против Союзной республики Югославии успехом Альянса? В достижении провозглашенных военных целей – да. Однако незавершенная война во время юбилейных торжеств, ссора с Россией и ассоциирование расширения с конфликтами вряд ли было тем, на что НАТО действительно рассчитывала. Проявились серьезные проблемы в военных возможностях Альянса. Его способность к проведению операций вне зоны ответственности оказалась недостаточной, в основном в результате разрыва в уровнях развития вооруженных сил США и их европейских союзников. Авиаудары, как средство предотвращения гуманитарной катастрофы, показали свою ограниченность. Возник вопрос – что делать, если авиаудары превращаются в *гуманитарное преступление*, а проблема не решается? В силу самой природы западных демократий, эффективность внешней вовлеченности НАТО зависит от уровня рациональности конфликта. Если воюющие стороны игнорируют авиаудары, то военная интервенция будет сопряжена с усилением гуманитарного кризиса, а государства НАТО должны быть готовы жертвовать жизнями своих солдат.

Таким образом, ситуация, сложившаяся к середине 1999 года, потребовала от НАТО пересмотра своей политики. Затянувшаяся воздушная кампания, сопровождавшаяся множеством досадных ошибок; юбилейные торжества, омраченные войной и конфронтацией с Россией, и ограниченная эффективность последовавшей миссии по поддержанию мира в Косово означали, что НАТО не смогла стать в точности тем, чем она намеревалась быть перед Вашингтонским саммитом.

Новый переходный период

Всего через год после первого опыта урегулирования вооруженного конфликта практически от начала до конца под эгидой НАТО, вопрос о новой роли организации

снова требует концептуального решения. Недавно казалось, что новым девизом НАТО станет «положение обязывает»⁹, теперь же многие на Западе удивлены, как далеко новая Стратегическая концепция увела союзников от понятной и надежной коллективной самообороны¹⁰.

Период стратегической неопределенности, возникший в начале девяностых годов, закончился в прошлом десятилетии трансатлантической сделкой в отношении новой ключевой роли НАТО. Для этого потребовалось чуть более двух лет – между декабром 1991 года, когда был денонсирован союзный договор СССР и подписан Маастрихтский договор, и январем 1994 года, когда состоялся Брюссельский саммит НАТО. Последний выдвинул три ключевые инициативы, посредством которых Союз мог осуществлять свою новую роль:

- Партнерство во имя мира¹¹;
- многонациональные объединенные тактические силы;
- контрраспространение.

Это означало, что Запад определился со стратегическими отношениями между США, Европой и Россией и выбрал для этого соответствующие механизмы. Тогда казалось, что точки над *i* расставлены, однако сейчас в этом уже мало уверенности.

Как оказалось, проблема новой роли НАТО не была окончательно решена принятием новых функций, скорее, решение было просто отложено. Все было логично и последовательно в действиях НАТО в девяностых годах: и реформирование сил, с целью сделать их адекватными изменившейся природе конфликтов в Европе, и стремление к большей самостоятельности от Совета Безопасности ООН, и смещение акцентов с национальных интересов на универсальные ценности. Однако в тени оставался вопрос о соотношении прав и обязанностей НАТО в новой системе безопасности.

Никогда с момента провозглашения своих новых миссий НАТО не определяла порядка их осуществления. Оставалось неясным, являются ли «операции вне зоны ответственности» и «операции, не связанные со статьей V», в представлении Альянса эквивалентными понятиями. Между тем, в этом состоит проблема легитимности новой роли Альянса. Выбор, сделанный в начале девяностых годов, повлек возникновение

новой проблемы: какую именно миссию должна осуществить НАТО вне своей зоны ответственности – связанную или не связанную со статьей V?

Устав ООН, так же как и Вашингтонский договор, увязывает понятие обороны с понятием национальной территории. Оборона национальной территории – это единственное право на силовые действия, определенное указанными документами без необходимости предварительных санкций со стороны Совета Безопасности. Ни Устав ООН, ни Вашингтонский договор не предусматривают возможности несанкционированной Советом Безопасности коллективной обороны чего-либо, что не является национальной территорией.

Таким образом, в соответствии с Уставом ООН и Вашингтонским договором НАТО имеет две возможности для силовых действий: миссии, связанные со статьей V в зоне ответственности, определенной статьей VI, без предварительной санкции Совета Безопасности и миссии, не связанные со статьей V вне этой зоны, требующие предварительной санкции Совета Безопасности. Миссии, определенные статьей V, вне зоны ответственности, определенной статьей VI, данными документами не предусмотрены. Между тем, именно они, похоже, становятся в центре интересов НАТО после кризиса в Косово.

Параграф 2 Инициативы оборонных возможностей гласит: «Потенциальные угрозы безопасности НАТО наиболее вероятны как результат региональных конфликтов, этнической борьбы или других кризисов вне территории Альянса, равно как распространения оружия массового поражения и средств его доставки»¹². Речь идет о миссиях, связанных со статьей V, причем в новой, *внезональной* интерпретации. Хотя это не провозглашается открыто, но однозначно указанный новый источник угроз вне территории Альянса и их состав свидетельствуют: речь идет о возможности силовых действий в интересах обороны вне зоны ответственности НАТО. Причем, судя по всему, Альянс склонен рассматривать такой вид обороны как свое неотъемлемое право, не требующее каких-либо предварительных санкций¹³.

Цикл, таким образом, замкнут: НАТО провозгласила готовность выполнять новые, не связанные с коллективной обороной,

миссии вне зоны ответственности и, добившись самостоятельности в их проведении, использовала это для расширения концепции обороны. Это трудно считать решением вопроса о новой роли НАТО. Созданы опасные прецеденты для государств и союзов, менее цивилизованных, чем НАТО. Кроме того, право на интервенцию во имя интересов членов НАТО само по себе вряд ли является конструктивной идеей. Трудно представить, что усилия, предпринятые для реформации европейских институтов вообще и НАТО, в частности, были направлены всего лишь на то, чтобы дать НАТО возможность более широко трактовать право на оборону. Оборона уже один раз оказалась недостаточным смыслом существования для НАТО. С этого начался цикл трансформаций девяностых годов.

Повторного рассмотрения требуют также представлявшиеся в целом решенными проблемы взаимоотношений трансатлантических и европейских институтов безопасности. Общая схема была такова: коллективная оборона Западной Европы остается прерогативой НАТО, а для выполнения новых миссий, там, где это целесообразно, европейцы используют отделяемые, но не отдельные от НАТО, многонациональные объединенные тактические силы (МОТС). Два фактора сделали эту схему устаревшей.

С *поглощением* Европейским Союзом Западноевропейского Союза несовпадающее членство европейских государств в ЕС и НАТО делает оборону членов ЕС с помощью институтов НАТО проблематичной. Кроме того, параметры реализации концепции МОТС оказались недостаточными для реализации амбиций ЕС. Хельсинский саммит Европейского Союза в декабре 1999 года провозгласил намерение создать собственные силы масштаба корпуса для проведения операций продолжительностью около года, включая сухопутные войска, флот, авиацию и вспомогательные подразделения¹⁴. Хельсинские решения ЕС, таким образом, поставили под сомнение эффективность созданных НАТО механизмов для решения проблем европейской оборонной интеграции в рамках НАТО.

Еще один фактор неопределенности, воспроизводящий ситуацию десятилетней давности, связан со стремлением США к созданию национальной ПРО, что ставит под угрозу их отношения с Россией. Защита американской территории от потенциальных

ракетных ударов из ближневосточной зоны не может быть надежной без новых радаров сверхвысокой частоты, размещенных в Европе, а это затрагивает весь комплекс взаимоотношений между США, их европейскими союзниками и Россией. Нет России не только снижает общий уровень безопасности США, но и вбивает клин между Соединенными Штатами и Европой, не желающей быть втянутой в новую конфронтацию Восток–Запад. В результате, как и в начале девяностых годов, отношения США с Россией бросили тень на отношения США с Европой.

Новый переговорный процесс между США и Россией по проблемам ПРО и ядерных вооружений снижает значение программы контрраспространения НАТО. Национальная ПРО США не может быть легко вписана в политику НАТО: защита от ограниченного ядерного удара территории только одного государства противоречит идее коллективной обороны. Кроме того, фокусом стратегии контрраспространения НАТО является защита вооруженных сил союзников на театре военных действий. США же озабочены системами межконтинентального уровня.

Таким образом, в эволюции НАТО наступила повторная интермедия. Три старые проблемы требуют повторного или, по крайней мере, дополнительного решения: в чем состоит новая роль НАТО, каким образом новая роль НАТО соотносится с европейской оборонной интеграцией и какой должна быть восточная политика Альянса.

Ловушка первой волны

Сделав первый шаг расширения, НАТО оказалась в ловушке принятых решений. Даже при отсутствии позитивной мотивации к приему новых членов, над НАТО будут довлеть провозглашенная открытость процесса расширения, а также относительная дешевизна первой волны.

Расширение, понимаемое как открытый процесс, превращает НАТО в ключевой элемент европейской безопасности. Как только Альянс зафиксирует восточную границу, *натоцентричность* европейского пространства будет разрушена, шлейф партнерства вокруг НАТО, в который вовлечена даже *недовольная* Россия, рассыплется, и НАТО превратится в обычный военный блок, каким она была в годы *холодной войны*, разве что с большим количеством членов. В случае остановки

Альянсу, возможно, придется оплатить ее значительными дополнительными инвестициями в безопасность новых членов на Востоке. Планируется, что интеграция Польши, Чехии и Венгрии в военные структуры НАТО должна обойтись в 1,5 млрд долл. в течение 1998–2008 годов. Эта неожиданно маленькая цифра отражает не столько эффективность процедур членства, сколько символизм принятых Западом обязательств. Определяя затраты на интеграцию в свои структуры трех новых членов, НАТО исходила из отсутствия в обозримом будущем масштабной угрозы с Востока.

Гарантии безопасности трех новых членов в условиях реальной угрозы со стороны России (или некоего военного блока во главе с Россией) потребовали бы намного больших усилий, включая переброску авиации и войск. В итоге, затраты на обеспечение безопасности Польши, Чехии и Венгрии могли бы возрасти до верхних оценок, делавшихся в середине девяностых годов – вплоть до 100 млрд долл. Таким образом, решения, сделанные в отношении первой волны, предполагают дальнейшее расширение на Восток, или, по крайней мере, недопущение возвращения Украины и Прибалтики в сферу российского влияния. НАТО не может остановиться, не разрушив логику своего развития последнего десятилетия.

Расширение переходного периода

Ближайшее решение о приглашении в НАТО новых членов может быть принято на Пражском саммите Альянса в 2002 году¹⁵. Исходя из опыта первой волны, завершения приема можно ожидать к 2004 году. Среди кандидатов – Албания, Болгария, Эстония, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения и Македония. Они официально обратились с просьбой о членстве в НАТО и теоретически могут рассчитывать на приглашение, хотя шансы разных стран сильно отличаются. Среди них существует ряд «серьезных кандидатов», но пока только один «очень серьезный кандидат» – Словения¹⁶. При этом своего рода *политическая интрига* существует только в связи с возможностью членства в НАТО балтийских стран. Остальные варианты можно рассматривать не столько как *вторую волну* расширения, сколько как *первую волну-бис*. Особенно это касается Словакии и Словении, а также, хотя в меньшей степени, Румынии. В результате *выпадения* Словакии из первой волны расширения, Венгрия оказалась оторванной от остальных членов

НАТО. Целостность территории НАТО может быть восстановлена принятием Словении и Словакии. Однако, сколь бы ни важна была для НАТО связность территории, она не является императивом ее расширения. Увеличение способности к проекции силы может быть достигнуто выполнением Инициативы оборонных возможностей. В сочетании с возможностями ПИМ это предоставляет НАТО определенную свободу действий в географическом плане и снижает значение территориальной связности. Об этом свидетельствует опыт действий НАТО на Балканах. А для поддержания *натоцентричности* европейской системы безопасности важен не столько объем территориальной экспансии, сколько демонстрация того, что обязательства НАТО относительно открытости процесса расширения и отсутствия предопределенных рубежей остаются в силе.

Реальная проблема существует в связи с возможностью приглашения в НАТО трех балтийских государств. Россия рассматривает возможность их членства в НАТО не просто как абстрактное ограничение своих стратегических возможностей, но как прямую и непосредственную угрозу своей безопасности. Стремление Эстонии, Латвии и Литвы ставят Альянс перед сложным выбором. *С одной стороны*, история и размеры этих стран позволяют им быть легко инкорпорированными в западное сообщество наций, и они имеют на это не меньше оснований, чем, например, Словения и Словакия. *С другой* – российский фактор при рассмотрении перспектив этих стран может оказаться определяющим.

Наиболее часто анализируются три варианта возможных действий НАТО:

- принятие только Литвы;
- одновременное принятие всех трех государств;
- откладывание принятия всех трех государств одновременно с установлением с ними режима особых отношений.

Первый вариант последовательно аргументируется влиятельным политологом Збигневом Бжезинским¹⁷. Литва выгодно отличается от Эстонии и Латвии отсутствием границы с основным *континентальным* пространством России, что делает ее вступление в Альянс относительно приемлемым для Москвы. Одновременно, Литва является бывшей республикой СССР, и

это превращает ее возможное присоединение к НАТО в важный исторический прецедент. Если реакция России будет верно просчитана, такой вариант действий может стать эффективным стратегическим ходом за относительно небольшую цену. Ранее членство Литвы в НАТО при благоприятном развитии событий явилось бы созданием важного плацдарма для более свободного принятия решений относительно дальнейших шагов организации.

Основанием для второго варианта действий является предположение о невозможности дифференцировать политику Запада в отношении трех балтийских стран. НАТО дала слишком много обязательств относительно открытости процесса расширения и отсутствия у России права вето, чтобы, приглашая, например, Словению, не пригласить балтийские страны. Возможно, по военно-политическим соображениям вариант членства только лишь Литвы был бы предпочтительным, однако это создало бы такое давление на НАТО со стороны Эстонии и Латвии, а также различных лобби внутри западных стран, которому Альянс не смог бы противостоять, не рискуя разрушить целостность своей балтийской политики.

Третий вариант, также как и второй, основан на предположении о невозможности дифференцированного членства балтийских стран, но в отличие от него уделяет большее значение российскому фактору. Неизбежная деструктивная для европейской безопасности реакция России на членство сразу трех балтийских стран требует поиска НАТО более мягких форм балтийской вовлеченности. Такой формой может стать развитие региональной военной кооперации с членами НАТО и принятие специальных хартий, делающих взаимные отношения более обязывающими. Тем не менее, географическая связность линии Польша–Литва и совокупность уже принятых обязательств повышают приоритет этого направления расширения НАТО.

Если расширение на балтийском направлении все же окажется невозможным, можно ожидать поиска НАТО компенсации за неспособность преодолеть российское сопротивление. Это будет означать активизацию юго-восточных европейских проектов и усиление внимания к Румынии.

В переходный период внутренняя мотивация НАТО к расширению будет ограниченной.

Законченных проектов дальнейшего расширения, скорее всего, не существует, и решения будут приниматься исходя из конкретного развития ситуации. «Североатлантический Совет должен размерить, но не приостановить процесс расширения НАТО путем выдачи приглашений к присоединению тем странам, которые способны соответствовать критериям членства, [...] и делать это он должен на специальной основе для каждой отдельной страны»¹⁸ – эта формула отражает смысл политики НАТО на ближайшую перспективу. В фокусе этой политики имеют шанс оказаться Словения, Словакия, Литва и Румыния.

Расширение второго цикла

Расширение первого цикла было связано с отношениями внутри самого трансатлантического сообщества – между Европой и Северной Америкой. Энергии этих отношений оказалось достаточно для преодоления разделительных линий времен *холодной войны*. Но проблема геополитического разделения Европы еще не решена. Разрушена лишь линия, прочерченная в конце Второй мировой войны Советским Союзом для Запада. Но остается та, что была прочерчена после первой мировой войны самим Западом для зоны влияния Советской России. Это – линия Керзона. Именно она, а не наложенная на нее *красная линия* Примакова, создает некий цивилизационный разлом. Вопрос в том, сумеет ли НАТО его преодолеть.

Агрегированная мотивация к расширению в 2005–2010 годы может оказаться большей, чем в девяностых годах прошлого столетия. Однако она не будет, как раньше, сфокусированной на определенных кандидатах. Это делает новый цикл расширения проблематичным.

Начнем с наиболее интенсивного фактора предыдущего цикла расширения – стремления превратить европейскую оборонную интеграцию во внутреннее дело Альянса. В начале девяностых годов были выработаны механизмы решения этой проблемы, основанные на том, что все члены ЗЕС были также членами НАТО. В настоящее время ввиду инкорпорации функций ЗЕС Европейский Союз превратился в организацию европейской безопасности, система членства в которой выходит за рамки НАТО. В этих условиях Альянс не может легко предложить себя в качестве инструмента коллективной обороны стран-членов ЕС.

НАТО явно не имеет готового решения для возникшей проблемы. Но как бы не развивались события, можно утверждать, что проблема инкорпорации европейской оборонной интеграции в НАТО перестанет толкать Альянс к принятию новых демократий, зато потребует приглашения некоторых старых, традиционно нейтральных. Речь идет о Швеции, Финляндии и Австрии.

Проблема открытости расширения также потребует от НАТО иных, чем в первом цикле расширения, решений. С одной стороны, консолидация внутренней и внешней политики России, а также возможный рост ее экономики, делают риск возрождения масштабной угрозы с ее стороны гораздо большим, и, следовательно, повышает необходимость удержания в сфере влияния НАТО новых независимых государств. С другой – форсирование расширения на Восток может не оставить России иного выбора, кроме деструктивной реакции.

Следовательно, интересы поддержания *натоцентричности* европейской системы безопасности в период после 2005 года потребуют от НАТО предоставления адекватных политических обязательств странам, находящимся за *красной линией*. Фокусом этих интересов будут значимые для России страны – Эстония, Латвия, Литва (если к 2005 году она все еще будет вне Альянса), Украина, Молдова, при определенном развитии событий Белоруссия, а также, вероятно, страны Закавказья.

Несмотря на очевидное несовпадение круга стран, представляющих интерес для НАТО, между ними существует определенная корреляция. Разработка НАТО балтийского направления своей политики с возможным принятием Швеции и Финляндии повышает шансы Эстонии, Латвии и Литвы. Принятие последних повышает интереса к НАТО всех новых независимых государств на достаточно долгую перспективу, что способствовало бы также решению проблемы *натоцентричности*.

Но все же этих мотивов недостаточно для слома *красной линии*. Опыт предыдущего цикла подсказывает, что расширение становится актуальной задачей НАТО, когда у Германии появляются важные интересы за пределами зоны коллективной обороны. На первый взгляд, перестав быть передовым рубежом Запада, Германия будет удовлетворена своим геополитическим

статусом на далекую перспективу. Однако, недавние резкие колебания цен на нефть заставляют рассмотреть иные варианты. Прежде всего, речь идет о возможных каспийских интересах стран НАТО.

Применительно к проблемам каспийской нефти можно выделить две группы членов Альянса, интересы которых в регионе могут быть реализованы по-разному. Одна группа стран, которую можно условно назвать *римленд НАТО*, связана с Каспием через Малую Азию, Средиземноморье и Атлантику – это Турция, Греция, Италия, Португалия, Испания, Франция, Великобритания, США, Канада, Исландия, Норвегия, Дания, Нидерланды, Бельгия, Люксембург. Вторая группа стран, которую можно условно назвать *хартленд НАТО*, имеет в основном сухопутную привязку через Северное Причерноморье, Черноморско-Балтийский регион и бассейн Дуная – это Венгрия, Польша, Чехия и Германия.

Интересы первой группы государств-членов НАТО в каспийском регионе обеспечены текущим географическим статусом организации в значительно большей степени, чем интересы второй группы. Турецкий маршрут транспортировки ограничивает критичные внешние военно-политические интересы Азербайджаном и Грузией. Потенциально более эффективные для второй группы Черноморско-Дунайские и Украинский маршруты, напротив, предполагают дополнительные географические обязательства НАТО в отношении большой группы стран, в первую очередь Украины, Молдовы, Румынии, Югославии и Хорватии. Таким образом, каспийские интересы НАТО имеют две географических составляющих: минимальную, связанную с Закавказьем, и максимальную, включающую Украину и бассейн Дуная. В случае роста восточных интересов ведущих стран Альянса, в первую очередь Германии, новое продвижение на Восток может стать для него императивом.

Структура интересов второго цикла расширения НАТО в общих чертах повторяет структуру первого. Однако изменившаяся ситуация делает ее расфокусированной. Сложная система географической мотивации, тем не менее, имеет ключевые точки, в которых пересекаются сразу несколько интересов. Ими являются Азербайджан, Грузия, Украина, Молдова, Эстония и Австрия. Кроме того, вполне вероятно, что

после 2005 года все еще будет ждать членства кто-то из реальных кандидатов промежуточного расширения 2002 года – Словения, Словакия, Литва или Румыния. Еще две страны – Белоруссия и Югославия также окажутся в фокусе внимания НАТО, но под несколько иным углом. *С одной стороны*, кооперация с этими странами будет важна для реализации новых восточных интересов Альянса, но *с другой* – после событий девяностых годов восстановление отношений с ними не сможет быть простым.

В целом, мотивация к расширению в период 2005–2010 годов будет во многом зависеть от степени заинтересованности Германии в каспийских проектах и решимости США сохранять НАТО как ключевой элемент Евро-Атлантической безопасности.

Новая парадигма развития НАТО: Юг или Восток?

Развитие НАТО в стратегических условиях, которые возникли в начале нового столетия, будет определяться множеством политических, военных и экономических интересов, но в конечном итоге они должны быть объединены общей идеей – поисками смысла существования Альянса. В годы *холодной войны* такой идеей была коллективная оборона от угрозы с Востока. В течение первого десятилетия после окончания блокового противостояния Альянс искал резон существования в новых функциях, не связанных с обороной. В какой-то момент могло даже показаться, что НАТО превращается в еще один инструмент глобализации. Теперь же происходит новое переосмысление. Альянс возвращается к идеям защиты ясно определенных национальных интересов от ясно определенных угроз.

Существует авторитетная точка зрения, что передовым рубежом НАТО становится южное направление – Турция, Греция, Италия, Испания¹⁹. В настоящее время Балканы и Ближний Восток являются основными источниками угроз для стран Альянса, соответственно, Средиземноморье становится его основной заботой, причем ситуация усугубляется продолжающимся соперничеством между Турцией и Грецией. Модернизация устаревшей оборонной инфраструктуры на южном фланге НАТО также требует дополнительного внимания. Тем не менее, нельзя утверждать, что *южная* парадигма развития станет достаточной для НАТО.

Угрозы странам Альянса на этом направлении далеко не всегда связаны с военными возможностями конкретных стран. НАТО, как военно-политическая организация, может оказаться неэффективной для борьбы с терроризмом, распространением наркотиков и нелегальной эмиграцией. При этом политика разных стран Альянса в отношении Балкан и Ближнего Востока существенно различается. Это затрудняет, или даже делает невозможной формирование общей стратегии НАТО в этом направлении. В любом случае, такой аспект развития Альянса, как расширение, практически не имеет перспектив на южном фланге.

Обратимся теперь к *восточному* направлению. Многие убеждены, что возрождаясь в качестве военно-политической сверхдержавы, Россия не может быть демократией с рыночной экономикой. Многие убеждены также в том, что в таком качестве Россия неизбежно будет вести себя экспансивно и угрожать безопасности Европы. Однако СССР распался ввиду исчерпания внутренних возможностей развития. Экспорт сырья стал недостаточным экономическим основанием для глобальных амбиций. Централизованное государство исчезло, и кажется, что за последнее десятилетие не произошло ничего существенного, что могло бы сделать его восстановление экономически обоснованным. Наибольший осколок СССР, способный занять его место, – Россия – погряз в долгах и зависит от мировой конъюнктуры цен на сырье и оружие.

Но все же как ни важен экономический фактор, он *единственный*, отделяющий Россию от статуса мировой сверхдержавы. Десять лет постсоветского развития не лишили бывшие республики СССР ни природных, ни человеческих ресурсов, также как не стерли опыт имперского строительства и не разрушили бесповоротно промышленную и военную инфраструктуру. Если Россия сумеет сохранить статус-кво еще лет десять, чудо ее экономического возрождения может состояться. Основанием для него станет *открытие* сухопутного пути из Европы в Азию и обратно.

Если взглянуть на географическое распределение экономической активности в Евразии²⁰, можно увидеть огромные рынки ЕС, Китая и Индии, между которыми – геоэкономический вакуум, огромный сухопутный континуум постсоветского пространства. До последнего времени морские

пути вполне удовлетворяли потребностям относительно слабых экономических связей между этими рынками, однако принятие Китая во Всемирную торговую организацию способно принципиально изменить ситуацию. Проблема *великого шелкового пути* из области абстрактных геополитических рассуждений может перейти в разряд неотложных экономических задач. Так же, как много столетий назад, открытие морского пути из Европы в Азию обрекло на прозябание евразийские империи, повторное открытие сухопутного пути может их вернуть к жизни. Если Россия сумеет замкнуть на себе новые торговые потоки, она получит реальную экономическую базу для возрождения своей мощи, благо делать это ей придется не с чистого листа.

Получив подобный рычаг влияния, Россия, скорее всего, воспользуется им для восстановления зоны своего доминирования и попытается избавиться от геополитических посредников в своих контактах с Европой, используя для этого находящиеся под ее полным контролем северные маршруты и Белоруссию. Это лишило бы соседей России стратегических альтернатив сближению с новой империей. События последнего десятилетия на Кавказе позволяют заключить, что намерения России недвусмысленны: не допустить возможности геополитического соединения Средней Азии с Европой через Кавказ – значит добиться монополии на роль континентального интегратора Европы и Азии. Ради этого Россия готова на многое, в том числе на войну.

Политика НАТО не может строиться на противодействии экономическому возрождению России. Зато Альянс может содействовать тому, чтобы позитивные экономические процессы не сопровождалась имперскими тенденциями. Естественная возможность для этого – укрепление ГУУАМ как геополитической альтернативы евразийской роли России. Иными словами, речь может идти о своего рода *антимонопольной* политике НАТО на постсоветском пространстве. Каким будет выбор Альянса остается неясным. Организация снова погрузилась в *выяснение отношений* между США и их европейскими союзниками. На этот раз трансатлантические противоречия могут стать фатальными, если только НАТО не сумеет подняться над ними и найти работу, которую может делать только она, будь то на Юге или на Востоке. ■

¹Статья подготовлена в результате исследований, проводившихся в 1998–2000 годах в соответствии с грантом Совета Евро-Атлантического партнерства НАТО.

²United States Security Strategy for Europe and NATO. Department of Defense, Chapter 1 – America's enduring interests in Europe. Office of International Security Affairs. 1994. Хотя документ был опубликован после Брюссельского саммита 1994 года, его основные идеи, по всей видимости, были сформулированы гораздо раньше.

³Например, нападение Ирака на Кувейт, с которым у США были обязательства в отношении коллективной обороны, не интерпретировались как нападение Ирака также на союзников США.

⁴Решение о том, что европейская оборонная интеграция является внутренним делом НАТО, было принято в 1996 году на Белинской сессии Совета НАТО уже после того, как стали известны кандидаты для первой волны.

⁵Вернее, почти не ограниченное – до принятия Советом Безопасности ООН необходимых мер (Статья 51 Устава ООН).

⁶После 1994 года – ОБСЕ.

⁷Согласно *Хронике Хьюстона* за 6 апреля 1998 года, шесть крупнейших военных подрядчиков Америки в течение 1996–1997 годов потратили на продвижение идей расширения 51 млн долл.

⁸Хотя существующая схема взаимодействия между ООН и НАТО в Косово в целом повторяет вариант Боснии и Герцеговины, она не являлась основой для переговоров в Рамбуйе, но была выработана много позже в результате посреднических усилий России во время затянувшейся операции *Союзная сила*.

⁹Президент США во время посещения войск в Скопье, Македония, 22 июня 1999 года, сразу после достижения соглашений по Косово заявил: «В Африке или Центральной Европе мы не позволим, чтобы люди подвергались гонениям только по причине их национального, расового или религиозного отличия. Мы остановим это». Речь явно шла о моральном обязательстве действовать, а не парировании новых угроз безопасности НАТО.

¹⁰Характерная цитата: «Мне интересно, неужели НАТО уже не организация для самообороны, а механизм для управления и вмешательства в кризисы?» (Сенатор Клеланд. Диалог о глобальной роли Америки III, Многонациональные организации. Congressional Record – Senate. 11 May 2000, S3894.)

¹¹В 1994 году, в практических терминах о расширении еще не говорилось, но ПИМ было сигналом к такой возможности.

¹²Инициатива оборонных возможностей. Параграф 2. Пресс-коммюнике NAC-S(99)69. 25 апреля 1999

¹³«Североатлантический Совет не нуждается в согласии Организации Объединенных Наций, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, или любой другой международной организации для того, чтобы предпринять любые действия в соответствии с Североатлантическим договором для обороны Североатлантического пространства, включая размещение, использование или базирование сил» (Резолюция о ратификации Протокола к Североатлантическому договору 1949 года о присоединении Польши, Венгрии и Чехии, принятой Сенатом США 30 апреля 1998 года, параграф 3-В. Congressional Record – Senate. 4 May 1998, S4217). Этот текст говорит о Североатлантической зоне как об ограниченной зоне обороны, но не как ограниченной зоне для размещения, использования или базирования сил.

¹⁴В течение 2000 года совместными усилиями экспертов ЕС и НАТО был составлен каталог для реализации хельсинских целей (Helsinki Headline Catalogue), а в ходе конференции по генерации сил ЕС в ноябре 2000 года на основе этого перечня и провозглашенных обязательств стран-членов был составлен

каталог хельсинских сил (Helsinki Force Catalogue).

¹⁵Согласно заявлениям генерального секретаря НАТО, конкретные кандидатуры будут названы осенью 2001 года.

¹⁶В первой половине 2000 года генеральный секретарь НАТО произвел ряд визитов в страны-претенденты, где произнес похожие по структуре речи, в которых использовались различные модификации фразы о членстве. Формула «ваша страна является очень серьезным кандидатом для членства» была использована только в отношении Словении. В остальных случаях – просто «серьезный кандидат для членства».

¹⁷Brzezinski Z. NATO: The Dilemmas of Expansion. *National Interest*, Fall 1998

¹⁸106th Congress 1st Session. Senate Resolution 175, Expressing the sense of the Senate regarding United States policy toward the North Atlantic Treaty Organization, in light of the Alliance's April 1999 Washington Summit and the conflict in Kosovo. Paragraph b-2. 5 August 1999

¹⁹Foreign Policy for a world of Decision. *RAND Review*, Summer 2000. www.rand.org/publications/randreview/issues/tr.7.00/foreign.html

²⁰Наглядное графическое представление можно найти в: Справочнике международных экономических показателей. ЦРУ. (Handbook of International Economic Statistics. CIA, 1998, www.cia.gov/cia/di/products/hies/index.html)

Анализ**КОНТРОЛЬ ЗА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕМ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕЖЛАБОРАТОРНЫЙ КВАЛИФИКАЦИОННЫЙ
ЭКСПЕРИМЕНТ****Игорь Рыбальченко**

Конвенция о запрещении химического оружия (КХО)¹ в целях исключения возможности нелегального создания, производства, хранения и применения этого вида оружия массового уничтожения (ОМУ) предусматривает реализацию тщательно разработанного режима проверки соблюдения всех включенных в нее положений. Установленный Конвенцией беспрецедентный режим инспектирования позволяет Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) организовать в любой момент международную инспекцию любого объекта или местности на территории страны-участницы в целях выяснения и разрешения вопросов, связанных с возможным нарушением КХО².

В числе многих мероприятий, относящихся к процедурам инспектирования и включенных в Приложение по проверке к тексту КХО, важная роль отведена анализу проб, отобранных на месте инспекции, как наиболее объективному подтверждению отсутствия или наличия на объекте нелегальной деятельности в области химии потенциально опасных токсичных соединений. Все подлежащие контролю токсичные химикаты суммированы в Приложении по химикатам; общее количество теоретически возможных соединений, охватываемых списками 1, 2 и 3, превышает полтора миллиона³.

Конвенция рассматривает отбор и анализ проб как на месте, так и вне места инспекции в качестве важных процедур, которые должны использоваться инспекционными группами ОЗХО. Концептуально анализ проб интерпретируется как ультимативное средство для установления отсутствия или присутствия контролируемой по КХО деятельности в области химии. За исключением очень немногих, достаточно хорошо определенных ситуаций, конвенция не позволяет ни запрещать отбирать пробы, ни вводить ограничения на анализ проб⁴. Порядок и все процедуры отбора и анализа проб строго регламентируются в тексте конвенции⁵.

В целом, согласно КХО, отбор и анализ проб признан инструментом инспекционного

контроля практически для всех типов инспекций. Анализ отобранных проб предпочтительно должен производиться на месте инспекции. Инспекционная группа имеет право вывозить пробы с места инспекции для анализа вне места, когда имеют значение следующие обстоятельства:

- анализ на месте по ряду причин невозможно осуществить;
- результаты анализа, полученные на месте, неоднозначны;
- необходимо подтверждение результатов анализа, полученных на месте (например, если результаты анализа, выполненного на месте, позволяют сделать предположение о наличии нарушений КХО).

Несмотря на то, что в ОЗХО сформирован парк аналитических приборов и методик, а в составе группы инспекторов подготовлены специалисты-аналитики требуемой квалификации, при попытках реализовать положения конвенции, касающиеся отбора и анализа проб, Технический секретариат столкнулся с целым рядом трудностей.

Так, в ноте Генерального директора ОЗХО⁶ указывается, что «в связи с неблагоприятной комбинацией ряда факторов использование отбора и анализа проб в качестве эффективного и независимого средства осуществления инспекционной деятельности навряд ли может быть реализовано. К причинам такой ситуации можно отнести следующие: ограничения, введенные в технические спецификации на аналитическое оборудование для использования на месте инспекции с целью защиты конфиденциальной коммерческой информации; недостаточное количество аналитических сравнительных спектров, принятых для включения в Центральную аналитическую базу данных ОЗХО (529 масс-, 209 ИК-, 864 ЯМР-спектров и 89 газохроматографических индексов удерживания при минимальной потребности в данных для 20000 химикатов); нежелание ряда государств-участников конвенции согласиться с предложениями о включении в эту базу данных каких-либо других соединений, кроме списочных химикатов и их производных; отсутствие уверенности в возможности

транспортировки проб, отобранных инспекционными группами, средствами коммерческих авиалиний; очень ограниченные возможности приборов неразрушающего контроля, чтобы рассматривать их в качестве сколь-либо значимой альтернативы химическому анализу на месте инспекции; проблемы, связанные с использованием аналитического оборудования, принадлежащего инспектируемому государству-участнику, как альтернативы выполнения анализа инспекционной группой на месте инспекции или назначенной лабораторией вне места инспекции; настораживающее стремление в ряде государств-участников выполнять анализы самостоятельно без легализации; и, касательно США, наличие законодательства, препятствующего вывозу проб с их территории. Взятый в отдельности любой из рассматриваемых факторов оказывает небольшое влияние на возможность осуществления отбора и анализа проб в ходе инспекций ОЗХО. Но при действии этих же факторов в совокупности – как это имеет место в настоящее время – независимый и значимый анализ проб, отобранных в ходе инспекций ОЗХО, становится крайне проблематичным».

В целях поиска путей разрешения этих противоречий при Научно-консультативном комитете ОЗХО создана специальная рабочая группа по аналитическим процедурам. Одновременно, учитывая ограниченные возможности ОЗХО по анализу на месте инспекций, Технический секретариат наращивает усилия по созданию сети аккредитованных национальных аналитических лабораторий, куда должны доставляться пробы, отобранные в ходе инспекций. Для этого, начиная с 1996 года, под эгидой ОЗХО проводится Международный межлабораторный квалификационный эксперимент, в котором в числе ведущих 37 аналитических лабораторий стран-участниц КХО приняли участие и две российские лаборатории – лаборатория Военного университета радиационной химической и биологической защиты (ВУРХБЗ) и лаборатория Государственного научно-исследовательского института органической химии и технологии (ГОСНИИОХТ).

Цель эксперимента, включающего регулярно чередующиеся тесты (один–два в году), – отобрать из числа национальных лабораторий наиболее подготовленные для присвоения им статуса *назначенных* (*designated* – вид аккредитации ОЗХО) и последующего использования их для независимого анализа проб, отобранных на местах международных

инспекций, в соответствии с положениями конвенции.

Каждый тест предусматривает:

- Формирование состава лабораторий-участников путем направления по запросу ОЗХО официальных заявок по дипломатическим каналам.
- Рассылка из ОЗХО в лаборатории-участники официального плана и сценария теста.
- Рассылка из заранее определенной ОЗХО лаборатории для подготовки проб к данному тесту – циркулярно во все лаборатории-участники идентичных посылок с рандомизированными номерами, которые содержат, как правило, три пробы различных матриц (вода, грунт, лако-красочные покрытия, органические жидкости, дегазирующие растворы и т.д.), включающих неизвестное количество неизвестных химикатов из числа подлежащих контролю согласно конвенции (списочные химикаты) или продуктов их трансформации в концентрациях от 1 до 10 частей на миллион.
- Проведение всеми лабораториями-участниками в течение 15 дней качественного анализа проб с целью идентификации всех присутствующих в них списочных химикатов и/или продуктов их трансформации. В пределах указанного срока итоговый отчет каждой лаборатории-участника, составленный по установленной форме на английском языке и содержащий исчерпывающие результаты анализа, должен быть направлен в ОЗХО.
- По получении отчета от лаборатории-участника Технический секретариат ОЗХО без раскрытия национальной принадлежности лаборатории направляет отчет в заранее назначенную лабораторию для проведения оценки результатов по данному тесту. Последняя, в течение примерно полутора месяцев, проводит оценку всех результатов по установленным критериям и направляет в ОЗХО отчет с предварительными результатами оценки, в котором национальная принадлежность лабораторий-участников также не раскрывается. Предварительный отчет после обсуждения в ОЗХО рассылается во все лаборатории-участники с предложением направить, при необходимости, свои возражения.
- По завершении рассмотрения возражений лабораторий-участников формируется итоговый отчет с окончательной оценкой данного теста и раскрытием принадлежности

лабораторий, который ОЗХО рассылает всем странам-участникам конвенции.

К основным критериям, принимаемым во внимание при оценке результатов, относятся:

- Представление лабораторией полного итогового отчета в пределах 15 календарных дней, включая день получения проб и день отправки отчета в ОЗХО.
- Идентификация каждого химиката должна быть доказана, как минимум, двумя независимыми спектральными методами. Достоверными и независимыми считаются методы хромато-масс-спектрометрии с ионизацией электронным ударом, хромато-масс-спектрометрии с химической ионизацией, хромато-ИК-Фурье-спектрометрии, ЯМР-спектрометрии и т.п.
- Данные, отражающие подготовку проб и результаты анализа, должны быть максимально подробными.
- Ложные положительные результаты (идентификация списочного химиката, которого в действительности не было в пробе) не допускаются.

В случае выполнения лабораторией всех вышеуказанных критериев, ей начисляются очки и определяется рейтинг, исходя из следующих правил:

- За каждый правильно идентифицированный химикат начисляется *плюс* одно очко; за каждый пропущенный – *минус* одно очко.
- Если количество начисленных очков совпадает с количеством химикатов, внесенных в пробы (правильно идентифицированы все химикаты), лаборатория получает высший рейтинг «А».
- Если количество начисленных очков на одно меньше, чем количество химикатов, внесенных в пробы (пропущен один химикат), лаборатория получает рейтинг «В».

- Если пропущено более одного химиката, но количество начисленных очков представляет положительное число (правильно идентифицировано более половины химикатов), лаборатория получает рейтинг «С».
- Если количество начисленных очков представляет отрицательное число (правильно идентифицировано менее половины химикатов), лаборатория получает рейтинг «D».
- Любой ложный положительный результат (идентификация химиката, который не вносился в пробу, и возможность присутствия которого лаборатория не смогла мотивированно доказать) оценивается рейтингом «F», означающим дисквалификацию участника в данном тесте.

Зачетными являются только рейтинги «А» и «В», поскольку для получения статуса *назначенной* лаборатория должна получить три рейтинга «А» или два «А» и один «В» в трех последовательных тестах, в которых она принимала участие.

К настоящему времени завершено семь официальных тестов, в стадии оценки результатов находится восьмой. По итогам семи тестов статус *назначенной* получили десять лабораторий (таблица 1).

Ниже приводятся результаты, показанные лабораторией ВУРХБЗ в трех последних официальных квалификационных тестах⁷⁻⁹, по результатам которых она получила статус *назначенной* лаборатории (рейтинги «А», «В» и «А»). Другой российский участник эксперимента – лаборатория ГОСНИИОХТ – получила рейтинги «С», «F», «D», «С» и «В» и в настоящее время продолжает бороться за получение искомого статуса.

Таблица 1. Перечень назначенных лабораторий по состоянию на 31 декабря 2000 года

Страна	Наименование лаборатории
Великобритания	CB Systems, CBD Porton Down, DERA
Германия	Chemisches Zentrallabor Wehrwissenschaftliches Institut für Schutztechnologien – ABC – Schutz
Нидерланды	TNO – Prins Maurits Laboratory
Польша	Analytical Laboratory for Chemical Weapons Convention Verification of Military Institute of Chemistry and Radiometry
Россия	Лаборатория ВУРХБЗ (Laboratory of Military University of CBR Defence)
США	U.S. Army Materiel Command Treaty Laboratory of APG Edgewood Area
Финляндия	Finnish Institute for Verification of the Chemical Weapons Convention, VERIFIN
Франция	DGA, Centre d'Etudes du Bouchet
Швейцария	Defence Procurement Agency, NC-Laboratory Spiez
Швеция	Swedish Defence Research Establishment, FOA, Division of NBC Defence

Пятый официальный профессиональный тест

- Время проведения: 11–25 декабря 1998 года.
- Лаборатория, готовившая пробы: Лаборатория GSRDC. Агентство по оборонным разработкам, Южная Корея.
- Лаборатория, проводившая оценку: Правительственная химическая лаборатория, Великобритания.

- Состав участников: Аргентина, Великобритания, Германия, Индия (три лаборатории), Иран, Испания, Италия, Кения, Китай, Румыния, Россия (две лаборатории), Сингапур, Франция, Чехия, Швеция, Южная Африка, Япония.

Таблица 2. Результаты пятого теста

Вид пробы	Вещество, внесенное в пробу	Результат определения лабораторией ВУРХБЗ	Балл
Вода	Метилфосфоновая кислота	Метилфосфоновая кислота	+1
	Циклогексил метилфосфонат	Циклогексил метилфосфонат	+1
Почва	Этил метилфосфонат	Этил метилфосфонат	+1
	Этил 2-(1-метоксипропил) метилфосфонат	Этил 2-(1-метоксипропил) метилфосфонат	+1
Органический экстракт	Пинаколил метил метилфосфонат	Пинаколил метил метилфосфонат	+1
	Циклогексил метил метилфосфонат	Циклогексил метил метилфосфонат	+1
Водный экстракт	Пинаколил метилфосфонат	Пинаколил метилфосфонат	+1

- Итоги теста: рейтинг «А» – 10 лабораторий, рейтинг «В» – две лаборатории, рейтинг «D» – две лаборатории, рейтинг «F» – шесть лабораторий.

Рейтинг лаборатории ВУРХБЗ – «А».

- Лаборатория, проводившая оценку: Эджвудский химический и биологический судебный аналитический центр, США.
- Состав участников: Аргентина, Бельгия, Великобритания, Греция, Германия, Индия (три лаборатории), Иран, Испания, Италия, Китай, Южная Корея, Нидерланды, Румыния, Россия (ВУРХБЗ), Сингапур, Франция, Финляндия, Чехия, Швейцария, Швеция, Япония.

Шестой официальный профессиональный тест

- Время проведения: 13–24 сентября 1999 года.
- Лаборатория, готовившая пробы: Лаборатория Военного института химии и радиометрии, Польша.

Таблица 3. Результаты шестого теста

Вид пробы	Вещество, внесенное в пробу	Результат определения лабораторией ВУРХБЗ	Балл
Вода	Этилфосфоновая кислота	Этилфосфоновая кислота	+1
	Этилдиэтанолламин	Этилдиэтанолламин	+1
	Метилдиэтанолламин	Метилдиэтанолламин	+1
Почва	Диметил этилфосфонат	Диметил этилфосфонат	+1
	1,5-бис(2-гидроксиэтилтио) н-пентан	-	-1
Органический экстракт	1,5-бис(2-хлорэтилтио) н-пентан	1,5-бис(2-хлорэтилтио) н-пентан	+1
	2-хлорвинил дихлорарсин	2-хлорвинил дихлорарсин	+1

- Итоги теста: рейтинг «А» – две лаборатории, рейтинг «В» – шесть лабораторий, рейтинг «С» – девять лабораторий, рейтинг «D» – три лаборатории, рейтинг «F» – четыре лаборатории.

Рейтинг лаборатории ВУРХБЗ – «В».

Седьмой официальный профессиональный тест

- Время проведения: 6–20 марта 2000 года.
- Лаборатория, готовившая пробы: Лаборатория аналитической химии

научно-исследовательского института химической защиты, Китай.

- Лаборатории, проводившие оценку: Лаборатория Центра принца Моритса, Нидерланды; Лаборатория ОЗХО.
- Состав участников: Бельгия, Бразилия, Германия, Индия (три лаборатории), Иран, Италия, Южная Корея, Россия (ВУРХБЗ), США, Франция, Финляндия, Чехия, Швейцария, Южная Африка.

Таблица 4. Результаты седьмого теста

Вид пробы	Вещество, внесенное в пробу	Результат определения лабораторией ВУРХБЗ	Балл
Вода	Триэтаноламин	Триэтаноламин	+1
	N,N диизопропиламиноэтанол	N,N диизопропиламиноэтанол	+1
	Изопропилфосфоновая кислота	Изопропилфосфоновая кислота	+1
Почва	Пропил изопропилфосфонат	Пропил изопропилфосфонат	+1
Органический экстракт	Дипропил изопропилфосфонат	Дипропил изопропилфосфонат	+1
	Бутил этил изопропилфосфонат	Бутил этил изопропилфосфонат	+1
	Этил 2-метилциклогексил метилфосфонат	Этил 2-метилциклогексил метилфосфонат	+1

- Итоги теста: рейтинг «А» – семь лабораторий, рейтинг «В» – две лаборатории, рейтинг «С» – три лаборатории, рейтинг «D» – одна лаборатория, рейтинг «F» – три лаборатории.

Рейтинг лаборатории ВУРХБЗ – «А».

В целом организация контроля за исполнением КХО является примером эффективного применения высоких технологий (хроматография, масс-спектрометрия, ЯМР-спектрометрия, ИК-спектрометрия и др.) в интересах ограничения распространения одного из видов ОМУ. Недостаточное внимание к процедурам контроля существенно снижает и действенность самого соглашения об ограничении вооружения, как это случилось, например, с Конвенцией по биологическому оружию. Секретариат ОЗХО уделяет очень большое внимание совершенствованию и внедрению в практику инспекционной деятельности эффективных процедур химико-аналитического контроля. Предметом постоянного обсуждения на всех уровнях переговоров являются методы и средства анализа проб как на местах проведения инспекций, так и вне их – в назначенных лабораториях. Межлабораторный квалификационный эксперимент проводится и планируется к проведению Секретариатом ОЗХО на постоянной основе – по два теста в году, что предоставляет возможность любой лаборатории из любой страны-участницы конвенции при достижении требуемого уровня

квалификации присоединиться к числу назначенных лабораторий.■

¹Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении. ООН, Женева, 1993, 170 с.

²Кеньон Иан: «Конвенция переживает критический период». *Химическое Оружие и проблемы его уничтожения*, №3, зима 1997, с.1

³Рыбальченко И., Киреев А., Цехмистер В. Химико-аналитический контроль в рамках Конвенции о запрещении химического оружия. *Российский Химический Журнал*, №5, т.45, 1994, с.11

⁴A Review of the Status of Analytical Support for OPCW Verification Activities. Note by the Director-General. S/81/98, OPCW, 30 October 1998, 37 pp.

⁵Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении. ООН, Женева, 1993, 170 с.

⁶A Review of the Status of Analytical Support for OPCW Verification Activities. Note by the Director-General. S/81/98, OPCW, 30 October 1998, 37 pp.

⁷Evaluation of Results. Fifth Official Proficiency Test. Report OPCW, version 2, 8 June 1999, 217 pp.

⁸Evaluation of Results. Sixth Official Proficiency Test. Report OPCW, version 2, 31 July 2000, Vol.1, 2, 252 pp.

⁹Evaluation of Results. Seventh Official Proficiency Test. Report OPCW, version 1, 31 May 2000, 235 pp.

Комментарий**О МЕЖДУНАРОДНОМ ФИНАНСОВОМ И ТЕХНИЧЕСКОМ
СОДЕЙСТВИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ УКРЕПЛЕНИЯ
РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ****Валерий Семин¹**

В области разоружения и контроля над вооружениями перед Россией стоит приоритетная задача поддержания стратегической стабильности, укрепления международной безопасности и мира, а также укрепления режима нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ).

В России линия на нераспространение ОМУ, сокращение вооружений и контроль над ними закреплена в ряде основополагающих документов: Концепции национальной безопасности Российской Федерации, Военной доктрине Российской Федерации, федеральных законах о ратификации международных договоров в области разоружения.

В интересах всего международного сообщества вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, поэтому мы с удовлетворением отмечаем рост числа государств, к нему присоединившихся. Ратифицировав этот договор, мы призываем поступить так же тех, кто пока этого не сделал. Ратифицирован Россией и договор СНВ-2, вступление в силу зависит теперь от его ратификации Соединенными Штатами. Готовы активно продолжать процесс ядерного разоружения, продвигаться к заключению договора СНВ-3 с еще более низким предельным суммарным уровнем ядерных боезарядов – до 1500 единиц. Но это возможно только при незыблемости Договора по противоракетной обороне 1972 года. По всеобщему признанию, этот важнейший договор затрагивает жизненные интересы безопасности всего международного сообщества.

Подписав и ратифицировав Конвенцию о запрещении химического оружия, Российская Федерация взяла на себя обязательство уничтожить около 40 тыс. т отравляющих веществ и демилитаризовать 24 бывших объекта по производству химического оружия.

Конкретным и весомым вкладом России в дело разоружения, укрепления европейской и мировой безопасности является ее участие в

Договоре об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), правомерно считающемся одним из важнейших инструментов укрепления стабильности и снижения военной напряженности на европейском континенте. Выполняя предусмотренные ДОВСЕ обязательства по сокращению и ограничению обычных вооружений, Россия уничтожила и переоборудовала для применения в мирных целях свыше 23 тыс. систем тяжелых вооружений (танков, бронемашин, боевых самолетов, артиллерии).

Несмотря на наличие у российского руководства политической воли, необходимой для своевременной ликвидации запасов вооружений, доставшихся в наследство от бывшего СССР, на пути к достижению этой цели стоят серьезные трудности экономического порядка. Мировой финансовый кризис еще больше усугубил проблемы, стоящие перед Россией в области сокращения вооружений.

Особенно негативно отразился недостаток финансирования на темпах утилизации экологически опасных видов вооружений и их носителей, в том числе химического и ядерного оружия, атомных подводных лодок, отработавшего ядерного топлива и радиоактивных отходов. Длительное хранение указанных вооружений отрицательно сказалось на их техническом состоянии. Дальнейшее затягивание с их утилизацией может повлечь за собой негативное влияние на окружающую среду.

Выполнение обязательств по Конвенции о запрещении химического оружия является одной из приоритетных задач, стоящих перед Россией в настоящее время. Перед подписанием конвенции и перед ее ратификацией мы неоднократно предупреждали, что сможем своевременно выполнить самое затратное обязательство по уничтожению запасов химоружия только при условии оказания нам финансовой и технической поддержки со стороны международного сообщества. В то время главы ряда промышленно развитых западных

стран дали политические заверения в том, что такая помощь оказана будет.

Прошло более семи лет с момента подписания нами конвенции и более трех лет с тех пор, как Россия стала полноценной участницей Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО). Какова же ситуация с международной помощью России в области уничтожения накопленного химического оружия в настоящий момент? По состоянию на 1 июня 2001 года общий объем объявленной безвозмездной помощи России составляет около 374,6 млн долл., причем из них реально выделено только 237,4 млн долл. Общая стоимость затрат на ликвидацию российских запасов химоружия оценивается экспертами приблизительно в шесть миллиардов долларов. То есть международная помощь на настоящий момент составляет около 6,5%. При этом следует учесть, что часть ассигнований, выделенных зарубежными государствами, расходуется самими государствами-донорами на организационно-технические мероприятия, связанные с реализацией программ помощи.

Таким образом, для уничтожения запасов химоружия в установленные конвенцией сроки Россия должна выделять из бюджета около 900 млн долл. ежегодно (при условии выполнения программы к 2007 году) или около 490 млн долл. в год в случае продления предельного срока уничтожения запасов химоружия до 2012 года. Это – непосильная задача для экономики переходного периода.

В этой связи, а также с учетом недостаточного бюджетного финансирования российской программы химразоружения, 1 ноября 1999 года мы были вынуждены обратиться в ОЗХО с просьбой о предоставлении отсрочки в выполнении первого этапа уничтожения запасов химоружия, который истекал в апреле 2000 года. На состоявшейся в мае пятой сессии Конференции государств-участников ОЗХО нам удалось добиться этой отсрочки.

В сложившихся условиях президент Российской Федерации и правительство Российской Федерации предприняли ряд мер по совершенствованию государственной системы управления химическим разоружением. В частности, было создано Российское агентство по боеприпасам, которое является уполномоченным органом Российской Федерации по выполнению Конвенции и взаимодействию с ОЗХО. Агентство также выполняет функции

государственного заказчика по разработке и реализации Федеральной целевой программы уничтожения химического оружия, ликвидации или конверсии бывших объектов по его производству. В саму программу также внесены изменения, ведущие к ее удешевлению.

Кроме того, по сравнению 2000 годом федеральным бюджетом на 2001 год предусмотрено шестикратное увеличение (до трех миллиардов рублей) бюджетных ассигнований на цели химразоружения. Российская сторона, как это предусмотрено законодательством, развернула полномасштабные работы по строительству социальной и инженерной инфраструктуры будущих объектов по уничтожению химического оружия в пос. Горный Саратовской и г. Щучье Курганской областей, которые в настоящее время являются для нас приоритетными.

Мы обеспокоены решением Конгресса США о приостановлении, начиная с 2000 года, финансирования создания объекта в г. Щучье. На 2001 год выделение ассигнований на эти цели также не предусматривается. Подобный подход может отрицательно сказаться на наших планах выполнения конвенционных обязательств в срок, а также отразиться на решениях других государств об оказании содействия России в области химразоружения. Надеемся, что, учитывая положительный потенциал, накопленный нашими странами в ходе сотрудничества, позиция Конгресса США по данному вопросу изменится, и финансирование, начиная с 2002 года, будет выделяться в соответствии с ранее согласованными планами.

Неоднократно российские руководители выражали признательность Германии, Швеции, Финляндии, Нидерландам, Италии, Евросоюзу и Швейцарии, которые оказывают существенную помощь России в выполнении обязательств по конвенции. О своих планах присоединиться к содействию России в области химразоружения объявили Канада, Норвегия и Великобритания.

Другим приоритетом для России являются утилизация многоцелевых атомных подводных лодок (АПЛ), выведенных из состава Военно-морского флота на Севере и Дальнем Востоке России, модернизация инфраструктуры по их утилизации, а также обращение с отработавшим ядерным топливом и радиоактивными отходами.

В СССР для обеспечения обороны было построено более 250 АПЛ различного назначения. Россия унаследовала весь атомный флот и все проблемы, связанные с демонтажем кораблей с ядерными энергетическими установками, выслуживших сроки эксплуатации. На вооружении Военно-морского флота России состояли АПЛ I, II и III поколений. АПЛ I поколения выведены из эксплуатации полностью, а АПЛ II поколения выведены из эксплуатации частично.

По состоянию на 1 января 2001 года из состава Военно-морского флота России выведено 184 АПЛ, из которых 53 утилизировано. Из оставшихся 131 АПЛ 29 единиц находятся на заводах в различной стадии утилизации, а 102 единицы находятся на плаву. Физический возраст данных кораблей составляет 25–40 лет, а сроки отстоя на плаву превысили 10-летнюю отметку. При этом следует отметить, что ряд существующих береговых и плавучих хранилищ отработавшего ядерного топлива и радиоактивных отходов выслужили установленные сроки эксплуатации, часть из них находится в аварийном состоянии. Требуется освобождение их от ядерного топлива и радиоактивных отходов с последующей ликвидацией и экологической реабилитацией.

Ни на Севере, ни на Дальнем Востоке пока не существует инфраструктуры по комплексной утилизации АПЛ. Полностью отсутствуют мощности по кондиционированию твердых радиоактивных отходов. Не хватает технических средств для выгрузки отработавшего ядерного топлива из реакторов АПЛ. Имеющиеся средства выгрузки сосредоточены на береговых предприятиях, выполняющих в основном программу утилизации стратегических АПЛ, число которых значительно меньше выведенных из состава ВМФ многоцелевых АПЛ. Это же относится и к существующим мощностям по обращению с выгруженным отработавшим ядерным топливом и по разделке АПЛ. Мы вынуждены создавать дополнительные мощности.

Такое положение объясняется тем, что для значительной части находящихся в неудовлетворительном техническом состоянии многоцелевых АПЛ требуется незамедлительная выгрузка отработавшего ядерного топлива и утилизация самих АПЛ с целью исключения риска их затопления и возможных экологических последствий для населения и природной среды в пунктах

базирования АПЛ, на судоремонтных заводах и на маршрутах буксировки АПЛ.

Решением Правительства Российской Федерации Минатом России назначен головным ведомством по утилизации АПЛ. В российском бюджете в 2000 году на утилизацию АПЛ, работы по обращению с радиоактивными отходами и отработавшим ядерным топливом, включая создание необходимых для этого объектов инфраструктуры, было выделено 1,07 млрд рублей. На 2001 год предусмотрено выделение 1,2 млрд рублей, что составляет около 50% от требуемого финансирования. Для полной утилизации всех выведенных на сегодняшний день АПЛ необходимо около двух миллиардов долларов.

В этой связи Россия рассчитывает на безвозмездную финансовую и техническую помощь в решении проблем комплексной утилизации АПЛ и связанных с ней работ по экологической реабилитации в обоих регионах как стран-доноров, так и международных организаций. США, Норвегия, Япония и Нидерланды оказывают нам существенное содействие в данной области. Великобритания также приняла решение оказать нам помощь в утилизации ядерных отходов в северо-западном регионе России.

Однако объем предоставляемой странами-донорами помощи неадекватен стоящим перед нами задачам. Так, для того чтобы ежегодно утилизировать 15 единиц АПЛ и создать недостающие объекты инфраструктуры (в частности, хранилища для длительного хранения реакторных отсеков (до 70–80 лет) с инфраструктурой транспортировки отсеков, хранилищ и контейнеров для хранения отработавшего ядерного топлива и другое) на период 2001–2005 годы дополнительно к российскому бюджетному финансированию Программы утилизации АПЛ в объеме 1,0–1,2 млрд рублей необходимо привлечение зарубежных ассигнований на ежегодной основе в объеме 70–80 млн долл.

Если нам не удастся решить задачу по привлечению иностранного содействия, выполнение Программы утилизации АПЛ сдвинется на период до 2020 года. Это крайне отрицательно скажется на возможностях дальнейшего обеспечения Российской Федерацией экологической безопасности содержания АПЛ, учитывая их техническое состояние.

В числе приоритетов – строительство жилья для увольняемых в запас военнослужащих, их переподготовка и социальная адаптация; конверсия и экологическая реабилитация военных объектов.

В настоящее время в жилье нуждаются 260 тыс. военнослужащих и 50 тыс. не обеспечены служебным жильем. Это касается как действующих военнослужащих, так и уволенных с воинской службы граждан, не имеющих постоянного места проживания и вынужденных оставаться в военных городках.

Для исправления сложившейся ситуации в течение 2001–2003 годов Российской Федерации необходимо содействие в размере 2,27 млрд долл. в виде предоставления безвозмездной помощи и льготных целевых кредитов. Это позволило бы построить дома на 70 тыс. квартир для обеспечения постоянным жильем семей военнослужащих, увольняемых с военной службы (в том числе проходивших службу как на территории России, так и вне ее – Закавказье, Казахстане, Средней Азии и т.д.) и отселения из закрытых военных городков ранее уволенных военнослужащих. Очевидно, что без решения такого рода проблем нам не удастся выйти на необходимые темпы реализации всего комплекса наших обязательств по международным договорам в области разоружения.

Большое внимание мы придаем иностранному содействию в решении сложных задач в ядерном оружейном комплексе. О приоритетах и проблемах на этом направлении сотрудничества будет рассказано в выступлениях Минатома России и Минобороны России в ходе работы секций.

Основные проблемы в привлечении иностранной помощи. Опыт работы, накопленный российской стороной в ходе подготовки международных соглашений в области разоружения, показывает, что существует ряд проблем, которые сдерживают привлечение и эффективность освоения предоставляемых средств.

Во-первых, это несовпадение приоритетов при предоставлении помощи. Так, США в рамках программы Совместного уменьшения угрозы финансируют утилизацию только стратегических вооружений и их носителей. Не выделяются ассигнования на конверсию, переобучение увольняемых военнослужащих, экологическую реабилитацию бывших

военных объектов. Кроме того, начиная с 2000 года, по решению Конгресса США приостановлено выделение финансирования на строительство объекта по уничтожению химического оружия в г. Щучье Курганской области в основном в связи с тем, что химическое оружие не представляет угрозы для национальной безопасности США.

Во-вторых, это вызвано различиями в национальных законодательствах сторон. В отдельных случаях доноры длительное время настаивают на включении в международные соглашения об оказании помощи положений, выходящих за рамки российского законодательства (как это было в случае подготовки соглашений в области уничтожения химоружия с Нидерландами и Финляндией), и международного права (проекты соглашений АМЕК и МНЭПР²).

В-третьих, в некоторых случаях препятствием являлось отсутствие необходимых правовых норм в российском законодательстве в связи с привлечением иностранного безвозмездного содействия. В рамках совершенствования законодательной базы в данной области в мае 1998 года был принят федеральный закон «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации». Данный закон позволяет в основном решить все проблемы.

В-четвертых, для нас не всегда приемлемы условия, ставящие содействие в ядерной области в зависимость от взаимодействия России с третьими странами на данном направлении. Подчеркиваем, что сотрудничество России со всеми странами ведется в строгом соответствии со всеми элементами международного режима нераспространения ядерного оружия.

Альтернативные программы помощи. Как показывает наш опыт, оказываемая России безвозмездная помощь со стороны иностранных государств неадекватна масштабу решаемых нами задач. Более ощутимых результатов можно добиться и за счет вовлечения в эту программу международного финансового сообщества.

В частности, речь может идти о предоставлении России на льготных условиях (частично на безвозмездной основе) крупных долгосрочных кредитов международных финансовых и кредитных организаций (таких, как МВФ, Всемирный банк, ЕБРР и др.); получении средств из целевых программ государственных и частных фондов; привлечении частных и корпоративных инвесторов. Представляется правомерным ожидать поддержки в решении этих вопросов со стороны международного сообщества. В России с интересом ожидают начала работы

над конкретными проектами недавно созданного в США неправительственного фонда Тернера-Нанна.

¹Содержание статьи отражает точку зрения автора.

²Соглашение АМЕК – трехстороннее российско-норвежско-американское соглашение о военно-экологическом сотрудничестве в Арктике. Соглашение МНЭПР – Многостороннее соглашение о ядерно-экологической программе в Российской Федерации.

Вышли в свет в сентябре–октябре 2001 года

- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей.* №19. Октябрь 2001. В номере: Вадим Козюлин. «Военно-техническое сотрудничество России с проблемными странами» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей.* №20. Октябрь 2001. В номере: Дмитрий Евстафьев. «Российско-украинские отношения: коренной поворот российской стратегии или повторение пройденного?» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.

См. также с.42

Обзор**ОБРАЗОВАНИЕ В ОБЛАСТИ РАЗОРУЖЕНИЯ: ТРЕБУЕТСЯ АКТИВИЗАЦИЯ УСИЛИЙ¹****Евгений Горьковский**

Сегодня, когда закончился один из наиболее кровавых веков в истории человечества, превзошедший все остальные по количеству войн и конфликтов, необходимость в образовании для пропаганды культуры мира все более возрастает. История в том виде, в котором она преподается в наше время, представляет собой череду войн, сформировавших современный мир. Для того чтобы войти в новый век с меньшим количеством случаев насилия и кровопролития, необходимо научиться культуре мира. Образование в области мира и разоружения – это смелое предприятие, требующее честности, воображения, энергии и стратегического планирования. Я попытаюсь описать усилия по образованию в области разоружения в историческом и практическом контексте и высказать ряд соображений о потенциальной важности этого направления в будущем.

Более 15 лет прошло после окончания *холодной войны*, и за это время выросло и получило образование целое поколение молодых людей. Тем не менее, мы продолжаем жить в мире, пораженном национальной, социальной, религиозной и этнической нетерпимостью, а иногда и ненавистью. Мы не можем более обвинять в этом наше прошлое или кого-либо еще.

По некоторым оценкам, за последние 10 лет почти пять миллионов человек, в основном женщины и дети, погибли, а миллионы стали инвалидами. Десятки миллионов людей остались без крова, вынуждены были покинуть родные места или стать беженцами. Даже школы, эти храмы образования, стали местами опасных столкновений. Сегодня половина населения Земли продолжает жить на менее чем два доллара в день. В качестве одного из примеров можно сказать, что официальная помощь развитию для Африки снизилась почти на 50% по сравнению с 1990 годом. Количество наименее развитых стран продолжает расти, увеличиваются и военные расходы по всему миру.

Трагичность момента заключается в том, что все это происходит в период значительного технического прогресса, научных достижений и

фантастических инноваций. И, к сожалению, этот технический прогресс проявляется в создании и распространении наиболее опасных видов оружия. На заре XXI века, когда все более явными становятся тенденции глобализации и взаимозависимости, мы все еще слышим безумные призывы к обеспечению превосходства и исключительности, становимся свидетелями унижительных замечаний в адрес народов и государств, наблюдаем высокомерие и двойные стандарты в политике. Все это означает, что наши образовательные усилия не увенчались успехом, и мы ответственны за это.

Прежде всего, нам необходимо понять значение термина *разоружение*. Задача по выработке четкого рабочего определения этого понятия не из легких, и в мире есть существенные разногласия по поводу того, что же на самом деле означает это слово. Поскольку нет официального определения этого термина, он несет в себе разный смысл для разных людей. Критики разоружения смотрят на него как на романтическую и даже наивную, а, следовательно, и несколько опасную концепцию, направленную на то, чтобы стереть все оружие с лица Земли. Однако это вряд ли совпадает с той трактовкой, которая установилась за столетия в международной дипломатической практике. С 1959 года страны-члены ООН говорят на заседаниях Генеральной Ассамблеи о более широком понятии – *всеобщем и полном разоружении*, включающем в себя несколько разоруженческих проблем. Насколько такое название соответствует действительности? Я бы сказал, что это благородная цель, к которой мы стремимся. Реальное разоружение – это кропотливый процесс, требующий упорства, терпения, честности и доброй воли всех партнеров и гражданского общества в разных странах.

Как человек, занимающийся практическими вопросами разоружения, я бы хотел поделиться своим личным мнением о сущности этого термина. Учитывая, что решения в области разоружения оказывают влияние на национальную безопасность и больших, и малых государств, необходимо рассматривать этот процесс на современном

историческом этапе, как средство для достижения большей безопасности при меньшем количестве вооружений. Это можно достичь через согласованные меры укрепления доверия, сокращение вооружений на двухстороннем, региональном и глобальном уровнях, разработку и принятие международных правовых норм – договоров, конвенций, соглашений в области разоружения и безопасности, а также через запрещение и уничтожение оружия массового уничтожения (ОМУ) и других видов наиболее опасных вооружений, не щадящих никакие слои населения. В моем понимании, разоружение – это искусство возможного, искусство консенсуса, проявление политической мудрости и общественной поддержки.

Более века назад, 12 августа 1898 года, тогдашний министр иностранных дел России граф Муравьев направил всем великим державам мира приглашение принять участие в первой мирной конференции, которая состоялась год спустя в Гааге. В официальном циркуляре, предлагающем проведение этой конференции, граф Муравьев привел аргументы (столь согласующиеся с современным положением дел) о том, зачем же нужно это мероприятие. Он следующим образом описал проблемы в области безопасности своего времени: «Постоянно растущая финансовая нагрузка поражает и парализует корни общественного благосостояния; интеллектуальная и физическая мощь народов, их труд и капитал в большинстве своем используются не по их естественному назначению и потребляются непроизводительно; сотни миллионов тратятся на приобретение ужасных машин для разрушения, которые сегодня считаются последним словом в науке, а завтра обречены на то, чтобы потерять свою значимость вследствие новых открытий в этой же области. Национальная культура, экономический прогресс, производство общественного богатства парализованы или искажаются в своем развитии».

Это горькая, но отрезвляющая правда. Но документ еще более примечателен, с точки зрения прогнозируемого результата этой бесконечной гонки вооружений. Муравьев отметил, что по мере того, как правительства будут тратить все больше и больше денег на вооружения, они будут чувствовать себя все в меньшей безопасности и будут подвержены экономическим трудностям, названными им «сокрушительным бременем, которое народам

будет все труднее нести». Если такое положение сохранится, писал он за 16 лет до Первой мировой войны, этот процесс «неизбежно приведет к тем катаклизмам, которые он должен был предотвратить, к предстоящим ужасам, которые страшат человеческую мысль».

Сегодня мы находимся, к сожалению, в схожих условиях, поскольку и лидеры, и народы, похоже, легко забыли уроки истории. Мы стоим перед лицом новых серьезных вызовов международному миру и безопасности.

- Согласно данным кафедры конфликтологии Университета Уппсала, в течение десяти лет после окончания *холодной войны* в мире произошло 110 вооруженных конфликтов в 73 уголках мира, большинство из которых были в пределах национальных границ.
- Глобальные военные расходы, как на закупку вооружений, так и на НИОКР, после некоторого сокращения в девяностые годы снова растут и составляют около 90% по сравнению с уровнем времен *холодной войны*. Каждый год мир тратит на оборону около 800 млрд долл., и в будущем эта цифра может еще более увеличиться. Я бы хотел в этой связи отметить работу лауреата Нобелевской премии Оскара Ариаса, который привлек внимание к огромному бремени для развивающихся стран, создаваемому гонкой вооружений.
- Растет экспорт оружия, и это касается не только устаревших образцов, но и некоторых, наиболее опасных, видов обычных вооружений, когда-либо создававшихся человечеством.
- Процветает нелегальная международная торговля легким и стрелковым оружием, которая способствует продолжению внутренних конфликтов, повышает опасность террористических актов и ведет к гибели несметного количества гражданского населения в конфликтах.
- Более 300 тыс. детей, некоторым из которых всего по восемь лет, участвуют в вооруженных конфликтах по всему миру. Кроме того, сотни тысяч других детей призываются в армии государств, пока не вовлеченных в войны. Более 50 стран, многие из которых не находятся в состоянии войны, набирают детей младше 18 лет в свои вооруженные силы. За последнее десятилетие дети участвовали в более чем 30 вооруженных конфликтах, а многие продолжают сражаться до сих пор.

- Переговоры по ядерному разоружению, как двухсторонние, так и многосторонние в рамках Конференции по разоружению в Женеве, уже многие годы простаивают, в то время как в мире возникают новые угрозы гонки вооружений в космосе. Ключевые договоры, например, СНВ-2 или Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний еще не вступили в силу, а будущее договора по ПРО находится под угрозой. Ядерные испытания 1998 года в Южной Азии стали серьезным ударом по глобальному режиму нераспространения и надеждам на достижение в ближайшей перспективе прогресса в области ядерного разоружения.

Все эти тенденции влекут за собой серьезную угрозу международному миру и безопасности. Возникает необходимость в повышении осведомленности общественности об этих вызовах, а значит, нужно говорить об образовании в области разоружения. Разумеется, что разоружение является частью более широкого процесса укрепления мира, но у него есть и свои специфические черты, позволяющие выделить его в качестве отдельного предмета для исследований и преподавания. Общество должно понять, что поддержка населения создает солидный политический фундамент для решительной политики в области разоружения. Процесс разоружения имеет и свою уникальную историю, которая является богатым полем для исследований, в частности, с точки зрения тщательного анализа причин и последствий успехов и неудач разоруженческих усилий.

Формально разоруженческая деятельность ООН началась в 1946 году, когда первая сессия Генеральной Ассамблеи приняла резолюцию 1(I), ставящую целью уничтожение ОМУ. Однако большинство задач было поставлено, а большинство современных органов было сформировано по итогам Первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, состоявшейся в 1978 году. Фактически вся структура разоруженческого механизма ООН была представлена в итоговом документе этой исторической конференции. В нее вошли: Первый комитет Генеральной Ассамблеи, Конференция по разоружению в Женеве, Комиссия ООН по разоружению в Нью-Йорке, Институт ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР) в Женеве и Центр по разоружению в рамках секретариата ООН, который позднее был преобразован в

департамент по вопросам разоружения. Также была учреждена программа стипендий ООН в области разоружения, по которой за эти годы прошли подготовку более 500 чиновников, в основном из развивающихся стран.

Важно подчеркнуть, что этот документ уделял особое внимание важности образования, как преподавания, так и исследований, для будущего процесса разоружения. Он призывал секретариат ООН к «активизации деятельности по предоставлению информации относительно гонки вооружений и разоружения» и указывал ЮНЕСКО на необходимость интенсификации работ в области разоружения, прежде всего, за счет поощрения исследований в развивающихся странах. В документе говорилось о важности расширенного участия неправительственных организаций в распространении информации о развитии событий в сфере разоружения. Страны-члены ООН должны были обеспечить лучший обмен информацией о разоружении и избегать распространения ложных и тенденциозных данных.

Итоговый документ призывал государственные, неправительственные и международные организации «предпринять шаги по созданию программ образования в области разоружения и программ исследований проблем мира на всех уровнях». Генеральная Ассамблея также приветствовала план ЮНЕСКО по проведению всемирного конгресса по образованию в области разоружения и обратилась к организации с просьбой «подойти к программе по развитию образования в области разоружения как к отдельной сфере исследований и подготовить, таким образом, разработки для преподавателей, учебники, материалы для чтения и наглядные пособия». Намерения участников сессии были четко выражены в последнем предложении документа – «привлечь внимание всех народов, продолжать мобилизацию мирового общественного мнения и придать мощный импульс делу разоружения».

Следующим шагом стал Всемирный конгресс ЮНЕСКО по образованию в области разоружения, состоявшийся в Париже 9–13 июня 1980 года. Интерес ЮНЕСКО к проблемам разоружения уходит своими корнями в 1945 год, когда 16 ноября был принят устав этой организации, чья преамбула начинается с исторических слов о том, что поскольку войны начинаются в умах людей, именно в сознании людей должны быть

созданы механизмы защиты мира. В этом документе также говорится о том, что международный мир не может основываться лишь на политических и экономических соглашениях государств, а должен опираться на интеллектуальную и моральную солидарность всего человечества. В рамках этого подхода большое внимание уделялось укреплению контактов между народами, что приобретают особую важность в нынешний век глобализации, когда люди, информация и идеи пересекают границы в беспрецедентных масштабах.

Заключительный документ Всемирного конгресса содержал рекомендации относительно различных мер по содействию исследованиям и образованию в области разоружения. Это привело к изданию учебника для преподавателей, появлению других материалов и последующих исследований. Помимо того, что этот документ помог в идентификации образования в области разоружения как отдельного вида профессиональной деятельности, он также содействовал прояснению целей и задач такого обучения. Основное внимание было сосредоточено на необходимости повышения осведомленности о факторах, которые «лежат в основе производства и приобретения вооружений, о социальных, политических, экономических и культурных последствиях гонки вооружений и о серьезной угрозе для выживания человечества, которую несет существование и потенциальное использование ядерного оружия».

Спустя 10 лет после окончания *холодной войны* настало время искоренить негативные последствия, которые несет в себе культура насилия и самоуспокоенности, через образовательные программы. Основываясь на гуманистическом видении важности поддержания культуры мира в XXI веке, Генеральная Ассамблея ООН в ноябре 1998 года провозгласила первое десятилетие нового века Международным десятилетием за культуру мира. Она призвала соответствующие органы ООН, неправительственные организации, религиозные группы, образовательные учреждения, СМИ и деятелей культуры к активной поддержке этого начинания на благо всего человечества. Главной целью этой инициативы стал поиск путей трансформирования культуры насилия в культуру мира.

Образование требует информации – подробностей и фактов для обсуждения сути проблем и спектра возможных решений. Департамент по вопросам разоружения много внимания уделяет общественному образованию через публикации, создание информационных пакетов для школ, выставки, проведение различных форумов для обсуждения проблем разоружения и поддержание высокоинформативного веб-сайта. Мы также стремимся улучшить доступ общественности к соответствующей информации через повышение прозрачности. Например, был создан Реестр ООН по обычным вооружениям, содержащий данные, которые добровольно предоставляют разные государства. С 1992 года, когда этот инструмент заработал, более 150 стран поучаствовали в этом проекте хотя бы раз. В среднем около 90 государств предоставляют информацию для Реестра, который охватывает семь согласованных категорий вооружений, включая танки, бронетехнику, боевые самолеты и вертолеты, военные суда, ракеты и их пусковые установки. Считается, что реестр может охватывать до 95% мировой торговли оружием в указанных категориях. Тем не менее, участие в этом проекте далеко не универсальное, и не все основные производители, импортеры и экспортеры регулярно дают данные для Реестра.

Мы также призываем государства использовать стандартные механизмы отчетности о военных расходах. К сожалению, такие инструменты ООН еще недостаточно развиты. В среднем, о своих военных расходах сообщают не более 35 государств, а развивающиеся страны участвуют в этом процессе крайне неохотно. Некоторые развитые страны также не принимают участия или не достаточно регулярно это делают. В общем, за последние пять лет 56 стран сообщили о своих расходах на оборону. Секретариат ООН в сотрудничестве с заинтересованными государствами прилагает сегодня усилия по обеспечению более широкого участия и популяризации этого механизма.

Примечательно также, что не существует аналогичных инструментов для многих других видов вооружений. Это одна из наиболее серьезных проблем для всех заинтересованных в образовании в области нераспространения: как получить доступ к достоверной информации.

Другим направлением в деятельности ООН по образованию в области разоружения стала работа Консультативного совета по вопросам разоружения при Генеральном секретаре ООН, который является независимой исследовательской организацией по вопросам разоружения и безопасности. Интерес совета к данной проблематике стал следствием общей неудовлетворенности медленными темпами разоружения и образования в области разоружения после Всемирного конгресса 1980 года. По мнению совета, одной из причин стала общественная успокоенность по поводу глобальных ядерных угроз. Некоторые члены совета отмечали также необходимость такого образования среди парламентариев, предпринимателей и промышленников, СМИ и широкой общественности.

После консультаций с основными неправительственными группами совет обратился к Генеральному секретарю ООН с призывом подчеркнуть важность образования в области разоружения и нераспространения на всех уровнях. Совет также поддержал предложение о проведении исследования ООН по этой проблеме. 20 ноября 2000 года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 55/33 E, в которой просила Генерального секретаря подготовить такое исследование при содействии группы квалифицированных государственных экспертов. Они должны были сосредоточить внимание на текущих образовательных усилиях в этой области по всему миру и на новых инициативах.

Исследование ООН по образованию в области разоружения и нераспространения будет проведено в течение двух лет в сотрудничестве с органами ООН, преподавателями университетов, институтами, занимающимися проблемами разоружения и мира, организациями в сфере нераспространения. Главными вопросами должны стать определение концепции и оценка усилий по образованию в области разоружения и нераспространения, а также выработка рекомендаций по содействию образованию и повышению квалификации с использованием прогрессивных достижений в сфере информационных и коммуникационных технологий, которые сегодня находятся на службе у преподавателей.

Чтобы содействовать активистам и преподавателям в области разоружения, департамент по вопросам разоружения предоставит часть своего веб-сайта для регулярных сообщений о достигнутых

результатах и для обмена информацией. Мы знаем и о том, каких невероятных усилий стоит включить курсы по разоружению в учебные программы университетов.

Департамент, его региональные центры и организация «Гаагский призыв к миру» также намерены воплотить в жизнь проект «образование для действия» в области мира и разоружения. Он направлен на демилитаризацию сознания молодежи и мобилизацию общественной поддержки программ «разоружение в обмен на развитие». Этот двухлетний проект будет реализован в четырех странах: Камбодже (район Бакан), Перу (Лима), Албании (Грамыш) и Нигере (Нгигми).

Образование в области мира и разоружения в начальных и средних школах, а также через неформальные формы обучения является первым камнем в фундаменте дела по трансформации общественного сознания. Люди должны сами добровольно отказаться от насилия, решать конфликты мирным путем и поддерживать культуру мира. Данные показывают, что обучающиеся по программам культуры ненасилия имеют более высокие результаты в учебе. Поскольку эта инициатива направлена на работу с общественностью, образовательные методики будут связаны с усилиями по мобилизации поддержки программ сбора и показательного уничтожения легкого и стрелкового оружия, осуществляемых в координации с местными правительствами и органами ООН.

Представители межведомственных структур, гражданского общества, правительств и образовательных учреждений будут приглашены для того, чтобы поделиться своим опытом, узнать о достижениях и неудачах и получить навыки чтобы в дальнейшем оказывать содействие процессам сокращения вооружений и борьбе с насилием в своих регионах.

В декабре 1997 года Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан дал оценку некоторых проблем, с которыми сталкивается современный мир (ухудшение экологической обстановки, организованная преступность, терроризм, торговля наркотиками, отрицательные последствия глобализации), и назвал их проблемами, которые не знают границ. Это относится и к угрозам, связанным с вооружениями, поскольку они носят глобальный характер, и их невозможно решить силами одного государства. Это та

проблема, которая может быть решена, лишь благодаря международному сотрудничеству буквально на всех уровнях. И это сотрудничество не появится само по себе. Оно возникнет, если лидеры и их народы будут знать об общих вызовах и желать вместе работать по их преодолению.

Образование, без сомнения, станет важным фактором, определяющим успех или неудачу разоруженческих усилий. Образование – и преподавание, и исследования – поможет создать новое поколение лидеров и просвещенных граждан, которые смогут двигать вперед важные национальные и международные инициативы в области разоружения. Оно будет способствовать обмену информацией, который будет использован неправительственными организациями для мобилизации общественного мнения и необходимой поддержки для национальных и международных инициатив. Образование – это инструмент для достижения целей культуры мира и благого управления.

Образование, касается ли оно прав человека, экологии, разоружения или ненасилия, это – вклад в человеческий потенциал, позволяющий отказываться от насилия и несправедливости и работать в направлении

укрепления культуры мира. 13 марта 2001 года во время турне по Азии, Кофи Аннан, говоря о ситуации в Афганистане, заявил: «Я думаю, что в конечном счете именно образование поможет нам избежать таких ситуаций. Образование, пропагандирующее терпимость и уважение к различиям, образование, позволяющее людям понять, что не стоит ненавидеть принадлежащее другим, а необходимо любить свое, уважать свою собственную религию».

Образование – это мощное оружие, и ООН готова максимально его использовать. Образование в области разоружения способно демилитаризовать умы и содействовать мирному продвижению к ненасилию среди людей. Именно через образование сообщество наций и народов не только становится возможным, но превращается в единственно возможный выход. И даже если мы потерпели бы неудачу, наша совесть была бы чиста, и мы смогли бы сказать нашим детям и внукам: «По крайней мере, мы попытались!»■

¹В основу положено выступление на конференции «Строим будущее сегодня – мир во всем мире» (Building the Future Today – World Peace), Мехико, 2 апреля 2001 года. Печатается с любезного разрешения автора.

Фидель Кастро Диас-Баларт

(Окончание. Начало в предыдущем номере)

Полемика

Строительство АЭС в Хурагуа привлекло внимание мира к развитию кубинской ядерной программы и стало поводом для оживленной полемики.

Сооружение первой кубинской АЭС в Хурагуа в провинции Сьенфуэгос стало центральным событием в ядерной деятельности Кубы, а учитывая важность этого объекта, сложность работ и его экономическую значимость, можно говорить о том, что это наиболее серьезный проект из когда-либо предпринимавшихся на Кубе. В 1983 году началась работа над первым реактором, в 1985 году Куба приступила к сооружению второго реактора, планируя ввести двухреакторную АЭС в эксплуатацию в девяностые годы.

На первом этапе АЭС должна была получить два советских реактора ВВЭР мощностью 417 МВт каждый. Конструкция станции позволяет установить еще два реактора. Реакторы имеют ряд эксплуатационных характеристик, (касающихся, например, безопасности), соответствующих параметрам более современной модели – антисейсмическим V-318, которые успешно используются на 43 установках в шести восточноевропейских странах и Финляндии. Эта технология очень распространена, и ее надежность проверена. Реакторы этого типа производят две трети ядерной энергии на планете, а их число превышает 50% действующих реакторов мира.

Были проведены исследования по сооружению второй АЭС в провинции Ольгин, схожей по масштабам со станцией, строящейся в Сьенфуэгос, но обладающей более мощными реакторами.

Не трудно понять, что реализация этой важной части ядерной программы имеет исключительное значение для развития Кубы. Мощность первых двух блоков только в Хурагуа превысила бы 800 МВт, что в два раза больше мощности всех электростанций Кубы, построенных до 1959 года. После введения в эксплуатацию этих двух блоков страна могла бы сократить потребление нефти на 1,2 млн т в год. Это приблизительно равно объему сырой

нефти, добытой на кубинской территории в первой половине девяностых годов, стоимость которой в текущих ценах превышает 100 млн долл. Более того, ядерное топливо очень компактно: для перевозки топлива, обеспечивающего работу реактора в течение трех лет, необходимо лишь одно судно. А это позволит значительно снизить расходы по транспортировке и хранению.

Соглашения с СССР также предусматривали механизмы для адекватной консервации облученного топлива и низкорadioактивных отходов, получаемых в результате работы реакторов и другой ядерной деятельности.

Основные аргументы против кубинской программы в области атомной энергетики, главным образом выдвигаемые США, схожи с теми доводами, которые используются против развития ядерных программ в странах третьего мира.

Главный из них заключается в том, что в развивающихся странах использование ядерных технологий и особенно атомной энергетики обусловлено не социально-экономической необходимостью, а политическими и военными целями. Утверждается, что освоение атомной энергии этими странами создает опасность распространения ядерного оружия. Кроме того, подчеркивается угроза загрязнения окружающей среды, порождаемая низким уровнем радиационной безопасности объектов, слабостью инфраструктуры и политической нестабильностью.

Бессмысленно спорить с тем, что АЭС могут служить прикрытием для параллельных военных ядерных исследований. Однако признается, что развитие ядерной энергетики не является основным и идеальным способом создания ядерного оружия. Компетентные специалисты неоднократно отмечали, что создать ядерное оружие при помощи мирного атома «так же сложно, как соорудить космический корабль во дворе дома», даже если на то будут ресурсы, технология и знания.

Ряд критиков атомных программ говорит о том, что другие энергоресурсы, в частности,

уголь, более предпочтительны для развивающихся стран. Безусловно, те государства, которые имеют гидроэнергетический потенциал, запасы угля и другого ископаемого горючего, будут использовать именно их для производства энергии. Тем не менее, в большинстве случаев они не обладают достаточными финансовыми и кадровыми ресурсами и инфраструктурой для развития энергетики. Заимствование технологий также не решило бы проблемы: оно лишь усилило бы зависимость этих стран от внешней технологической базы, увеличило уровень загрязнения окружающей среды, и, как уже говорилось ранее, эти источники энергии тоже несут с собой риск возникновения катастроф.

За основу берутся эффективность работы и издержки на киловатт-час у ТЭС и у АЭС в развивающихся странах, и на базе этих данных делается вывод о том, что помимо нарушения современных экологических требований, АЭС требуют гораздо больших затрат, чем ТЭС. Действительно, по сравнению с аналогичными станциями в Европе, Японии и Северной Америке АЭС развивающихся стран обладают меньшей конкурентоспособностью, но ведь они способны дать им жизненно необходимую электроэнергию и в потенциале позволяют сэкономить миллионы тонн нефти и другого горючего, за которые надо платить валютой и по крайне высокой цене.

С самого начала ядерной программы особое внимание на кубинской АЭС уделялось контролю над качеством строительства и над соблюдением процедур и требований, предъявляемых МАГАТЭ в области ядерной безопасности, которым Куба добросовестно следует. Радиационная безопасность станции в Хурагуа должна быть гарантирована рядом строгих мер, касающихся проектных работ, технологии сборки и использования оборудования. Обеспечиваются охлаждение активной зоны реактора и воздухопроницаемость при любых условиях, включая угрозу авиакатастрофы, землетрясения или наводнения.

Радиоактивные газы и аэрозоли перед выпуском в атмосферу будут проходить специальную фильтрацию. Обеспечивается адекватное обращение с твердыми и жидкими отходами для предотвращения загрязнения. Эти отходы будут храниться в специальных контейнерах в течение длительного срока в условиях минимального риска. Также планируется вести систематический контроль

над чистотой воды, воздуха и почвы в радиусе нескольких километров вокруг АЭС. Все эти меры вполне соответствуют мировой практике или даже превышают установленные международные требования.

Специалисты, посетившие Кубу и следившие за ходом осуществления проекта, высоко оценили имеющиеся на острове достижения в этой области.

В чем же тогда причина нападков США и желания Вашингтона поставить под сомнение безопасность и качество АЭС в Хурагуа?

«Жизни миллионов американцев находятся в опасности из-за строительства атомной станции на Кубе, на юге острова [...] Ее сооружение может привести к катастрофе, сравнимой по масштабам с Чернобыльской аварией [...] Одна неисправность на ядерном реакторе в Хурагуа, – и будут заражены Карибский бассейн, США и Центральная Америка [...] Радиоактивное облако достигнет континента через 24 часа [...] и т.д.»

Такого рода высказывания беззастенчиво эксплуатируют психологические страхи, возникшие вследствие Чернобыльской аварии 1986 года. На самом деле, единственное, что связывает Чернобыль и Хурагуа, – это российское происхождение реакторов. То, что Россия поставляет в Хурагуа реакторы, не имеет никакого принципиального значения для безопасности объекта, и это известно авторам заявлений, приведенных выше. Общеизвестно и подтверждено специалистами и официальными лицами ядерной промышленности и соответствующих международных институтов, что реакторы в Хурагуа (типа ВВЭР) имеют иную конструкцию и основаны на другой технологии, чем РБМК-1000, которые и привели к катастрофе в Украине.

Водо-водяные реакторы, которые планируется установить в Хурагуа, составляют 60% мирового реакторного парка. Первоначально это была технология американской компании *Westinghouse*, и ВВЭРы имеют более высокие параметры безопасности, чем старые советские РБМК.

В 1987 году существовало 18 действующих ядерных энергетических установок, расположенных на том же расстоянии от Кубы, что и кубинская АЭС от США. 35 реакторов, более 20 из которых имеют схожую технологию, работают, в том числе, в

Алабаме, Миссисипи, Джорджии, Теннесси, Северной и Южной Каролине и Флориде. АЭС, строящаяся в Сьенфуэгос, похожа, хотя и имеет меньшую мощность, на две АЭС, действующих во Флориде: Терки-Пойнт и Сент-Люси – обслуживаемые *Florida Power and Light*.

Удивительно, но когда в 1987 году Комиссия по ядерному регулированию США обнаружила реальные неполадки в работе некоторых АЭС в регионе, властями не было зафиксировано ни одного случая недовольства общественности, среди населения не распространялось никакой дополнительной информации, и никто не проводил слушаний в Конгрессе. Однако все эти шаги были предприняты, как только речь зашла о кубинской ядерной программе и Хурагуа!

За пределами региона, на АЭС *Пилигрим* в Массачусетсе было найдено столько дефектов, что на их исправление ушло 14 месяцев. Недостаточные меры обеспечения безопасности операторов АЭС в Пич-Боттом на юго-востоке Пенсильвании стали причиной семи взысканий, наложенных Комиссией по ядерному регулированию в 1984–1987 годах на сумму более полумиллиона долларов. В Секвойя, штат Теннесси, в начале 1987 года разлилось более 40 тыс. литров радиоактивной воды из-за открытия клапана. Из-за технических неполадок два реактора на этой АЭС не функционируют с 1985 года.

Не было никаких комментариев и по поводу истории с АЭС в Терки-Пойнт (ближайшей АЭС к Кубе, расположенной на юге Флориды), хуже которой в США просто нет, что в 1986 году признал и Конгресс. В марте 1987 года один из реакторов этой станции был закрыт из-за неисправности в клапане, служившем частью системы безопасности и предотвращения утечек радиации. Когда произошла авария, власти это проигнорировали.

В июле 1989 года журнал *Nuclear News* писал, что Комиссия по ядерному регулированию оставила реакторы 3 и 4 в Терки-Пойнт в категории 2 еще на три года. Эта категория присваивается блокам, чье функционирование по соображениям безопасности должно осуществляться под строжайшим наблюдением. По сообщению *Nuclear News*, чиновники комиссии предупредили, что повторное присвоение категории 2 будет фактически означать закрытие станции.

В марте того же года 24 сотрудника АЭС в Терки-Пойнт, имеющие лицензию на работу в качестве операторов, подверглись квалификационному тестированию. В результате, 11 человек совсем не справились с испытаниями или не смогли пройти часть тестов. Из шести экзаменационных групп, лишь три не провалились. Это привело к закрытию третьего блока до тех пор, пока проблема не будет решена.

Официально опубликованные данные не включают других известных фактов радиоактивного заражения местности и населения США, происходящего вследствие работы предприятий военно-промышленного комплекса, которые производят материал для ядерного оружия. Скрывают от общественности и результаты расследований и судебных процессов, проведенных военными в связи с вышеозначенными случаями загрязнения окружающей среды. Тем не менее, приведем лишь один из примеров. По информации одного из престижных американских журналов, публикуемого в Вашингтоне, в 1944–1969 годах девять реакторов в Хэнфорде подвергли радиоактивному заражению население обширной территории вследствие попадания значительного количества урана и плутония в реку Колумбия и через нее в Тихий океан.

Мы упомянули эти факты лишь для того, чтобы показать разницу в подходе США к кубинской ядерной программе, которая в худшем случае несет пока лишь теоретический риск ядерного взрыва или аварии, и отношением Вашингтона к собственной атомной промышленности и инцидентам, имевшим место на некоторых из 109 АЭС, расположенных на территории США.

Из этого можно сделать только один вывод. Критика США и других противников АЭС строится не на основе серьезных научных изысканий, а преследует геополитические и экономические цели.

Когда речь идет о технических аспектах, одним из наиболее распространенных аргументов, выдвигаемых США, является тезис о том, что АЭС в Хурагуа не соответствует западным стандартам безопасности, а его строительство осуществляется небрежно. Основное оборудование, якобы, устанавливается неадекватно, а в бетонированных трубопроводах есть внутренние дефекты.

Даже в докладе Счетной палаты США за 1992 год, основанном на «свидетельствах специалистов-ядерщиков, покинувших страну» (то есть кубинцев), утверждается, что конструкция сама по себе совершенна, однако изъяны, допущенные при строительстве, включая сварку, показывают, что кубинская инфраструктура ядерного регулирования не отвечает установленным требованиям.

Также подчеркивается, в стиле античных софистов и без детального знания проекта в Сьенфуэгос, что со стороны России отсутствуют высокие технологии для технического оснащения станции, а со стороны Кубы нет достаточно подготовленных операторов для работы на будущей АЭС.

Примечательно, что столь большое значение придается *свидетельствам* небольшого числа людей, называемых *экспертами*, чей опыт, реальный уровень информированности и профессиональную компетентность в этой сфере еще предстоит проверить.

То же можно сказать и в отношении философствующих ученых, никогда не имевших ни связи с практикой, ни знаний в конкретной области, ни прямого отношения к проектам на российских АЭС. Похоже, что у них нет доступа к значительному количеству точной информации о кубинской АЭС, поступающей из различных источников, включая высокопоставленных американских чиновников.

Несомненно, при строительстве АЭС были допущены определенные просчеты и не обеспечено надлежащее качество некоторых материалов. Ни одна работа не свободна от таких недостатков, тем более такой объект, как АЭС. Вот почему Кубой была введена столь жесткая система контроля над качеством, позволяющая обнаружить и исправить эти изъяны в ходе каждой стадии строительства и по их окончании. Именно так работает система безопасности в других странах и именно так она функционирует на Кубе.

Как и в случае с любым крупным строительным проектом (а АЭС, безусловно, попадает в эту категорию), ситуация на площадке меняется каждую неделю, а иногда и ежедневно. Единственным объективным способом оценки хода строительных работ является анализ документации, содержащей подробную историю проекта, включая

описание дефектов, путей их исправления и тех этапов, когда стройка консервировалась.

Технические данные о реакторах того типа, который планируется установить на АЭС в Хурагуа, содержатся в публикациях МАГАТЭ, посвященных действующим и строящимся станциям.

На различных семинарах по проблемам эксплуатации и обеспечения безопасности АЭС, в том числе, и на форуме в Рио-де-Жанейро в 1991 году, проведенном секцией Латинской Америки Американского ядерного общества, кубинские специалисты выдвинули подробные предложения по системе надзора за безопасностью ядерных объектов. Они также представили конкретные технические решения, принятые для повышения безопасности реакторов в Сьенфуэгос.

До сих пор лишь нежелание американского правительства согласиться на участие Кубы в таких мероприятиях препятствовало и препятствует серьезной и глубокой дискуссии по данной проблематике, в том числе и в самих США.

Интересным вопросом, достойным спокойного обсуждения специалистами двух стран, является различие в конструкторских подходах к созданию контейментов в России и США. В США их строят таким образом, чтобы они выдерживали давление до четырех килограммов на квадратный сантиметр конструкции. В России же структура контейментов такова, что в случае серьезной аварии система конденсации пара в реакторах не позволит давлению подняться выше 500 г/см² в верхней части зоны контеймента. Другие части контеймента при этом могут выдерживать давление до 2,5 кг/см², благодаря тем преимуществам, которые дает система конденсации пара.

Многие известные специалисты в области ядерной энергетики посещали объект в Хурагуа. Это и бывший Генеральный директор МАГАТЭ Ханс Бликс, и первый президент Всемирной ассоциации операторов АЭС американец Уильям Ли, и эксперты из Комиссии по ядерному регулированию США и из других стран. Все они, без исключения, публично заявляли о том, что получили благоприятное впечатление о качестве работ и используемых материалов и о квалификации персонала в Хурагуа.

Почему же американское правительство игнорирует всю эту информацию, выдвигая свои аргументы?

Поскольку шумные заявления США делаются при полном отсутствии фактических доказательств, не удивительно, что аргументы Вашингтона воспринимаются с недоверием и изумлением специалистами всего мира.

Конструкция модели реактора, предназначенной для работы в Сьенфуэго (ВВЭР-440 в сборке V-318), включает тройную систему безопасности для защиты в случае аварий, которая превышает требования, предъявляемые к реакторам этого типа. Каждый уровень имеет собственный источник электропитания, пульт управления и комплекс железобетонных контейментов, похожих на то оборудование, которое стоит на финской АЭС в Лависа, являющейся, по признанию специалистов, одной из наиболее безопасных и эффективных в мире.

Кроме того, имеются различные механизмы безопасности, включая дополнительную систему аварийного охлаждения активной зоны реактора, которой не требуется внешних источников энергии для начала работы. Конструкция АЭС также включает герметичные проходы, пассивную и активную систему снижения давления.

Чтобы гарантировать целостность содержимого контеймента, существует система, смешивающая водород и препятствующая формированию взрывоопасной концентрации этого вещества, а также другие механизмы, включая автоматические средства тушения пожаров.

По мнению специалистов МАГАТЭ, проводивших в начале девяностых годов исследования на 10 блоках модели 230 в России, Болгарии и бывшей Чехословакии, отрицательные аспекты модели были почти полностью устранены при создании V-318. Для прежнего поколения реакторов были характерны низкий уровень разделения при отсутствии автономности и физического разложения и недостаточно совершенная система контрольно-измерительной аппаратуры.

Эксперты МАГАТЭ обнаружили также проблемы, связанные с возможностью локализации аварии: определенное количество охладителя терялось при защите от пожара и изоляции главной паровой линии, где в

результате аварии могло произойти внезапное переохлаждение главной цепи с последующим нарушением физической целостности реактора.

Реакторы типа V-318 основаны на более передовой технологии, чем модели V-230 и V-213, которые установлены на АЭС бывших социалистических стран, и чем те типы реакторов, которые успешно и безопасно работают в Венгрии и Финляндии.

На самом деле, модель реактора для кубинской АЭС, по сути, имеет довольно консервативную конструкцию, что характеризуется, в том числе, устройством активной зоны, низкой плотностью энергии, высоким водным балансом первого и второго контуров и низкой температурой топлива. Более того, реактор имеет две абсолютно независимые друг от друга турбогруппы, расположенные поперек машинного отделения. Это означает, что тяжелые объекты, которые могут разлететься по машинному отделению в случае аварии, не смогут достичь зоны реактора. Кроме того, есть циркуляционные витки, которые могут быть изолированы с помощью клапанов-выключателей, а также система извлечения остаточного тепла с помощью парогенераторов, основанных на физическом принципе естественного циркулирования.

Установка сконструирована таким образом, чтобы выдерживать землетрясения силой шесть баллов и даже длительные подземные толчки силой до восьми баллов по шкале MSK.

Те недостатки первого поколения реакторов ВВЭР, о которых упоминалось в докладе МАГАТЭ и которые остались в модели V-318, относятся не столько к самому реактору, сколько к анализу аварийных ситуаций, подготовке персонала и планам на случай чрезвычайных происшествий. В настоящее время эти вопросы изучаются, чтобы принять технические и организационные меры для исправления этих недостатков при осуществлении проекта в Хурагуа.

Что касается Всемирной ассоциации операторов АЭС, она выдвинула 48 различных предложений по повышению безопасности реакторов ВВЭР. По мнению специалистов, работающих над проектом в Хурагуа, 17 из этих предложений уже полностью учтены, 11 учтены частично, а над внедрением еще десяти сейчас думают. Все они будут реализованы до

запуска первого кубинского энергоблока, что говорит о высокой технологичности и современности проекта.

Контроль над химическим составом воды, используемой в рефрижераторных цепях реактора, также является крайне важным фактором, который в полной мере учитывается. Были проведены активные исследования по установлению состава используемой воды и технологии обращения с ней, с целью снизить коррозию и отложение солей на металлических трубах. Внимание к этой проблеме и ее эффективное решение помогут повысить эффективность работы АЭС и уменьшить количество перерывов, возникающих по техническим причинам.

В этой связи не следует забывать о ряде других элементов реактора в Хурагуа, от которых зависит безопасная работа АЭС: о системе контрольно-измерительной аппаратуры, которую поставит престижная западная компания.

Общественность информирована о состоянии всех технических компонентов, гарантирующих безопасность проекта и оборудования. Они прошли проверку западных специалистов, известны американским экспертам и официальным структурам США, которые получили копии документации по проекту в Хурагуа от соответствующих ведомств бывшего СССР в конце восьмидесятых годов.

Необходимо сказать несколько слов и о персонале станции. Помимо 1400 ученых и 1000 технических специалистов, подготовленных в рамках ядерной программы в университетах Кубы и зарубежья для обеспечения безопасной и эффективной работы АЭС, за последние 12 лет в разных странах, включая западные государства, было подготовлено еще около 800 специалистов. Среднее время подготовки специалиста для работы на ядерных объектах составляет полгода, и они занимались эксплуатацией станций, похожих на ту, которая строится на Кубе.

Во время расцвета программы около 10 тыс. рабочих были обучены строительным специальностям. Прежде всего, это касается сварщиков, которые прошли жесткий процесс отбора на национальном уровне и получили сертификаты на проведение соответствующих работ, как того требует международная практика.

352 тыс. кубометров цемента, воды и бентонита были израсходованы на создание прочного фундамента для реакторов. Для насосного отделения, представляющего собой самую нижнюю часть фундамента, потребовалось соорудить известковый занавес из смеси в 42 м глубиной для соблюдения строительных стандартов и нормального функционирования АЭС.

Расположение реактора на высоте 17 м над уровнем моря – это дополнительная мера безопасности. Передний резервуар насосного отделения устроен таким образом, чтобы в случае цунами генераторы и реакторы могли бесперебойно получать воду в течение получаса. Считается, что этого времени достаточно для того, чтобы адекватно среагировать на ЧП.

Здание для реактора имеет цилиндрическую форму, купол и монолитные стены толщиной в полтора метра, что также отвечает требованиям безопасности. 99 тыс. кубометров бетона были использованы при строительстве этого здания. Передняя часть здания может выдержать внешнюю ударную волну с давлением в $0,3 \text{ кг/см}^2$, а также падение самолета весом в 20 т и скоростью 200 м/с.

Каждый участок строительства имеет соответствующую документацию, в которой отражено качество выполненных работ, подтвержденное специалистами и лабораториями.

Важно подчеркнуть, что в соответствии с национальным законодательством и действующими международными процедурами осуществляется лицензирование важных работ в рамках проекта. При выдаче лицензий органы кубинского государственного контроля учитывают, что для надлежащего выполнения работ, касающихся безопасности объекта, необходима подготовительная деятельность, включающая получение разрешений и специальное согласование.

В качестве процедур, регулирующих этот процесс, Куба приняла нормы, устанавливаемые соответствующими документами МАГАТЭ: следовательно, процесс лицензирования в Хурагуа идет в русле принятой международной практики.

Он также включает в себя проверку условий безопасности соответствующими

международными организациями, которые определяют уровень безопасности АЭС перед тем, как разрешить ее ввод в эксплуатацию. Чтобы гарантировать качество используемого оборудования и материалов, осуществляются строгий контроль и сертификация на фабриках, проверки документации на местах, лабораторные испытания.

Качество работы систематически контролируется согласно имеющимся правилам техники безопасности. Сооружения, где были обнаружены дефекты, ремонтируются, а некоторые даже разрушаются и перестраиваются заново для обеспечения надлежащего качества.

В сентябре 1992 года, когда работы были приостановлены из-за финансовых трудностей после распада СССР, была разработана рабочая программа для сохранения и поддержания в хорошем состоянии построенных зданий, установленного и находящегося на хранении оборудования. Программа была реализована с учетом международной практики и при согласовании с основным поставщиком.

Кроме того, вся имеющаяся документация была изучена и обновлена, были завершены проекты по обеспечению водонепроницаемости объектов, отделения АЭС были запгерты и законсервированы, как того требовал первоначальный проект станции.

К середине 1995 года строительство первого блока было завершено на 75%, механическая сборка – на 20%, а электрические работы – на 17%. Гражданские работы по сооружению реактора сегодня закончены на 90%, и сеть вспомогательных объектов готова к эксплуатации.

К концу 1992 года правительства Кубы и РФ договорились о поиске третьего партнера для обеспечения финансирования, необходимого для завершения проекта.

Безусловно, подключение одной или нескольких престижных западных компаний к проекту для обеспечения финансирования и притока современных технологий укрепило бы внутри Кубы и за ее пределами уверенность в том, что строительство АЭС будет завершено в соответствии с приемлемыми стандартами, и станция будет безопасно эксплуатироваться.

С этой целью готовится технико-экономическое обоснование для АЭС. По прогнозам специалистов, после возобновления работ в Хурагуа потребуется около четырех лет для начала производства электроэнергии.

Технология АЭС не устарела, но может быть улучшена, благодаря прямому участию крупных западных компаний. Несмотря на существующие различия в типах топлива и конструкции реактора, компания *Вестингауз* участвовала в поставках топлива и других компонентов для Темелинской АЭС в Чехословакии. На ней стоят похожие с кубинскими реакторы, которые относятся к более старшему поколению энергетических установок.

При благоприятных условиях эта компания, учитывая ее опыт и потенциал в этой области, могла бы также подключиться к проекту создания кубинской АЭС. Возможно, ее участие лишило бы США аргументов о ненадлежащей безопасности объекта, и две страны согласились бы, что функционирование АЭС на Кубе принесет множество экономических и практических преимуществ.

Невозможно понять суть ожесточенной полемики вокруг Хурагуа, если стоять лишь на научных позициях. Критические замечания, высказываемые в адрес кубинской АЭС, носят явный политический характер.

Одной из главных причин оппозиции кубинским планам стало неучастие Кубы в ДНЯО и Договоре Тлателолко. Наверное, будет оправданно сосредоточиться на проблеме присоединения к Договору Тлателолко, учитывая, что Куба тоже член американского сообщества наций, а договор преследует почти те же цели, что и ДНЯО.

Договор Тлателолко был разработан и подписан после Карибского кризиса 1962 года. В нем излагаются опыт и приоритеты шестидесятых годов. Однако за последние десятилетия произошли серьезные изменения в научно-техническом развитии Латинской Америки, в том числе создание промышленного потенциала Бразилией и Аргентиной и разработка ядерных программ на Кубе и в Мексике. Несмотря на кардинально иной геополитический контекст, дух Договора Тлателолко всегда соответствовал стремлению Кубы развивать латиноамериканскую интеграцию и стремиться к мирному использованию ядерной

энергии. Это позволило Гаване подписать соглашение в апреле 1995 года².

По той же причине Куба подписала в начале восьмидесятых годов соглашение о гарантиях с МАГАТЭ, распространявшееся на будущую АЭС. Все инспекции объекта в Хурагуа, запланированные этим документом, были осуществлены. Инспектора установили, что меры по защите и хранению, предписанные МАГАТЭ, были приняты и принимаются. Также инспекциями были сертифицированы технические характеристики конструкции.

Опасения США по поводу нераспространения и угрозы *Карибского Чернобыля* основаны на поверхностных критериях и не имеют профессионального технического обоснования. США выдвинули эти ложные аргументы и заняли беспрецедентную позицию с точки зрения международного права. Вашингтон требует, чтобы строительство АЭС в Хурагуа не было завершено. США используют все свое влияние на союзников и, что невероятно, намекают на применение, в крайнем случае, военной силы.

Вашингтону не выгодно провоцировать несуществующую пока ядерную панику, поскольку она может перерасти в атомную паранойю в рамках территории самих США.

Превращение АЭС с еще непонятным будущим в центральный момент двухсторонней конфронтации вряд ли соответствует интересам обоих государств.

Теперь, когда ложность американских установок понятна, становится очевидно, что вызваны они отнюдь не озабоченностью о безопасности АЭС или фактически смехотворным предположением о стремлении Кубы создать ядерное оружие. То, что Вашингтон выступает против АЭС на Кубе, является естественным продолжением политики блокады и имеет экономические причины.

Если АЭС начнет работу, то национальная энергетическая система Кубы получит 417 МВт, а это удовлетворит 15% энергетических потребностей кубинской экономики уже в первый год функционирования станции. Энергия АЭС будет обходиться дешевле и заменит импорт 600 тыс. т нефти. Это будет также означать стабильность для энергетической системы и позволит возродить важные энергоемкие производства.

Практически исчерпан потенциал производства электроэнергии на основе ископаемого горючего. Лишь на немногих кубинских ТЭС могут быть сооружены дополнительные блоки мощностью 100–250 МВт. Кроме того, любая реконструкция такого рода лишь увеличит зависимость от поставок нефти из-за рубежа и потребует значительных финансовых вложений.

Поэтому было бы абсурдом игнорировать те возможности, которые дает Кубе АЭС. В строительстве станции было вложено уже много ресурсов, в ближайшем будущем можно ожидать до 800 МВт электроэнергии, а потенциал АЭС позволяет ей производить до 1700 МВт.

Бессмысленно со стороны Вашингтона заниматься активной пропагандой с целью прекращения работ в Хурагуа, когда у Кубы нет для этого ни технологии, ни нормального финансирования. Можно понять, что в условиях экономической депрессии и жесткого эмбарго Кубе трудно изыскать сотни миллионов песо для завершения строительства АЭС.

Будущее АЭС в Хурагуа и кубинской ядерной программы зависит от позиции США, которые используют в отношении Кубы тактику экономического шантажа последние 40 лет. АЭС в Хурагуа стала призом в ядерной игре. Что касается России, станция является потенциальным источником прибыли для ее атомной промышленности, но масштабные вложения также означают значительные потенциальные потери. Конечно, не будь блокады, Куба стала бы рынком для атомной промышленности США, которая окажется в проигрыше, если АЭС в Хурагуа будет построена конкурентами. Станция – это приз и для атомной промышленности многих других стран, которые также обсуждали возможности сотрудничества, но дальше разговоров не пошли из-за давления США.

Очевидны и противоречия: пока все это продолжается, США провели переговоры и профинансировали полномасштабную многомиллиардную программу в области атомной энергетики для Северной Кореи. США даже субсидируют поставки нефти, осуществляемые в период становления программы. Нет нужды говорить о том, что технологии также предоставлены американскими корпорациями.

Для Кубы ядерная энергетика – это не только безусловная необходимость; в конце концов, по любым меркам международного права и обычая Куба имеет на это право. Атомная энергетика предполагает создание промышленной, организационной, технической и кадровой базы, что, в свою очередь, оживит развитие различных секторов кубинской экономики. Кроме того, ядерная энергетика является движущей силой повышения уровня научно-технического потенциала и качества подготовки разного рода специалистов. Это уже доказано международным опытом.

Куба прошла долгий путь в области ядерных технологий. Ее деятельность получила заслуженное признание и уважение всех международных организаций в этой области. Кубой был создан достаточный интеллектуальный базис для движения вперед. Она почти наполовину завершила сооружение своей первой АЭС в соответствии со всеми международными стандартами и правилами. Параметры конструкции реакторов и качество строительных работ даже превышают некоторые характеристики, которые имеют АЭС, действующие на территории США.

Единственным серьезным требованием для завершения Кубой ее ядерной программы

является финансирование. Разве можно сомневаться в том, что проект АЭС в Хурагуа получил бы достаточно средств, не будь давления со стороны США? Нет сомнений и в том, что, не вводя Вашингтон ограничений на контакты с Кубой исключительно по геополитическим соображениям, предприятия атомной промышленности США уже боролись бы за место на кубинском рынке.

Для Кубы освоение ядерной энергии и других методов мирного использования атома является необходимым элементом развития. Ядерная энергия в будущем станет *обычной* энергией.

Энергетика XXI века, основанная на новом поколении тепловых реакторов, термоядерных реакторов и реакторов на быстрых нейтронах, будет предъявлять более высокие требования. Те, кто сегодня не начнет создавать кадровую и материальную базу для использования и развития ядерных технологий, не сможет преодолеть колоссальный технологический разрыв в будущем. ■

¹В основе статьи лежит глава из книги. Печатается с любезного разрешения автора. Перевод © ПИР-Центр.

²Договор Глателолко Кубой еще не ратифицирован. – Ред.

Сообщения**ОБ ОБЩЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНСОРЦИУМА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

6–10 сентября в Кентербери (Великобритания) прошли 1-я общая конференция Европейского консорциума политических исследований и 4-я конференция по международным отношениям.

Европейский консорциум политических исследований – одна из наиболее крупных и авторитетных ассоциаций, объединяющих европейских ученых, занимающихся теоретической и прикладной политологией. В консорциум входит несколько десятков учебных заведений и исследовательских организаций из разных стран Европы.

Обе конференции собрали более тысячи участников, которые обсудили современные

проблемы мирового и регионального политического развития, определили дальнейшие направления совершенствования политической теории и предложили ряд конкретных рекомендаций по актуальным проблемам современности (вооруженные конфликты, политика и СМИ, расширение ЕС и дилеммы безопасности и прочие).

ПИР-Центр на конференциях представлял научный сотрудник Дмитрий **Поликанов**, который выступил с докладами о позиции России по вопросам европейской безопасности и о деятельности гуманитарных организаций в условиях конфликта.

О МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИНТЕРНЕТ ДЛЯ ВСЕХ – РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В СЕТИ»

20–21 сентября в Берлине состоялась международная конференция «Интернет для всех – равные возможности в сети» (Internet for All – Equal Opportunities on the Net), организованная министерством экономики и технологий Германии и Академией Бурда за третье тысячелетие (Burda Academy of the Third Millennium).

На конференции обсуждались проблемы максимального использования положительных

аспектов быстрого развития информационных технологий, место Германии в глобальной информационной революции, а также пути и способы преодоления цифрового разрыва и адаптации к новым условиям наиболее уязвимых групп населения.

ПИР-Центр на конференции представлял научный сотрудник Дмитрий **Поликанов**.

О ЕЖЕГОДНОЙ СЕССИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МАГАТЭ

17–21 сентября Председатель Совета и старший советник ПИР-Центра Роланд **Тимербаев**, являющийся консультантом МАГАТЭ, принимал участие в ежегодной сессии Генеральной конференции Агентства в Вене (Австрия).

В центре внимания были вопросы укрепления безопасности АЭС и других атомных объектов на случай возможных нападений на них агентов международного терроризма. Руководитель российской делегации РФ глава Минатома Александр **Румянцев** призвал к объединению усилий международного сообщества в борьбе с терроризмом.

Александр Румянцев также провел двусторонние встречи с новым министром энергетики США Спенсером **Эйбрахамом** (Spencer Abraham) и руководителями атомных ведомств ряда других государств. Генконференция приняла в члены Агентства Югославию и Ботсвану. После сдачи ими грамот о ратификации Устава МАГАТЭ число членов Агентства возрастет до 135. Было утверждено решение Совета управляющих о назначении Мохамеда **Эльбарадя** (Mohamed ElBaradei) Генеральным директором Агентства на очередной четырехлетний срок.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГНЦ ВБ ВЕКТОР¹

Вектор был создан в 1974 году как Всесоюзный научно-исследовательский институт молекулярной биологии. Его задача состояла в фундаментальных и прикладных исследованиях высокопатогенных вирусных объектов, в том числе малоизученных вирусов Марбурга, Эбола, Ласса, отнесенных к потенциальным агентам биологического оружия. Цель состояла в оценке потенциальной опасности этих агентов и разработке средств диагностики, профилактики и лечения. Были созданы уникальные лабораторные корпуса высшего уровня биологической безопасности. В 1990 году в Центре работало свыше четырех тысяч сотрудников, в том числе более 250 кандидатов и докторов наук. В советский период Центр полностью финансировался из федерального бюджета и практически только приступил к организации производства. Общение с зарубежными учеными было ограничено, в том числе участие специалистов *Вектора* в зарубежных конференциях и публикаций за рубежом.

С 1989 года стала очевидной необходимость реструктуризации Центра, чтобы адаптировать его к новой экономической ситуации и значительному снижению федерального финансирования. Была разработана программа перспективного развития, предусматривающая резкое усиление исследований инфекционных заболеваний важных для здравоохранения и ветеринарии – ВИЧ, клещевого энцефалита, гепатитов А и В, кори и др., разработка диагностикумов, вакцин и противовирусных препаратов, а также организации производства диагностических, лечебных и профилактических препаратов. В 1993 году *Вектор* получил статус Государственного научного центра (ГНЦ). Началось бюджетное финансирование НИОКР по государственным гражданским программам.

В настоящее время *Вектор* – это научный центр, в составе которого шесть научно-исследовательских институтов. Процесс реструктуризации проходил очень тяжело, так как экономическая ситуация в России, особенно скачки курса рубля в 1994, 1996 и 1998 годах оказали разрушающее воздействие на науку. Численность работающих снизилась более чем в два раза (сейчас в *Векторе* 1887 работающих, из них 715 – в научных подразделениях и 700 человек – в производстве). Более 50 наших молодых

ученых в 1993–1998 годах выехало за рубеж и успешно работают в престижных научных центрах США, Канады, Франции, Италии, Австралии и Швеции.

Тем не менее, *Вектору* удалось сохранить научный потенциал и развернуть производство. За эти годы резко изменилась структура доходов *Вектора*. Если в 1990 году 78% средств поступали из федерального бюджета, то в 2000 году 77% от общего дохода составила реализация произведенной нами продукции.

Немалую роль в переориентации *Вектора* на программы здравоохранения и сельского хозяйства сыграла международная поддержка. В 1992 году был создан Международный научно-технический центр (МНТЦ), как программа в области нераспространения для СНГ. Этим же целям отвечают Фонд гражданских исследований и развития США (CRDF), учрежденный Национальным научным фондом (NSF) в 1995 году, а также программа Новые независимые государства – программа промышленного партнерства (NIS-IPP) или Инициатива по предотвращению распространения (IPP), которая реализуется через министерство энергетики США и консорциум *Промышленная коалиция США* (USIC).

В 1995–2000 годы нами было выполнено 29 проектов, в том числе 15 проектов по линии МНТЦ. Сегодня выполняются 26 проектов, из них для МНТЦ – 23 проекта. К концу девяностых годов эти проекты стали играть заметную роль в нашем бюджете. В 1998 году их вклад составил 30% от российского финансирования. Но в 2000 году финансирование по этим программам в два раза превысило финансирование из бюджета России. На сегодня заключены контракты на сумму 9,9 млн долл., из которых 9,6 млн долл. приходится на проекты МНТЦ. Трудно переоценить значение МНТЦ. Эта организация сумела решить многие сложные бюрократические проблемы, обеспечила эффективное доведение выделенных средств непосредственно до участников проектов и контроль над их целевым использованием. Велика заслуга МНТЦ в интеграции нашего института в мировое научное сообщество. Сотрудники *Вектора* при поддержке МНТЦ участвовали в десятках зарубежных конференций, выезжали за рубеж к своим

коллегам. Это позволило создать на *Векторе* атмосферу доверия и открытости, что крайне важно для ученых. Мы сохранили связи и с учеными СНГ, и других регионов России. Благодаря поддержке извне, наши ученые могут проводить исследования на современном оборудовании и материалах, использовать новейшие методики и получать результаты мирового уровня.

Внешние гранты позволили разработать технологии производства вакцины против гепатита А и диагностикума на описторхоз. Завершается разработка пероральной вакцины против кори и вакцины против гриппа. Это позволило развернуть производство на базе дочерних предприятий *Вектор-Фарм* и *Вектор-БиАльгам*.

Есть пожелания в адрес руководителей фондов и ответственных за работу с ними с российской стороны. Как правило, выделяемые средства не могут использоваться для энергообеспечения и текущего ремонт, а уровень накладных расходов не должен превышать 10%. Кроме того, эти расходы оплачиваются выплачиваются только после завершения проекта. Таким образом, в период выполнения работы организация не располагает ресурсами и часто не в состоянии поддержать инфраструктуру и вспомогательный персонал. Эта проблема может быть решена увеличением доли накладных затрат хотя бы до 20% и поквартальной выплатой накладных.

Есть проблемы в системе экспертизы проектов зарубежными экспертами и в получении обязательной для МНТЦ и CRDF государственной поддержки проектов с российской стороны. Продолжительность проектов, как правило, не превышает двух лет, и при длительной экспертизе (6–10 месяцев) нельзя обеспечить своевременное оперативное продолжение исследований по новому проекту.

Необходимо улучшить обеспечение исследований оборудованием и материалами, приобретаемыми МНТЦ по тендеру. Несвоевременная поставка срывает графики проведения работ. В американской печати говорилось, что исследования по грантам слабо координированы и хаотичны. С этим нельзя согласиться. Работы представлялись каждым российским институтом самостоятельно, а зарубежные эксперты оценивали качество каждой работы в отдельности. Но в этом нет вины ISTC, CRDF

или IPP. В последние годы координация проектов резко улучшилась благодаря введению так называемых партнерских проектов. Так, сегодня МНТЦ инициировал партнерские проекты с Минздравом США (BTEP, FETP), Минсельхозом США (ARS USDA), Минобороны США (DTRA, DARPA). В этих проектах партнером и российским институтом формулируются приоритетные цели и задачи, под которые и готовятся проекты. В этой связи упомяну программу BTEP, посвященную исследованию инфекций, имеющих большое значение для здравоохранения, в том числе ВИЧ/СПИД, лекарственно устойчивые формы туберкулеза, гепатиты, корь и исследование вируса оспы. Разработка диагностики и лечения последней имеет особое значение для противодействия биотерроризму.

Целенаправленными являются работы, планируемые по программе CTR по приведению инженерных систем охраны и биологической безопасности корпусов высшего уровня защиты на *Векторе* в соответствие с современными требованиями. Проводится большая работа по приведению в соответствие со стандартами GLP работы с лабораторными животными и приведению в соответствие со стандартами GMP производственных корпусов в дочерних предприятиях Центра.

Тем не менее, американской и российской сторонам необходимо найти согласованное решение о будущем каждого объекта, вызывающего озабоченность. Важно ясно представлять себе, что будет создано в результате наших усилий во имя нераспространения и совместного снижения угрозы, какие проекты необходимы для достижения этих целей. Мы договорились с коллегами из программы Совместного уменьшения угрозы о подготовке долгосрочного плана стратегического развития *Вектора*. Его главная цель – превращение его в эффективное, устойчивое в финансовом плане предприятие. Конечно, это потребует соответствующих согласований на уровне правительств России и США.

Мы крайне серьезно относимся к замечаниям, касающимся возможного использования российскими институтами американской помощи для запрещенной деятельности. Такая озабоченность выражена Главным бюджетно-финансовым управлением при Конгрессе США (GAO), Стимсоновским центром (*Henry L. Stimson Center*) и рядом других

организаций. Эти предположения не доказаны. Но принципиально изменить ситуацию можно лишь, если получающий средства институт работает в режиме международного доверия и прозрачности. В последние годы мы обсуждали эту проблему с представителями госдепартамента США, DTRA, DHHS и российскими официальными лицами. В настоящее время мы завершаем подготовку проекта МНТЦ «Концепция международного центра по возникающим и повторно возникающим инфекциям». Под таким международным центром понимается международная организация, создаваемая межправительственным соглашением по типу МНТЦ, Объединенного института ядерных исследований (Россия), ЦЕРН (Швейцария) или Международного центра геномной инженерии и биотехнологии (Италия). Задачи нераспространения и снижения угрозы могут быть решены только посредством обеспечения *прозрачности* и мер доверия, когда международный центр функционирует на основе свободного доступа к программам и результатам работ, финансовой информации, всем сооружениям и персоналу центра. Обязательно постоянное участие иностранных ученых в работе центра, что является мощным фактором доверия. Поэтому включение в состав международного центра сооружений с высоким уровнем защиты и необходимых вспомогательных служб является обязательным для устранения подозрения в запрещенной деятельности.

Процедура организации международного центра сложна, ее реализация требует нескольких лет. Но такая структура обеспечивает долгосрочное стратегическое сотрудничество, сравнительно слабо подверженное влиянию политической и экономической конъюнктуры. Международные усилия ускорят изучение опасных патогенов, создание современных систем диагностики, профилактики и лечения для нужд здравоохранения.

Актуальность международного режима работы при изучении патогенных микроорганизмов

определяется не только политическими соображениями. Сегодня осознана опасность инфекционных заболеваний. Природа ведет с нами постоянную биологическую войну. Ее выиграть невозможно, а обеспечить безопасность человечества можно только общими усилиями всех стран. В последние 20 лет возникло более 30 новых инфекционных заболеваний: ВИЧ, вирусы Марбурга, Эбола, болезнь Легионеров, лекарственно устойчивые формы туберкулеза и многие другие. Смертность от инфекционных заболеваний составляет около 30% от всей смертности в мире, эта доля в последние годы растет. Инфекции не знают границ, не различают богатых и бедных. Необходим мониторинг за инфекционными вспышками по всему миру. Идею создания в этих целях специальных региональных центров уже давно высказывал известный ученый Дональд Гендерсон. Детальные предложения разрабатываются ВОЗ, в том числе программа Стратегического альянса против инфекционных болезней (Alliance Against Infections Diseases). Концепция международного сотрудничества в изучении патогенов была разработана в 1997 году Национальной академией наук США под руководством Джошуа Ледерберга и Джона Стейнбруннера, но не получила финансовой поддержки.

Создание международного центра позволит также создать потенциал для борьбы с биотерроризмом. Важно обеспечить особый режим обращения с инфекционными агентами и научными результатами, препятствующий использованию их для запрещенной деятельности. Это качественно новый шаг в реализации соглашений о совместном снижении угрозы, и этот подход может быть использован и на других объектах.

Лев Сандахчиев,
Генеральный директор ГНЦ ВБ *Вектор*

¹Выступление, на Политическом Форуме-2001, 22-27 марта 2001 г., Атланта, США.

Новости ПИР-Центра

3 октября ПИР-Центр провел пресс-конференцию на тему «Информационные вызовы национальной и международной безопасности» в пресс-центре МИД РФ. В рамках пресс-конференции состоялась презентация книги с одноименным названием, изданной ПИР-Центром.

В пресс-конференции приняли участие директор ПИР-Центра, к.п.н. Владимир **Орлов**; главный научный сотрудник Института системного анализа, д.т.н. Виталий **Цыгичко**; к.ф.-м.н., член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра Александр **Федоров**.

На пресс-конференции присутствовали представители российских и зарубежных СМИ, включая ВГТРК, РЕН-ТВ, РИА *Росбизнесконсалтинг*, *Наше Радио*, Радио *Голос России*, Радио *Маяк*, Немецкое телевизионное агентство *ДФА*, *Эль Паис*, *Харх* (Греция), *Киодо Цусин*, *Гуамин Жибао*, представители МИД России, Минобороны России, СВР России, посольств Аргентины, Болгарии, Гватемалы, Дании, Литвы, Марокко, Нигерии, ОАЭ, Перу, Польши, Румынии, Узбекистана, Украины, Финляндии, Швейцарии, Эстонии, а также Института Дальнего Востока, Института системного анализа, Института философии, МИФИ, Московского Центра Карнеги, ПИР-Центра, РИСИ, Российского комитета «Врачи мира за предотвращение ядерной войны», ФЭИ, Центра по разоружению, энергетике и экологии, *NAC-International*.

«Несмотря на то, что книга была отдана в печать еще до трагических событий в Вашингтоне и Нью-Йорке, в ней есть предчувствие того, что на первый план сейчас выходят новые вызовы международной безопасности. Среди них наиболее острыми являются проблемы информационной войны, информационной безопасности, проблемы терроризма, в том числе кибертерроризма», – заявил Владимир Орлов в своем выступлении.

Он также отметил, что «в книге, изданной ПИР-Центром на русском и английском языках, впервые в российской и зарубежной литературе технические и международно-правовые аспекты проблемы информационной безопасности рассматриваются в совокупности».

По словам Виталия Цыгичко «информационная революция коснулась практически всех отраслей народного хозяйства, всего общества. Проблема информационной безопасности оказалась непрерывно связана со всеми другими аспектами безопасности, в том числе личной безопасностью, безопасностью государства и общества».

«Информационное оружие, которое только сейчас появляется и развивается, – по мнению члена Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра Виталия Цыгичко, – может стать даже более опасным оружием, чем ядерное. Если применение ядерного оружия не всегда может адекватно ответить на какой-то вызов и грозит многочисленными человеческими жертвами, то ситуация с информационным оружием совершенно иная. Информационное оружие может действовать избирательно, оно может быть применено через трансграничные связи, что может сделать невозможным выявление источника атаки. Поэтому информационное оружие может стать идеальным средством для террористов, а информационный терроризм может стать угрозой существованию целых государств, что делает вопрос информационной безопасности важным аспектом национальной и международной безопасности, и роль этого аспекта будет только усиливаться».

«Опасность от использования информационных средств одинаково опасна и одинаково велика как для высокоразвитых стран, так и для стран со слаборазвитой инфраструктурой», – отметил в своем комментарии Александр Федоров.

В книге «Информационные вызовы национальной и международной безопасности», авторами которой стали сотрудники Совета Безопасности России, СВР России, ФСБ России, МИД России, МВД России, Генерального штаба Вооруженных сил России, а также ряда институтов РАН, показано, что такое информационное оружие, какие виды информационного оружия существуют, как оно может быть применено, что оно меняет в военном деле и к каким последствиям его применение может привести. Издание открывается обращениями к читателям известных российских политических деятелей – первого заместителя секретаря Совета Безопасности Владислава

Шерстюка, заместителя министра иностранных дел Георгия **Мамедова**, председателя комитета Государственной Думы по международным делам Дмитрия **Рогозина**.

За дополнительной информацией о проекте ПИР-Центра «Информационные вызовы национальной и международной безопасности», пожалуйста, обращайтесь к младшему научному сотруднику ПИР-Центра Дмитрию **Ковчегину** по телефону 234-0525, факсу 234-9558 или электронной почте kovchegin@pircenter.org. По вопросам приобретения книги просьба обращаться к помощнику директора ПИР-Центра Владимиру **Силуянову** по телефону, указанному выше, или по электронной почте silyanov@pircenter.org.

***

8 ноября состоялась встреча директора ПИР-Центра **Владимира Орлова**, Председателя Совета ПИР-Центра **Роланда Тимербаева** и заместителя директора ПИР-Центра **Юрия Федорова** с бывшим министром обороны США **Робертом Макнамарой (Robert Macnamara)** и бывшим исполняющим обязанности директора Агентства по контролю над вооружениями и разоружению США, ныне президентом Союза юристов за международную безопасность (*Lawyers Alliance for World Security*) **Томасом Грэмом (Tomas Graham)**.

В ходе встречи обсуждались военно-политическая ситуация, складывающаяся в мире после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне и начала операции возмездия США против режима *Талибан* в Афганистане.

Было подчеркнуто, что между Россией и Западом складывается новый политический климат, благоприятный для решения проблем, осложнявших отношения России с США и НАТО в последние годы. Эти позитивные сдвиги обусловлены, главным образом, решением президента **Владимира Путина** о поддержке Россией международной антитеррористической коалиции.

Обсуждая современную военно-политическую обстановку, участники встречи обратили внимание на опасность дестабилизации обстановки в Пакистане и необходимость обеспечения безопасности пакистанских ядерных вооружений.

Участники встречи пришли к выводу о необходимости воспользоваться новой ситуацией в отношениях России и ведущих западных государств для конструктивного поиска решений сложных вопросов, связанных с договором по ПРО и американской программой создания национальной противоракетной обороны.

***

9 октября состоялось заседание Клуба ПИР-Центра на тему: «**Международный терроризм, Россия и новые вызовы безопасности**». С докладом на тему «Международный терроризм, Россия и новые вызовы безопасности» выступил председатель коллегии военных экспертов, академик **Михаил Креймер**. С комментариями к докладу выступил сотрудник ПИР-Центра доктор **Дмитрий Евстафьев**. После доклада состоялось оживленное обсуждение идей, изложенных докладчиками, в котором приняли участие присутствующие советники и первые секретари посольств Австралии, Италии, Нидерландов, Польши, США, Турции, а также руководители российских представительств крупных западных компаний и научные сотрудники ПИР-Центра.

В ходе обсуждений была сформулирована идея о том, что проблема международного терроризма не может быть решена одними лишь военными средствами. Для действительно эффективной борьбы с международным терроризмом должна быть создана система эффективного взаимодействия всех цивилизованных государств, предусматривающая скоординированные меры экономического, политического, религиозного и военного воздействия для пресечения деятельности террористических организаций. Роль международных организаций и, в первую очередь, Совета Безопасности ООН как координирующего международного органа в этой борьбе должна быть существенно повышена. Необходимо, в первую очередь, искать и устранять экономические причины возникновения терроризма.

ПИР-Центр продолжит исследовательскую работу по данной актуальной проблеме.

Заседание Клуба прошло в форме рабочего завтрака в отеле *Аврора Марриотт*.

За дополнительной информацией о Клубе ПИР-Центра и об условиях членства в нем, пожалуйста, обращайтесь к помощнику

директора ПИР-Центра Владимиру **Силуянову** по тел.: 234-0525 или по электронной почте: silyuanov@pircenter.org.

***

17 октября в ПИР-Центре состоялось очередное заседание из серии «Научные Среды» на тему «Группа ядерных поставщиков: текущее состояние и перспективы дальнейшей деятельности». Во встрече приняли участие сотрудники ПИР-Центра **Роланд Тимербаев**, **Василий Лата**, **Дмитрий Ковчегин**, **Антон Хлопков**, **Андрей Беляков** (МИД России), **Марина Беляева** и **Сергей Кручинин** (Минатом России), **Михаил Тыманюк** (министерство экономического развития и торговли Российской Федерации), **Элина Кириченко** (ИМЭМО), **Андрей Зобов** (Московский центр Карнеги), **Владимир Новиков** (РИСИ).

На встрече были обсуждены проблемы сегодняшней деятельности и перспективы дальнейшего развития Группы ядерных поставщиков. Участники встречи также обсудили различные аспекты контроля за экспортом чувствительных товаров и технологий, а также его влияние на режим

нераспространения оружия массового уничтожения и международную безопасность.

***

24 октября в ПИР-Центре состоялось очередное заседание из серии «Научные Среды». Во встрече приняли участие сотрудники ПИР-Центра **Юрий Федоров**, **Роланд Тимербаев**, **Дмитрий Евстафьев**, **Василий Лата**, **Дмитрий Поликанов**, **Дмитрий Ковчегин**, **Антон Хлопков**, а также **Валерий Меньщиков** (Центр экологической политики России).

Старший научный сотрудник, директор программы ПИР-Центра **Дмитрий Евстафьев** выступил с докладом на тему «Ядерный фактор в вопросе создания региональных систем коллективной безопасности». В докладе были рассмотрены основные аспекты воздействия *ядерного фактора* на ход и урегулирование региональных конфликтов, в частности, на Ближнем Востоке, в Южной и Северо-Восточной Азии.

В ходе последовавшей дискуссии была обсуждена возможность использования ядерного фактора для урегулирования региональных конфликтов в настоящее время.

Yaderny Kontrol (Nuclear Control)
International Security. Arms Control. Nonproliferation
Journal of the PIR Center for Policy Studies
Volume 7
Number 5, September – October, 2001

The **Editorial**, entitled «**Strange War**», maintains, «The large-scale war against terrorism is likely to be long, difficult and somehow special. The bombings of military facilities and the deployment of US commandoes in Afghanistan make only the top of the iceberg of the international efforts to combat extremists and fanatics, whose weapon is terror, including massed terror. The true reasons for this war and hence, its meaning, objectives, forms and methods are much more complicated than it may seem from the current media reports.

«In fact, the war against terrorism is a civil war of the globalization era. Its battlefields are not only canyons and mountainous terrains of Afghanistan or other regions of the South, but also city jungles of the large urban areas in the North, including Russian cities. It is impossible to gain a victory over terrorism with military methods and policing. One should think how to eradicate the reasons for this phenomenon, to bridge the gap between pre-industrial and post-industrial values. So far there are no realistic prospects for that. Moreover, this gap is growing. Therefore, the urgent task today is to contain and repel the extremism, to limit its criminal encroachments.

«There can be no double standards in the fight against terrorism. There can be no exceptions in this struggle. One cannot combat *Al Qaida* and neglect the activities of Irish, Colombian, Palestinian, Chechen, or other terrorists of any political sort – red, green, or black. There can be no compromises, for the culture of political compromise is incompatible with the culture of political extremism, whose slogan is ‘to win or to die’.

«By rendering unequivocal support to the US anti-terrorist campaign, President Vladimir Putin has made a difficult choice. He preferred common interests with the United States to differences, whatever important such differences might seem a couple of months ago. But what is more important, Putin has identified Russia’s place on the geopolitical map of the world. This means a retreat from the previous foreign policy concept, which implied the solidarity with all forces fighting against the unipolar world.

«Nonetheless, it is still not clear how sustainable this policy will be. Anti-American sentiment is quite strong and deep in some part of the Russian elite. These are deeply rooted ideological myths of the Communist epoch, the nostalgia of some groups, whose high status depended on the confrontation typical of the Cold War. And if such views and interests begin to dominate again the Russian policy, it may be reduced to hopeless and unscrupulous balancing between the extremists and fanatics, on the one hand, and the forces that confront them, on the other. Such tactics would satisfy neither of the warring parties. One can hardly imagine a more dangerous situation.

«Finally, the confrontation between terrorism and modern civilization is the confrontation between democracy and new forms of totalitarian rule. This is why it is unacceptable to sacrifice democratic freedoms and human rights for the sake of security and defeat of terrorists.»

Vladimir Orlov and Roland Timerbaev in their article «**Once Again about the Link between Strategic Offensive and Defensive Arms**» state, «The United States and Russia should work at the new format of strategic cooperation, as it was discussed at the Bush-Putin summits. Both parties should preserve the elements of the current system that ensure stable transition to a new strategic framework. And such transition should be multi-phased.

«Although some new nuclear reductions may not always be based on immediate commencement of negotiations, they should be coordinated and discussed by the two parties in advance. Moreover, such measures should be declared by both Presidents. This will assure the international community that new reductions will strengthen positive relationship between Russia and the United States. Such coordinated unilateral nuclear arms reductions should take after some reasonable time the form of legally-binding agreements, whatever simple and short the agreements may be.

«The parties should start a continuous detailed dialogue in order to form a new strategic framework. This dialogue should be conducted at high level and at the level of experts, including

officials and non-governmental communities. The agenda may contain the further fate of the ABM Treaty, the future of the existing strategic arms reduction treaties and the prospects for START III; nuclear doctrines and policies of both states, including the development, modernization, and maintenance of weapons.

«The starting point for the aforementioned transition to the new framework should be the current situation, when strategic stability is regulated with formal arms control agreements. The destination of the process would be time when strategic nuclear deterrence and arms control may have some impact on the bilateral relations, but more emphasis will be placed on strategic cooperation issues. Such cooperation may include the joint work at missile defense systems, command and control of nuclear weapons, broader efforts to prevent the proliferation of WMD. Hence, the new format will become a reality when the parties reach this destination.»

Sergei Zagidullin in his interview «**The Russian Nuclear Complex and the State Duma: Problems and Prospects**» argues, «The State Duma should further enhance the legislation, so that gray zones of vague responsibility sharing between federal and regional authorities may be eliminated. Although the Law «*On Nuclear Energy Uses*» emphasizes the priority of the federal authorities, as far as nuclear issues are concerned, it has some ambiguous provisions concerning the role of regional and municipal authorities in the area of nuclear energy development. We have already witnessed the outburst of populist rhetoric pertaining to the import of irradiated nuclear fuel to Russia. Meanwhile, I would like to note that the single-mandate members of the parliament may ensure a sustainable feedback with the regional audiences, identify the concerns and reduce social and psychological tensions concerning nuclear energy and the nuclear factor. It is high time we stepped over the post-Chernobyl antinuclear syndrome and enter a new level of nuclear safety and security and respect for the public opinion.»

Anatoly Shevtsov and **Alexei Izhak**, «**The Cycles of NATO Enlargement**» say, «In 1999, after the accession of three new members, NATO finished the long cycle of its development, including the process of the enlargement. The latter had to overcome the internal and external opposition. The new phase of uncertainty emerged and the developments of the last decade began to replicate themselves. NATO has to face such complicated issues, as missile defense,

European defense identity, and relations with Russia. The new paradigm of the Alliance's development has not yet been formed. There are reasonable grounds to believe that such priority may be the Balkans and the Mediterranean. However, the activities in these areas will hardly help the Alliance to sustain in the next decade. The eastern direction is an important and, under some circumstances, a crucial factor for NATO existence.»

Igor Rybalchenko in his commentary «**Chemical Weapons Nonproliferation: International Inter-Lab Qualification Experiment**» maintains, «The Chemical Weapons Convention provides for the establishment of the strict verification mechanism, in order to prevent the illegal development, production, storage and use of this type of WMD. The inspection and verification measures provided for in the annex to the CWC include the analysis of samples collected on the inspected site, in order to ensure the existence or the absence of illegal activities pertaining to the highly toxic chemical agents.

«Taking into account the limited capabilities of the OPCW in the area of on-site inspection analysis, the Technical Secretariat increases its efforts to develop the network of accredited national analytical laboratories, where the samples should be delivered. Since 1996, the OPCW has been conducting the International Inter-Lab Qualification Experiment involving 37 leading analytical laboratories of the states parties to the Convention.»

Valery Syomin in his article «**International Financial and Technical Assistance to Russia in Strengthening the Nonproliferation Regime**» states, «Our experience demonstrates that foreign aid to Russia is not adequate in comparison to the scale of tasks. More results may be achieved if the international financial community joins these efforts.

«It may be the matter of providing Russia with preferential long-term large loans (sometimes grants) of the international financial institutions (such as the IMF, the World Bank, the EBRD, etc. Russia may also obtain funds from the special programs of state-run and private foundations, attract private and corporate investors. Moscow seeks support of the international community in this sphere.»

Yevgeny Gorkovsky in his article «**Disarmament Education: The Role of the United Nations**» states, «The United Nations Study on Disarmament and Nonproliferation

Education is to be completed in two years and will be prepared in consultation with other UN organizations as well as with university educators, disarmament and peace-related institutes and nonproliferation organizations. The key questions facing the study are to define and assess disarmament and nonproliferation education today and to make recommendations on ways to promote education and training in the field, using the rapidly evolving information and communications technology tools at the disposal of educators today.

«In order to assist disarmament educators and activists around the world, DDA will be devoting a portion of its Web site to regularly updates on the progress being made and for exchange of information. We know about the uphill battles it takes to bring disarmament curricula into the university systems.

«Education – whether it is about human rights, environment, disarmament or non-violence – invests in the potential of people to decisively reject violence and injustice and work towards building a culture of peace. On the 13th of March 2001, during his trip to Asia the Secretary-General, Kofi Annan, referring to the recent situation of Afghanistan, profoundly stated: ‘I think in the longer run what will help us avoid this sort of situation is education. Education about tolerance, education about respect for diversity, education that allows people to understand that you do not have to hate what belongs to others, to love your own, to respect your own religion.’

«Education is a powerful weapon, and the United Nations stands ready to make the most of its use. Disarmament education has the capacity to demilitarize mindsets and promote peaceful attitudes towards non-violence among people.»

Fidel Castro Diaz-Balart in his chapter «**The Cuban Nuclear Path**» maintains, «As in the case with many other developing nations, the territory of Cuba is small, lack coal reserves, has no significant hydraulic resources or potential and depends on oil imports to cover about 70% of its total energy consumption. In such circumstances, could anyone question the convenience or even the need of assimilating nuclear energy?

«The fact that this purpose is adopted by a country with few resources, which strives for development in difficult geopolitical and economic conditions, has generated growing attention to the program from different observers, as well as specialized organizations of the international community and institutions of academic, technical and scientific character. The principal objective of the Cuban nuclear energy program is the Juragua Nuclear Power Plant and it is upon this plant where most attention is focused.»

The issue also contains the *Information* section with files from nuclear and missile dossiers, the information about the State Duma and arms control.

Об авторах

Диас-Баларт Фидель Кастро (Fidel Castro Diaz-Balart) – действительный член Академии наук Кубы, кандидат физико-математических наук, специалист в области ядерной физики и энергетики. В 1973 году закончил МГУ им. Ломоносова и работал в Институте ядерных исследований в Дубне. В 1980–1992 годах – исполнительный председатель Комиссии по атомной энергии Республики Куба, один из основоположников развития кубинской программы в области ядерной энергетики. В 1984–1993 годах возглавлял Отделение точных наук Академии наук Кубы. В настоящее время занимается внедрением современных систем управления и руководит рядом исследовательских проектов в министерстве промышленности Кубы. Автор ряда книг и статей по ядерной энергетике и философским аспектам современной физики.

Загидуллин Сергей Ильгизович родился в 1965 году. Окончил Военно-командное училище ВВ МВД СССР г. Пермь. Стоял у истоков создания спецподразделения по анти- и контртеррору по Северо-Западу и Прибалтике. Командовал подразделением специального назначения, впоследствии известного как *Гром*. С 1988 по 1993 годы выполнял правительственные задания по разоружению незаконных бандформирований в Республиках Закавказья. Депутат Государственной Думы от Кировского одномандатного избирательного округа. Член депутатской группы *Народный депутат*. Заместитель председателя комитета Государственной Думы по международным делам (председатель подкомитета по международному сотрудничеству в сфере борьбы с международным терроризмом и транснациональной преступностью). Член Комиссии Государственной Думы по государственному долгу и зарубежным активам Российской Федерации. Член комиссии при президенте Российской Федерации по военнослужащим, интернированным и военнопленным.

Ижак Алексей Иванович родился в 1966 году в городе Днепрпетровске. В 1989 году окончил Днепрпетровский государственный университет. С 1989 по 1992 годы – инженер конструкторского бюро *Южное*, с 1992 по 1996 годы – научный сотрудник, а с 1997 года – старший научный сотрудник Днепрпетровского филиала Национального института стратегических исследований (ДФ НИСИ). Сфера научных интересов – европейская безопасность, проблемы ядерного оружия, миротворчество. Автор и соавтор ряда публикаций, среди которых: «Виртуальный ядерный арсенал Украины», *Нераспространение и контроль над вооружениями*, 2001; «Тактическое ядерное оружие: взгляд с Украины», ЮНИДИР, 2001 год.

Орлов Владимир Андреевич – создатель ПИР-Центра; директор и член Совета ПИР-Центра с момента основания; консультант ООН. Кандидат политических наук, крупный специалист в области нераспространения ядерного оружия и экспортного контроля, предотвращения несанкционированного доступа к ядерным материалам и ядерного терроризма, имеющий большой опыт исследовательской и журналистской работы. Является главным редактором журнала *Ядерный Контроль*. В 1990 году окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД РФ по специальности «международная журналистика». Работал в качестве политического обозревателя, начальника отдела, вице-президента и члена Совета директоров газеты *Московские Новости*. В 1994 и 2001 году по приглашению Центра проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований находился в США в качестве старшего научного сотрудника ЦИПН. Участвовал в работе Конференций 1995 и 2000 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия. Соавтор и редактор ряда книг по ядерному нераспространению, изданных в России и за рубежом, в том числе: «Dismantling the Cold War» (1997), «Dangerous Weapons, Desperate States» (1999), сборника статей «Экспортный Контроль в России: политика и практика» (2000), учебника «Ядерное нераспространение» (2000), справочника «Контроль над ядерными вооружениями и военной деятельностью» (2001). Является автором *Независимого Военного Обозрения*, *Времени Новостей*, *Московских Новостей*, журналов *Итоги*, *Ядерный Контроль*, *Bulletin of the Atomic Scientists*, *Nonproliferation Review*, *Pro et Contra* и других российских и зарубежных изданий.

Рыбальченко Игорь Владимирович родился в 1946 году. В 1970 году окончил Военную академию химической защиты. С 1989 по 2000 годы – начальник кафедры Военного университета радиационной химической и биологической защиты, с 2000 года – профессор того же университета. Доктор химических наук. Сфера научных интересов – аналитическая химия высокотоксичных соединений. Автор 150 научных трудов, включая 17 изобретений и патентов.

Семин Валерий Витальевич, главный советник ДВБР МИД РФ, доктор технических наук, профессор. Родился в 1952 году в г. Тула. В 1975 году окончил Тульский государственный университет, в 1984 году – Университет Бирменгема, в 1998 году – Высшие дипломатические курсы при Дипломатической академии МИД РФ. В 1990–1992 годах – заместитель начальника управления Российского агентства по интеллектуальной собственности (по совместительству). В 1993–1997 годах – советник по науке в Генеральном консульстве РФ в Сан-Франциско, США. В настоящее время – главный советник (с 1997 года) ДВБР МИД РФ и руководитель группы зарубежного содействия в утилизации вооружений и военной техники. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Автор 40 научных трудов и 15 патентов.

Тимербаев Роланд Михайлович – Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке). В 1949 году окончил МГИМО. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль за ограничением вооружений и разоружением», 1982). С 1949 по 1992 годы – в МИД СССР. Последняя должность в МИД: постоянный представитель СССР/России при международных организациях в Вене (1988–1992). Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями. С 1992 по 1995 годы – приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. С 1994 по 1997 годы – президент ПИР-Центра политических исследований. В настоящее время – старший советник ПИР-Центра. Автор многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения, среди которых: «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968», Наука, 1999; «Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978)», Библиотека ПИР-Центра, 2000. Автор двух глав учебного пособия для студентов вузов «Ядерное нераспространение». М., Библиотека ПИР-Центра, 2000.

Шевцов Анатолий Иванович родился в 1937 году в городе Верхнеднепровск Днепропетровской области. В 1961 году окончил Московский авиационный институт. В 1968 году получил степень кандидата технических наук, в 1983 году – доктора технических наук, с 1994 года – профессор. С 1961 по 1992 годы работал в Днепропетровске в конструкторском бюро *Южное* (сейчас Государственное конструкторское бюро *Южное* им. М.К.Янгеля), прошел путь от инженера до заместителя Генерального конструктора. С 1992 года руководитель Днепропетровского филиала Национального института стратегических исследований (ДФ НИСИ). Сфера научных интересов – ракетная техника, контроль за вооружениями, нераспространение. Среди последних публикаций – «Ukraine's Experience and Nuclear Disarmament», «Тактическое ядерное оружие и перспективы обеспечения стабильности в Европе», «Договор об ограничении систем противоракетной обороны: основы стратегической стабильности или яблоко раздора?» и др.